

СОДЕРЖАНИЕ

Том 2, № 1, 2018

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Исследование устойчивых свойств личности в психологических теориях А. Валлона и С.Л. Рубинштейна

М.Д. Няголова

История психологии как истории научных проблем: проблемологический подход

Ю.Н. Олейник

С.Л. Рубинштейн и экзистенциальная психология

И.А. Юров

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Нравственное отношение к себе, или проблема любви человеком самого себя

А.Н. Бражникова

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

О становлении и развитии отечественной военной психологии: дореволюционный период

Т.И. Артемьева

Психолого-историческая реконструкция особенностей личности и индивидуального стиля научной деятельности В.Н. Дружинина

Н.Г. Немировская

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Методы историко-психологических исследований

А.Г. Данилова

Жизненная позиция поэтов Серебряного века

Е.Ю. Проненко

CONTENTS

Vol. 3, No 1, 2018

METHODOLOGICAL AND THEORETICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

Investigation of the stability of personality traits in the psychological theories A. Wallon and S.L. Rubinstein

M.D. Nyagolova

The history of psychology as the history of scientific problems: problemologichesky approach

Yu.N. Oleynik

S.L. Rubinstein and existential psychology

I.A. Yurov

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Moral attitude toward themselves or the problem of the love of the man himself

A.N. Brazhnikova

HISTORY OF PSYCHOLOGY

On the formation and development of domestic military psychology: pre-revolutionary period

T.I. Artemyeva

Psycho-historical reconstruction of the personality traits and individual style of scientific activity

V.N. Druzhinin

N.G. Nemirovskaya

HISTORICAL PSYCHOLOGY

Methods of historical and psychological research

A. Danilova

Beliefs of the Silver Age poets

E. Pronenko

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ
В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ
А. ВАЛЛОНА И С.Л. РУБИНШТЕЙНА**

© 2018 г. М.Д. Няголова*¹

*Великотърновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия,

Велико Търново, Болгария

e-mail: mnyagolova@yandex.ru

Почтовый адрес: г. Велико Търново, ул. Теодосий Търновски, д. 2,

5003, Болгария

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставительного анализа научных подходов известных ученых – российского методолога психологии С.Л. Рубинштейна и французского психолога А. Валлона – к рассмотрению такого классического для современной психологии вопроса, как устойчивые свойства личности. Выявлены сходные позиции ученых в трактовке характера, способностей, направленности личности. Раскрыт и обоснован их вклад в разработку проблемы личности, значение их идей для современной психологии.

Ключевые слова: С.Л. Рубинштейн, А. Валлон, психология личности, устойчивые свойства личности, характер, способности, потребности, направленность личности

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие в российской психологии возрастает интерес к взглядам С.Л. Рубинштейна на личность, ее свойства и проявления. Приводятся новые аргументы в доказательство необходимости применения принципов деятельности и общения С.Л. Рубинштейна и Л.С. Выготского в изучении социально-психологических характеристик личности (Л. Гараи, 2010; О.В. Зайцева, 2013; А.Н. Ждан, 2015; И.А. Юров, 2015; и др.). Рассматриваются раскрытие психических особенностей человека в теории С.Л. Рубинштейна (Т.Д. Марцинковская, 2009; Е.В. Гладнева, 2010; В.А. Герт, 2012; и др.), а также его воззрения на психологию субъекта и личности (В.В. Селиванов, 2015; и др.).

Все чаще исследователи обращают внимание на экзистенциальный смысл концепции Рубинштейна. Ряд работ посвящен его разработкам проблем сознания и самосознания (В.С. Агапов, 2011; 2012; и др.). Заметно увеличивается число публикаций, посвященные раннему, Одесскому, периоду творчества ученого (А.Н. Славская, 2009; А.Я. Чебыкин, 2010). Подчеркивается многоаспектность психологической теории Рубинштейна, ее направленность на применение принципов индивидуальности, самодетерминации, развития (В.А. Кольцова, 2012; А.Н. Славская, 2013; В.А. Герт, 2014; В.И. Гинецинский, 2014; Е.Ю. Почтарева, 2016).

В статье С.А. Казьмина рассматривается понимание свойств личности в концепции С.Л. Рубинштейна. Автор изучает его воззрения на характер и ставит вопрос о необходимости более углубленного исследования рубинштейновской теории личности и ее свойств с точки зрения субъектно-деятельностного подхода. Обосновывается вывод о том, что «личностно-ориентированный подход С.Л. Рубинштейна занимает особое место, резко контрастируя с клиническими взглядами З. Фрейда и сомато-психическими корреляциями Э. Кречмера, У. Шелдона, Г. Айзенка» (Казьмин, 2010, с. 79).

---

¹Кандидат психологических наук, доцент, преподаватель психологии.

Все сказанное служит поводом для сопоставления взглядов С.Л. Рубинштейна и тех европейских психологов, воззрения которых близки его концепции по содержанию идей.

Цель настоящей статьи – проведение сопоставительного анализа научных подходов С.Л. Рубинштейна и французского психолога А. Валлона к рассмотрению такого классического для современной психологии вопросу, как устойчивые свойства личности.

Будучи исследователями общей психологии, в генетическом и деятельностном плане оба психолога вносят оригинальный вклад в дифференциальное исследование данного аспекта проявлений личности – в основном в своих трудах 30-х – 40-х годов XX века: «Истоки детского характера» (Wallon, 1934), «Основы психологии» (Рубинштейн, 1935). «Умственная жизнь» (Wallon, 1938) и «Основы общей психологии» (Рубинштейн, 1940).

О МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Личность является предметом исследования разных наук: от философии до психопатологии и психиатрии. Поэтому А. Валлон и С.Л. Рубинштейн настаивают на том, что ее психологическое изучение отличается своей собственной спецификой, которая не совпадает с подходами других наук. С целью раскрытия данной специфики в «Истоках детского характера» Валлон проводит различие психологического и этического подходов к проблеме личности, а Рубинштейн, в «Проблемах психологии в трудах К. Маркса» анализирует отличие социологического и психологического аспектов проблемы личности (С.Л. Рубинштейн, 1973, с. 38–43).

Авторы разделяют мнение о том, что в психологии понятие личности выражает необходимость целостного изучения психики человека, как присущей субъекту, а не как простого суммирования психических функций. Еще в своем первом крупном произведении «Трудный ребенок» Валлон подчеркивает, что главная забота психолога состоит «в понимании целостности

и единства детского существа, рассматривая его в качестве субъекта, в качестве личности» (Wallon, 1984, p. 147). Почти одновременно с ним, в 1922 году, Рубинштейн пишет о том, что «психические свойства и процессы являются неотъемлемыми качествами лишь целостного индивида» (Рубинштейн, 1986, с. 106). Как известно, в статье «Принцип творческой самодеятельности» он предлагает свою методологическую позицию понимания единства личности в качестве субъекта психики и деятельности (Абульханова, Брушлинский, 1989).

Оба психолога выражают убеждение, что необходимо изучать личность в объективных условиях ее проявления. Эти условия в их концепциях сводятся к социальным формам включения личности в жизнь, с одной стороны, и социально-значимым проявлениям личности, с другой. Формы взаимодействия личности с обществом разные, но все они оказывают влияние на становление и развитие ее устойчивых свойств. К устойчивым свойствам личности Валлон и Рубинштейн относят характер и способности в целом, а также некоторые аспекты проявления направленности личности.

Согласно их взглядам, динамические свойства личности рассматриваются как предпосылка формирования устойчивых свойств и, наряду с этим, как важный аспект проявления внутренних особенностей личности. Проблема динамических свойств личности особенно подробно разработана Валлоном в его работе «Трудный ребенок», а Рубинштейном – в «Основах общей психологии» 1940 года. В отличие от концепций, абсолютизирующих динамические характеристики личности (З. Фрейд, К. Левин, Д. Узнадзе), оба психолога считают, что не игнорируя динамичность личности, необходимо рассматривать ее во взаимосвязи с относительно устойчивыми ее свойствами (Рубинштейн, 1989, с. 102).

ХАРАКТЕР КАК УСТОЙЧИВОЕ СВОЙСТВО ЛИЧНОСТИ

Сопоставление взглядов Валлона и Рубинштейна на исследование характера позволяет обнаружить общие тенденции, проявляющиеся при

анализе трех проблем: предпосылки формирования характера, его структура и аспекты проявления.

Исследование предпосылок формирования характера в обеих концепциях реализовано на основе достижений психологической науки тридцатых годов XX века. Валлон и Рубинштейн уделяют большое внимание конституциональным и нейроконституциональным теориям темперамента и характера, а также анализу «психологических теорий характера», в частности Т. Рибо, Л. Клагесса, А.Ф. Лазурского (Рубинштейн, 1935, с. 458). На материале углубленной критики уже достигнутого в разработке проблемы они доказывают несостоятельность тенденции выведения характера либо из «биологических», либо из «социальных» предпосылок психического и на этой основе абсолютизирования первых или вторых.

У них сложились сходные взгляды о наличии двух типов предпосылок, которые в равной мере определяют специфику характера (Wallon, 1975; Рубинштейн, 1935). Валлон определяет характер как результат влияния трех факторов: среды, биопсихологической подструктуры (темперамента) и времени (Wallon, 1982, р. 153). Обсуждая проблему предпосылок характера, Рубинштейн трактует темперамент как чувственную основу характера, формирующегося в поведении, в конкретных жизненных ситуациях (Рубинштейн, 1989, с. 219–222).

Другим типом предпосылок формирования характера является совокупность общественных влияний. Валлон понимает их как «среду» и «время». Влияние среды на формирование характера рассматривается им, прежде всего, в аспекте общения. Согласно Валлону, «среда – понятие комплексное. Она составлена личностями, с которыми субъект взаимодействует, но в нее включаются и объекты, окружающие его» (Wallon, 1982, р. 19). В его концепции понятие объекта представлено в разных планах. Один из них – это воздействие «материальных объектов», «которые являются символами или причиной ситуаций, имевших решающее влияние на развитие

личности» (там же, с. 160). Изолированное манипулирование с вещами, оторванное от социальных отношений, теряет свой смысл. Оно имеет место, по словам Валлона, только в процессе включения в разные сферы социальных деятельностей. Среди них он указывает на влияние культуры, с одной стороны, и воздействие различных профессиональных и социальных занятий, в условиях которых развиваются изменчивые склонности, раскрываются способности (там же).

Представляет интерес взгляд Валлона о том, что в процессе формирования характера «важное значение приобретает отношение субъекта к самому себе» (там же, с. 161).

Социальные воздействия на личность и взаимодействие личности с окружающими, ее участие в разных сферах социальной жизни Валлон рассматривает во временном плане. В условиях функционирования времени характер формируется и развивается (там же). Введением понятия времени Валлон разработывает проблему изменчивости характера. В отличие от З. Фрейда, согласно которому развитие личности определяется фиксациями на прошлое, Валлон считает, что развитие характера и его изменения – это следствие онтогенетического развития человеческого организма. Следовательно, существенное значение для психического развития личности приобретает настоящее.

Детерминантами характера являются «психофизиологические кризисы» в 3 года, в 7 лет, в юности и в старости. Вводя понятие «психофизиологический кризис» и связывая его с определенными временными периодами онтогенеза человека, ученый анализирует, наряду с органическими преобразованиями, изменения социальной позиции личности в общественной жизни. Говоря словами Рубинштейна, это «образ жизни» человека во временном плане.

Понятие образа жизни Рубинштейн вводит в «Основы общей психологии» для обозначения социальных предпосылок формирования

характера, подчеркивая взаимозависимость этих двух понятий (Рубинштейн, 1989, с. 223).

Отношения личности с другими людьми он исследует как осуществляющиеся в двух планах: как реальные отношения в плане практики и как идеальные отношения в плане сознания (Рубинштейн, 1935, с. 473). По словам Рубинштейна, «каждая характерологическая особенность личности определяется своеобразным местом, которое личность занимает в определяемой ею трехмерной системе координат, состоящей из: а) объема, распределения и дифференцировки отношения человека к различным областям объективной действительности; б) типа этих отношений, в частности, их устойчивости; в) осознанности этих отношений» (там же, с. 474).

В «Основах общей психологии» Рубинштейн конкретизирует данные положения и связывает происхождение характера с мотивами поведения человека и с организацией направленных на их закрепление поступков (Рубинштейн, 1989, с. 223). Там же он уделяет специальное внимание фактору «время» как одному из определяющих условий формирования и изменения характера. Подобно Ш. Бюлер, он рассматривает онтогенетическое развитие человека как его жизненную биографию, полагая, что «поступки человека определяют узловые моменты в его биографии, поворотные этапы в его жизненном пути, накладывают определенную отпечаток и на его характер» (там же).

Обсуждение предпосылок формирования характера позволяет проследить и способ его структурирования в теориях А. Валлона и С.Л. Рубинштейна.

Оставаясь верным исследованию генезиса характера, Валлон не составляет какую-либо систему характерологических черт. Его внимание направлено на выявление тех особенностей характера, которые находятся в прямой зависимости от развития эмоциональности. Например, он рассматривает процесс формирования альтруизма как результат чувства симпатии

(Валлон, 1990, с. 130). Типично характерологическим качеством он считает и стыдливость, возникающую лишь после трехлетнего возраста в результате столкновения между обстоятельствами и личностями. При этом основой чувства стыда выступает возможность дифференцирования, отделения себя от других. Возникновение зависти относится им к возрасту от 3 до 5 лет. В то время как З. Фрейд объясняет ее возникновение активностью либидо, Валлон рассматривает ее как результат смешивания себя с другими.

Рубинштейн расширяет круг исследования черт характера и указывает, что в характер включаются волевые, эмоциональные и интеллектуальные особенности (Рубинштейн, 1989, с. 232). К эмоциональным особенностям характера он относит не все эмоциональные характеристики, а только те, которые связаны с силой или интенсивностью чувств, с глубиной и широтой их распространения. В зависимости от направленности чувств им выделяются три характерологических типа личности: эмоциональные, сентиментальные и страстные натуры (там же, с. 179).

К волевым особенностям характера Рубинштейн относит уверенность в себе, самообладание, решительность, настойчивость и т.п., т.е. те свойства, которые определяют функционирование воли (там же, с. 231–230). При этом он настаивает на различии воли и характера, недопустимости их отождествления (там же). Отмечается равнозначность волевых и эмоциональных особенностей характера с интеллектуальными, «поскольку они становятся свойствами личности, выражающимися в качественном своеобразии ее отношения к окружающему» (там же). Согласно Рубинштейну, интеллектуальные качества являются свойствами характера и таким образом определяют не один лишь интеллект, как таковой, а личность в целом (там же). Указанная классификация характера относится к выявлению связи характерологических особенностей с тремя формами проявления психики.

Рубинштейн не ограничивается данной классификацией, а излагает и другие возможности систематизации характерологических черт. Исходя из

того, что характер формируется в результате взаимодействия человека с окружающим миром, он указывает, что «характер человека включает черты, определяющие как его отношение к другим людям, так и его отношение к вещам и к самому себе» (там же). На основании доминирования двух первых отношений он определяет субъектно-личностный тип и объективно-личностный (там же). К характерологическим свойствам личности, связанным с отношением к самому себе, он относит самообладание, чувство собственного достоинства, скромность, самооценку, уверенность в себе или мнительность и т.д. Делая вывод, что «каждая характерологическая черта в какой-то мере и каким-то образом выражает специфическое соотношение между отношением человека к окружающему миру и к самому себе», Рубинштейн при характеристике личности выделяет два «формальные принципа – самоограниченность узких натур и экспансивность натур широких» (там же).

Он осуществляет и внутреннюю классификацию характерологических черт в зависимости от общественной сущности человека. К ней относится историческая обусловленность характера, своеобразие индивидуального жизненного пути человека и его личный образ жизни. В связи с этим в характере каждого человека представлены черты, которые связаны с временем, в котором люди живут, а также те, которые обусловлены конкретными жизненными обстоятельствами, в которых совершается жизненный путь человека. На этой основе Рубинштейн делает вывод о наличии общих, типических и индивидуальных чертах характера, которые всегда представлены в единстве и взаимопроникновении (Рубинштейн, 1989, с. 233).

Рассмотрение структуры характера приводит далее Валлона и Рубинштейна к исследованию его проявления при реализации поведения и общения личности.

Рубинштейн разделяет точку зрения, согласно которой «характер может выразиться, как в содержании, так и в форме поведения» (там же, с. 225). Процесс формирования и проявления характера тесно связан и с общением. В

нем выражается сознательное отношение человека к другим людям. В зависимости от степени общительности Рубинштейн различает «замкнутые и общительные» характеры (Рубинштейн, 1940, с. 557).

Валлон направляет свое внимание, прежде всего, на психологический аспект проявления характера в условиях общения. Разнообразие характерологических черт, по его мнению, зависит от отношения личности к окружающим ее людям. Два основных типа отношений определяют особенности формирования и проявления характера – привязанность ребенка к близким людям и необходимость отличаться от других людей (Н. Wallon, 1974). Таким образом, согласно Валлону, основной сферой проявления характера оказывается человеческое поведение в условиях общения с другими людьми: в общении характер формируется и в нем проявляется.

СПОСОБНОСТИ КАК УСТОЙЧИВЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В своих теориях Валлон и Рубинштейн уделяют большое внимание изучению способностей в качестве устойчивых личностных особенностей.

Валлон рассматривает способности как интеллектуальные проявления характера. Согласно его представлениям, их роль в жизни личности настолько велика, что даже может изменить характер по ходу решения определенной задачи. Сфера проявления способности – это профессиональная деятельность личности (Wallon, 1982, р. 160).

В «Принципах прикладной психологии» Валлон обсуждает вопрос об экспериментальном изучении способностей при помощи тестовых методик (Wallon, 1950, р. 221). В связи с этим он указывает, что «способность нельзя сводить ни к большому количеству, ни к скорости, ни к ритму, ни к отсутствию ошибок, ни к находчивости или к уместности реакций... Вместе того, чтобы искать грубую меру, необходимо оценить возможность успеха, которая предполагает много сложных факторов и которая включает глубину личности субъекта» (там же, с. 148). Делается вывод, что при помощи тестовых методик невозможно измерение индивидуальных особенностей личности; выявляется

лишь определенная взаимозависимость между индивидом и обществом, где они проявляются (там же, с. 98).

Проблема способностей занимает одно из центральных мест в трудах Рубинштейна. Он рассматривает их как устойчивые свойства личности, проявляющиеся в деятельности и отличающиеся самостоятельностью в отношении характера. Согласно Рубинштейну, «наличие у человека определенной способности означает пригодность его к определенной деятельности» (Рубинштейн, 1989, с. 122). Его интересует генезис способностей, их соотношение с одаренностью и задатками, в результате чего им осуществляется углубленное исследование проблемы наследственных и врожденных предпосылок психического развития человека (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989, с. 185–193).

В «Основах общей психологии» Рубинштейн вскрывает ложность традиционной «трактовки способности как органической функции» и указывает, что «всякая способность является способностью, в чем ни будь, к какой-то деятельности. Всякая более или менее специфическая деятельность требует от личности более или менее специфических данных» (Рубинштейн, 1940, с. 533). Эти данные он называет способностями человека. Генезис способностей выясняет в зависимости от выяснения генезиса задатков. На основе принципа взаимодействия внутреннего и внешнего, Рубинштейн рассматривает задатки как формирующиеся до рождения, но проявляющиеся в деятельности личности, а способности – как формирующиеся и проявляющиеся в условиях психического развития в деятельности. В связи с этим он разделяет способности на два вида: «специальные» и «общие». Специальные способности – это способности к различным видам деятельности, а общая способность или одаренность – это «взятая в его единстве совокупность всех данных человека, от которых зависит продуктивность его деятельности» (там же, с. 537). Он подчеркивает, что общая одаренность и специальные способности входят в разные взаимоотношения. В одних случаях, они

совпадают, а в других – реализуются как специальные способности, которые не совпадают с общей одаренностью (там же, с. 538).

Подобный взгляд разделяет и Валлон. Об этом свидетельствует его классификация способностей, включающая «природные» (*aptitudes naturelles*) и «профессиональные» (*aptitudes professionnelles*) способности. Он считает, что природные способности не создаются. Тестовые методики только регистрируют их и позволяют намечать способы их выявления.

Согласно Валлону, о способностях можно говорить, прежде всего, в условиях трудовой деятельности. Он считает, что существуют два вида труда: мышечный труд и интеллектуальный (Wallon, 1950, p. 32). Из этого делается вывод, что способности бывают двух типов: интеллектуальные и профессиональные. Первые проявляются в интеллектуальной деятельности, а вторые – в тех видах деятельности, где требуются физические усилия.

Рубинштейн расширил круг условий формирования и проявления способностей. Наряду с их реализацией в учении и труде, он указывает и на их развитие в процессе игры.

В «Основах общей психологии» им специально подчеркивается, что «с особенной осторожностью нужно относиться к прогнозам», потому что уровень общих способностей «обусловлен всем процессом развития личности», а это предполагает временные задержки и быстрые сдвиги в развитии способностей (Рубинштейн, 1940, с. 545).

Тестам Рубинштейн противопоставляет «индивидуализированный подход к учащимся» (там же). Валлон считает, что самое главное в изучении способностей – это не их измерение и вычисление, а выявление условий их проявления и развития.

Из этого следует, что своими разработками проблемы способностей Валлон и Рубинштейн создают необходимые предпосылки для их современного понимания.

НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Направленность является тем свойством личности, посредством которого проявляются характер и способности. Согласно Рубинштейну, некоторые характеристики направленности относятся к устойчивым свойствам личности, а другие – к динамическим. К устойчивым свойствам относятся потребности, интересы, идеалы, а к динамическим свойствам личности – стремления, тенденции, установки. В динамическом плане он рассматривает влечения, желания (связанные с потребностями) и склонности (связанные с интересами) личности (Рубинштейн, 1940, с. 555).

Ученый отмечает, что характер выражается в разных сферах жизни. Так, например, «в идеологическом плане направленность характера выражается в мировоззрении, в психологическом, в потребностях, интересах, склонностях, во вкусах, т. е. в избирательном отношении к вещам, в избирательном отношении с людьми» (Рубинштейн, 1989, с. 225).

«Мировоззрение, – по Рубинштейну, – переходит в убеждения человека, в его моральные представления и идеалы, регулирует его поведение... Систематически побуждая человека поступать определенным образом, мировоззрение морально как бы оседает и закрепляется в его характере в виде привычек – привычных способов нравственного поведения» (там же, с. 226).

Формирование нравственного поведения Валлон относит к юности, когда человек «делает свой выбор духовных ценностей». Мировоззрение личности, ее мораль связаны с выбором религии и политической ориентации, поэтому личность ищет свою «интеллектуальную семью». Так как существуют разные возможности выбора, в том числе и асоциального, Валлон придает большое значение в этом процессе такой характерологической черте, как «чувство ответственности» (Валлон, Зазо, 1988, с. 324–325).

В условиях участия личности в деятельности проявляется своеобразный синтез потребностей и тенденций в качестве интереса. В учебной деятельности, пишет Валлон, «интерес, позитивный или негативный, часто оказывается амбивалентным... Он относится ко всем разновидностям страсти» (Wallon,

1982, р. 293). В онтогенетическом развитии «осуществляется переход от первичных и непосредственных интересов к интересам вторичным или отложенным» (там же, с. 294).

Валлон указывает на то, что «не существует интереса, успех которого не является, в определенной степени, отложенным. Цель интереса – это не функция только первичных инстинктов; она соответствует всем видам деятельности с момента их возникновения, как бы широкими не могли бы быть их горизонты» (там же).

В процессе исторического развития, указывает Рубинштейн, возникают потребности, не связанные с органической жизнью. Человеческая культура тоже порождает потребности, к числу которых он относит «потребность в чтении, в посещении театра, в слушании музыки» (Рубинштейн, 1989, с. 110). Говоря о роли интереса в динамике психической жизни человека, Рубинштейн отмечает, что «возникающие в связи с потребностями, но не сводящиеся к ним интересы, вызывают у человека деятельность, выходящую за пределы той, которая непосредственно служит удовлетворению намеченных потребностей. Это деятельность может вызвать новые потребности, потому что не только потребности порождают деятельность, но и деятельность иногда порождает потребности» (там же, с. 111).

Интересы связаны с потребностями, но не со всеми, а только с теми, которые порождены культурой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе применения генетического и деятельностного подходов А. Валлоном и С.Л. Рубинштейном осуществлен переход от аналитического к синтетическому изучению личностных свойств, в результате чего обоснована и раскрыта целостность психического мира человека.

Литература

Абульханова К.А. Роль С.Л. Рубинштейна в становлении акмеологии // *Акмеология*. М., 2009. № 3. С. 16–19.

Абульханова-Славская, К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.

Абульханова-Славская К.А., Воловикова М.И., Елисеев В.А. Проблемы исследования индивидуального сознания // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 27–40.

Бадиев И.В. К проблеме определения характера // Вестник НГУ. Серия «Психология». 2011. Т. 5. С. 109–111.

Брушлинский А.В. О соотношении биологического и социального в развитии личности // Теоретические и методологические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 83–121.

Брушлинский А.В. С.Л. Рубинштейн – родоначальник деятельностного подхода в психологической науке // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 3. С. ?

Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 6–10.

Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.

Брушлинский А.В., Поликарпов В.А. Мышление и общение. Минск, 1990.

Валлон А. Истоки характера у детей // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 129–140.

Габер И.Е. Диада Выготского и четвериада Рубинштейна (интервью с Л. Гарай) // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 36–43.

Герт В.А. О концепции индивидуального бытия человека в работах С.Л. Рубинштейна // Социально-педагогическая деятельность в социуме: теория, практика, перспективы. Материалы VI Международных социально-педагогических чтений имени Б.И. Лившица. Екатеринбург, 2014. С. 184–189.

Гинецинский В.И. Четыре аспекта метапсихологической концепции С.Л. Рубинштейна // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Серия 16. Вып. 3. С. 4–12.

Гладнева Е.В. С.Л. Рубинштейн: от деятельностной концепции человека к целостной философской антропологии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2010. Т. 2. № 2. С. 35–44.

Джисоева А.Р., Калабекова М.Р. К вопросу о развитии деятельностного подхода в отечественной психологии // [Электронное издание] Nauka-rastudent.ru. 2016. № 9 (033). URL: <http://nauka-rastudent.ru/33/3656/> (Дата обращения: 28.12.2018).

Дмитриева Н.А. С.Л. Рубинштейн как читатель «Феноменологии духа» Гегеля // Проблемы современного образования. 2016. № 4. С. 9–19.

Зайцева О.В. К вопросу о становлении деятельностного подхода в психологии // Философия и наука. 2013. Т. 12. С. 115–119.

Казьмин С.А. Идеи С.Л. Рубинштейна: деятельностный подход к изучению характера // Вестник славянских культур. 2010. № 1 (XV). С. 79–85.

Марасанов Г.И. «Акме» как процесс: интерпретация понятия в русле философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна и идей К.А. Абульхановой-Славской // Акмеология. 2010. № 1 (33). С. 10–20.

Няголова М.Д. Структурно-генетический подход к изучению психики в трудах А. Валлона и С.Л. Рубинштейна: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 1994.

Няголова М.Д. Два подхода к изучению индивидуальности: С.Л. Рубинштейн и А. Валлон // Индивидуальность в современном мире / Под ред. В.В. Селиванова и Н.Е. Мажара. Смоленск: Изд-во Универсум, Смоленский гуманитарный университет, 2005. С. 53–57.

Полякова О.О. Личность как субъект бытия [Электронные ресурсы МГУ имени Н.П. Огарева]. Саранск, 2016. URL: elibrary_26253021_96784799/ (Дата обращения: 27. 12. 2017).

Почтарева Е.Ю. Феномен самодетерминации в онтологическом подходе С.Л. Рубинштейна // Социальная онтология и структура теоретического знания. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Под ред. О.Н. Бушмакиной и З.Р. Рогозиной. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2016. С. 162–170.

Разина Т.В. Забытый принцип С.Л. Рубинштейна и современные проблемы методологии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2007. № 1 (1). С. 200–206.

Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство НАРКОПРОСА РСФСР, 1940.

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Психологический журнал. 1986. № 4.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1989.

Славская А.Н. Ранний период творчества С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 56–71.

Славская А.Н. Интерпретация С.Л. Рубинштейном методологического принципа развития в психологии // Мир психологии. 2013. № 3. С. 266–275.

Славская А.Н. Основы психологии С.Л. Рубинштейна: Философское обоснование развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Юров И.А. С.Л. Рубинштейн: диалектико-материалистическая и гуманистическая психология // Психолог. 2015. № 4. С. 37–84.

Валлон А., Зазо Р. Детството. София: Наука и изкуство, 1988.

Василев Д. Психичната структура на човека. Велико Търново: Перспектива, 1997.

Bergeron M. La psychologie du conduite, Bulletin de psychologie, P., 1960. № 184. № 14. P. 1–4.

Jalley E. Wallon, lecteur de Freud et Piaget. Paris, 1981.

Micchielli A. Les motivations, Paris: PUF, 1981.

Palmade G. La caractériologie. Paris: PUF, 1989.

Piéron H. Conscience et conduit chez Henri Wallon // Bulletin de psychologie, P., 1960. № 184. P. 1–4.

Prévost C.-M. La volonté. Paris: PUF, 1994a.

Prévost C.- M. La psychologie fondamentale. Paris: PUF, 1994b.

Wallon H. Les principes de psychologie appliquée P., 1950.

Wallon H. Les origines du caractère chez l'enfant. Paris: PUF, 1975.

Wallon H. La vie mentale. Paris, 1982.

Wallon H. L'enfant turbulent. Paris, 1984.

Weil D. L'enfance en psychologie: élaboration d'une notion // Enfance. P., 1987. № 1–2.

INVESTIGATION OF STABILITY OF PERSONALITY TRAITS IN THE PSYCHOLOGICAL THEORY OF H. WALLON AND S.L. RUBINSTEIN

M.D. Nyagolova*

*Candidate of psychological sciences, associate professor of history of psychology of University named after Saints of Cyril and Methodius, Great Tirnovo, Bulgaria

Summary. The article presents a comparative analysis of scientific approaches known scientists – Russian methodologist psychology S.L. Rubinstein and French psychologist H. Wallon – to consider such a classic to modern psychology, the question as stable personality traits. Revealed similar positions of scientists in the interpretation of the character, ability, personality orientation. Disclosed and justified their contribution to the development problems of the individual, the value of their ideas for modern psychology. Disclosed and justified their contribution to the development problems of the individual, the value of their ideas for modern psychology.

Keywords: S.L. Rubinstein, H. Wallon, personality psychology, stable personality traits, character, abilities, needs, personality orientation

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК ИСТОРИЯ НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ: ПРОБЛЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД²

© 2018 г. Ю.Н. Олейник*³

*ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва;

e-mail: yurii03@mail.ru

Почтовый адрес: г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, 128456, Россия

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы методологии историко-психологических исследований. В качестве перспективного вектора при организации и проведении исследований в области истории психологии рассматривается проблемологический подход, который опирается на признание проблемы в качестве системообразующего фактора научного познания. Обосновывается возможность анализа на его основе различных форм психологических знаний. Данный подход реализуется в проблемологическом методе анализа истории психологии, который ориентирован на выявление предпосылок возникновения проблемы, процесса ее осознания и формулировки, путей и вариантов ее разрешения.

Ключевые слова: история психологии, научная проблема, традиция, методология, проблемологический подход, историко-психологические исследования

Для современной российской психологической науки характерно стремление расширить методологические основания проводимых исследований. Методологический плюрализм сегодня становится «мягким» и приемлемым в большинстве случаев для ученых вариантом реализации достаточно эпатажной, но, одновременно, и имеющей основания идеи «методологического анархизма» (П. Фейрабенд). При этом необходимо отметить, что трансформация и расширение методологических основ

---

²Статья подготовлена по государственному заданию, проект № 0159-2018-0009.

³Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН».

проводимых исследований по-разному отражается в различных направлениях и отраслях психологической науки. Представляется, что в когнитивистски- и экспериментально ориентированных направлениях психологических исследований в этой связи возникает меньше трудностей, чем в направлениях, в которых философские и мировоззренческие ориентиры играют более существенную роль. К последним из них можно отнести и историю психологии. Недаром один из ведущих российских историков психологии В.А. Кольцова писала: «В истории психологии... трудности, связанные с утратой методологических ориентиров в проведении историко-психологических исследований, ощущаются особенно остро» (Кольцова, 2004, с. 4). В этой связи вполне правомерна поставка вопроса об изменениях в методологии истории психологии. Они должны позволять, не прерывая традиций в отечественных историко-психологических исследованиях, не отрицая результатов, полученных на предшествующих этапах развития истории психологии, и не руководствуясь неаргументированным отрицанием традиционных методологических подходов и принципов, определить новые и перспективные подходы и методы историко-психологических исследований (там же).

Следует отметить, что во второй половине XX века получены существенные и значимые результаты в разработке отдельных проблем методологии истории отечественной психологии: рассмотрение идеи преемственности знания и принципов историко-психологического исследования (Теплов, 1985; Ананьев, 1945; и др.); изучение истории психологии через призму развития ее концептуально-понятийного аппарата (Тутунджан, 1992; Ткаченко, 1973; и др.) и разработка метода категориального анализа в историко-психологических исследованиях (Ярошевский, 1973; 1988); обоснование возможностей хронологического сравнительно-сопоставительного метода в изучении истории психологии (Ананьев, 1947); разработка вопросов использования системного подхода в истории психологии (Ломов, 1984; 1990; Будилова, 1983; Кольцова, Олейник, 1991; и др.);

исследование возможностей социокультурного анализа динамики психологического знания (Будилова, 1983; Кольцова, Медведев, Олейник, 1992; и др.) и проведение анализа истории психологии с позиций социальной истории науки, т.е. в контексте социальных, политических и идеологических факторов (Петровский., 1984; Аллахвердян, 1992; и др.); разработка методологических оснований изучения донаучных и вненаучных воззрений в контексте динамики психологического знания в целом (Соколов, 1963; Роменец, 1988; Кольцова, 2004) и в рамках истории отдельных отраслей психологии (Будилова, 1983; Климов, Носкова, 1992; Марцинковская, 1998; Носкова, 1997; Олейник, 1990; и др.); обоснование принципов периодизации истории отечественной психологии (Платонов, 1984; Карацан, Платонов, 1986; Казаков, 1984; и др.); разработка методологических вопросов изучения научных школ (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989; Брушлинский, 1988; Имедадзе, 1988; Логинова. 1990а; 1990в; Левченко, 1995; Умрихин, 1987; 1988; и др.) и творческого наследия отдельных исследователей (Большакова, 1997; 1999; и др.); обоснование принципов «понимающей» парадигмы в историческом познании и реализация метода «исторического переноса» в изложении истории психологии (Соколова, 1994); моделирование образа истории психологии как учебной дисциплины (А.Н. Ждан, М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский и др.). Следует отметить, что значительная часть этих разработок была выполнена в 1980-е – начале 1990-х годов, т.е. до коренных преобразований в жизни нашего общества (1995).

Вместе с тем, в 2002 году в одной из публикаций автору статьи, опираясь на совокупность приводимых аргументов, пришлось с сожалением констатировать, что, несмотря на вышеуказанные достижения в области методологии истории, «в последнее время существенно снизился интерес специалистов к разработке проблем и дискуссионных вопросов методологии истории психологии» (Олейник, 2002, с. 165). В частности, отмечалось, что о недостаточности методологической рефлексии в отечественной истории

психологии свидетельствует тот факт, что одна из первых попыток обобщить и структурировать накопленный в этой области материал и изложить его в систематизированном виде была осуществлена только в самом конце 90-х годов XX столетия (Кольцова, Олейник, 1999, с. 578–590).

Анализируя результаты формирования методологии истории психологии, следует признать, что в отечественных историко-психологических исследованиях разработка методологических вопросов чаще осуществляется не дедуктивным (выведением частного из общего), а индуктивным путем, когда осознание и оформление методологических и концептуальных положений исследования не предшествует конкретному исследованию, а является итогом рефлексии его результатов⁴.

Причин подобного положения дел в области методологии истории психологии можно указывать достаточно много: использование историей психологии методологических разработок смежных дисциплин (истории, философии, культурологии); существование общей монометодологической основы в науке советского периода, в значительной мере восполняющей необходимость разработки частной методологии; малочисленность сообщества историков психологии и акцентирование их усилий на конкретно-научных разработках; недооценка историками психологии значения методологической рефлексии как самостоятельного и важного направления исследований в области истории психологии.

Между тем, безусловно, прав А.Я. Гуревич, указывая в своей публикации «Историк конца XX столетия в поисках метода», что «подлинная свобода научного творчества возможна лишь при условии, что историк напряженно вдумывается в эпистемологические основания своего исследования, творчески

---

⁴В подобном положении дел, безусловно, нет опасности. Как известно, теоретические построения могут формироваться, как индуктивным, так и дедуктивным путем. И та же история психологии дает нам массу примеров этого. Однако, беда состоит в другом: часто исследователю не хватает времени, а иногда и понимания необходимости осмысления полученных им результатов, самой программы и технологии проведенного им исследования в методологическом плане, обозначения концептуального значения проведенной им работы.

и критически осваивая при этом достижения гуманитарного знания своего времени» (Гуревич, 1996, с. 4).

Сегодня, в конце второго десятилетия XXI века, ситуация в области методологии истории психологии существенно изменилась. Благодаря появлению фундаментальных и научных трудов и публикаций В.А. Кольцовой, В.А. Мазилова, А.Н. Ждан, Н.А. Логиновой, Е.В. Левченко и других исследователей, многие проблемы методологии историко-психологического познания получили решение. Значит ли это, что вопросы методологии истории психологии утратили свою актуальность? Конечно нет!

Значительная часть методологических проблем истории психологической науки остается еще недостаточно разработанной: создание единых сопоставимых методических приемов анализа различных психологических источников; роль историка психологии как субъекта историко-психологического познания; возможные пути объективизации историко-психологического познания и значение количественных методов в изучении истории психологии и т.д.

В этой связи остановимся на нескольких методологических проблемах, решение которых, на наш взгляд, является актуальным для современной истории отечественной психологии.

Важной проблемой, которую приходится решать историку психологии, является вычленение собственно психологического знания при анализе культурологической, философской, педагогической, медицинской литературы. Особенно остро эта проблема стоит перед исследователями так называемого «донаучного» периода развития психологического знания, когда психология еще не оформилась в качестве самостоятельной области науки, и когда психологические идеи встречались в различных источниках непсихологического характера. Известный отечественный ученый П.С. Гуревич, специализирующийся в области психологии и философской

антропологии, указывая на трудности в определении предмета психологии, подчеркивает, что «предельно сложно вычлениить собственно психологическую тему в комплексе философского знания. Можно ли, к примеру, считать сюжетом психологии размышления Сократа о человеческих добродетелях или постижение смерти у Платона?» (Гуревич, 1999, с. 30).

Методологический смысл решения данной проблемы в контексте истории психологии состоит в нескольких обстоятельствах. Сопоставление между собой различных по замыслу, глубине осмысления, логике построения и обоснования сведений, содержащихся в письменных, устных и художественно-образных источниках, в контексте единого теоретико-методологического подхода позволит: во-первых, существенно расширить источниковедческую базу историко-психологических исследований; во-вторых, избежать «научного снобизма», когда психологические знания, не представленные в научной форме, недооцениваются или даже игнорируются; в-третьих, повысить объективность исследований в области истории психологии за счет многоплановости и многоуровневости проводимого анализа.

В этой связи встает вопрос поиска единой концептуально-методической и инструментально-операциональной схемы выявления психологического знания в различных источниках, отличающихся по своей полноте, уровню их психологической насыщенности, характеру связей психологического знания с знаниями других отраслей.

Для более или менее удовлетворительного решения данного вопроса необходимо предварительно рассмотреть ряд аспектов, которые являются исходными в наших рассуждениях.

Первый аспект – признание многообразия форм существования психологических знаний. Традиционно исследователи выделяют две основные формы познания: научную (обоснованную, истинную, достоверную) и ненаучную (субъективную, недостоверную, необоснованную). Подобный подход в определенной мере, оправдан с позиций узкосциентистских

ориентаций ученого: научным психологическим знанием признается все то, что отвечает общепринятым на данном этапе раз

вития научного сообщества критериям научности⁵, а все другие формы знания выводятся за рамки научного и признаются как ненаучные⁶ с соответствующими характеристиками.

Между тем, анализ представленности психологических знаний в научно-культурном наследии человечества позволяет утверждать наличие широкой совокупности форм психологического знания, по некоторым характеристикам равнозначным научной форме: по своей значимости в способах осознания действительности и ее предметно-практическому освоению; по влиянию на интенсивность познавательной активности и регуляцию жизнедеятельности человека; по воздействию на формирование личностно-адекватного образа действительности и предпочитаемые способы постижения сущности явлений. Как справедливо отмечает В.М. Розин, «познание теперь перестает отождествляться с наукой, а знание – только с таким, которое получено научным путем, да еще, как правило, в естественных науках. Постепенно восстанавливается понимание того, что существуют разные формы познания – научное, философское, религиозное, эзотерическое, художественное и другие, а также разные его идеалы – античный, теологический, естественнонаучный, гуманитарный и т.д.» (Розин, 1996, с. 5).

Действительно, форм познания психической реальности довольно много, по крайней мере, гораздо больше, чем в познании других видов реальности –

---

⁵В данной работе мы не ставим задачу специального обсуждения проблемы критериев научности. Адресуем читателя к работам В.А. Канке и др. ученых, в которых достаточно полно представлены различные подходы и взгляды на этот вопрос. Например, Канке указывает следующие критерии научности знаний: обоснованность, достоверность, непротиворечивость, эмпирическая подтверждаемость и принципиально возможная фальсифицируемость, концептуальная связанность, предсказательная сила и практическая эффективность (Канке, 2000, с. 159).

⁶Интересные соображения, на наш взгляд, на этот счет высказывает В.А. Канке. По его мнению, «в термине «ненаука» приставка «не» придает слову наука слишком резкое, негативное содержание: ненаука – это то, что противостоит науке» (Канке, 2000, с. 157). Другие же синонимы, по его мнению, также не совсем удачны: «термин «вненаука» содержит не совсем уместную отсылку к феномену пространственности («вне»)), а выражение «вненаучное знание» – слишком громоздко (там же, с. 157). Канке предлагает в подобных случаях

скажем физической или химической. Можно говорить о следующих формах психологического познания: научном, художественном, религиозном, мифологическом и житейском (обыденном) (Кольцова, 2004). Каждая из них характеризуется особенностями используемых методов, приемов структурирования получаемых результатов и критериев их обоснования, отличается исходными постулатами и нормами доказательности, широтой охвата исследуемых вопросов и проблем, уровнем осмысленности конкретного психологического материала, степенью доступности массовому общественному сознанию и распространенностью в обществе, используемой фактологической базой и системой источников и т.д. Интересно высказывание в этой связи немецкого философа и культуролога Г. Риккерта, отмечавшего, что «та “психология”, которую изучают художники, имеет, конечно, с абстрактной наукой о психической жизни общим только название, и никто не порекомендует поэту заняться научной психологией для того, чтобы таким образом усовершенствоваться в поэтическом искусстве. Искусство стремится постигнуть психическую жизнь не понятиями, но... интуитивно для того, чтобы с помощью совсем иных, нежели научные, средств поднять ее в сферу всеобщего значения; так что художественная способность “психологического” понимания людей, во всяком случае, совершенно не зависит от знания научной психологии» (Риккерт, 1998, с. 79).

Важно при этом подчеркнуть, что различные формы познания психической реальности одновременно сосуществуют, как в общественном, так и в индивидуальном сознании (в том числе и в сознании самого историка психологии), что часто выступает основанием для переноса, порой некритического, данных, полученных в контексте одной формы психологического познания, в массив фактологии, выявленной в рамках другой формы психологического познания. Отсюда следует важный для историка психологии вывод: анализируя систему психологических воззрений,

---

использовать термин «не-наука», который обозначает ненауку, «которая сохраняет соотносительность (эту позицию выражает дефис) с наукой» (там же).

складывающихся в русле конкретной формы психологического познания (например, житейской), не следует придавать полученным результатам тот же статус, которые имеют данные, получаемые в рамках другой формы психологического познания (например, научной). Это может привести к «осовремениванию» идей далекого прошлого.

Второй аспект, который требует предварительного рассмотрения для решения поставленной нами в данной статье задачи, касается проблемы соотношения объективности и субъективности историко-психологического исследования. Ориентируясь на стандарты естественнонаучного знания (в том числе и в сфере психологии), историки психологии стремятся повысить уровень доказательности получаемых результатов за счет введения в историко-психологические исследования количественных, в первую очередь, статистических методов, использования экспертной оценки специалистов (назовем это «научным аудитом») и т.д. Это, в конечном итоге, приводит к элиминации субъективных мнений и научных пристрастий историка психологии, позволяя, тем самым, повысить объективность результатов научного исследования. Подобный подход, безусловно, заслуживает поддержки, поскольку история психологии как научная дисциплина не может игнорировать принятые в научном сообществе критерии и стандарты доказательности.

Однако следует ли абсолютизировать подобные тенденции? Да и можем ли мы рассчитывать на достижение полной объективности при интерпретации и объяснении динамики психологического знания? Еще в начале 1990-х годов известный методолог психологии А.В. Юревич подчеркивал необходимость использования при философском анализе научного объяснения (в том числе, и в области истории психологии) не столько представления о науке как системе знания, когда объяснение выступает как результат, сколько представления о ней как системе деятельности по производству знания, когда объяснение выступает как процесс (Юревич, 1993, с. 107).

Отсюда следует естественное введение субъектного и субъектного факторов (отдельного ученого, научной группы или научного сообщества в целом с их взглядами и установками) в систему объяснения⁷. При этом следует иметь в виду, что в структуре субъективности научного объяснения присутствуют два субъекта: тот, кто объясняет, и тот, кому это объяснение адресовано. Последний также может быть представлен в виде, как отдельного человека, так и обобщенного другого. То есть, «объяснение – это диалог, реальный или мыслимый, направленный на передачу другому конкретной когнитивной структуры субъекта» (там же, с. 108). В любом, даже самом незначительном, суждении относительно прошлого (не говоря уже о масштабных историко-психологических реконструкциях, например, творческого наследия того или иного ученого, или динамики познания той или иной психологической проблемы в исторической ретроспективе) всегда представлена субъективность – субъективность объяснения и интерпретации самого историка психологии, а также субъективность понимания и интерпретации субъекта восприятия результатов историко-психологического исследования.

Таким образом, мы считаем, что историку психологии не следует ставить перед собой заведомо не решаемую задачу достижения «чистого», исключаящего субъективную компоненту, знания; необходимо четко осознать и обозначить характер получаемого в результате его исследовательской деятельности знания (описаний, интерпретаций, объяснений, трактовок).

Конструктивным в этом плане нам представляется понятие «проблематичное знание», используемое известным итальянским философом Н. Аббаньяно. Рассматривая вопрос о философии как экзистенции, ученый указывает, что следует говорить о двух типах знания: необходимом и проблематичном. Необходимое знание «реализуется как неизменное сцепление универсальных определений, так что его можно понять и овладеть им

---

⁷Эта идея находит убедительное подтверждение в концепции психологии субъекта А.В. Брушлинского.

посредством одного единственного взгляда, который бы охватывал абсолютную тотальность». При этом данный тип знания «исключает всякую проблему внутри себя и не составляет проблему в своей тотальности» (Аббаньяно, 1998, с. 307). Характеристика же проблематичного знания принципиально иная. Оно отрицает необходимость, а включает в себя «неопределенность, сомнение, решение и выбор и имеет в качестве своей нормы и своей высшей категории категорию возможности» (там же, с. 308). Проблематичное знание – это «знание, которое включает в себя возможность незнания... непрерывно сопровождается сомнением... [допускает – Ю.О.] возможности заблуждения, потери и утраты возможного знания» (там же). Нам представляется, что знание, получаемое в рамках истории психологии, относится по своему типу к проблематичному, а соответственно, в контексте наших рассуждений, допускает субъективность идущую, как от исследователя, так и от того материала, на котором он строит свои выводы.

Таким образом, не абсолютизируя субъективность, характерную для истории психологии, и не призывая к произвольности историко-психологических построений, следует, тем не менее, учитывать, что историк психологии не должен быть ориентирован исключительно на естественнонаучный идеал познания с его достаточно жестким представлением об объективности как единственной критерии истины.

Вернемся теперь к основной задаче нашей работы – поиску единых оснований вычленения психологического содержания в различных формах психологического знания.

Варианты решения данной проблемы могут быть различны. Например, М.Г. Ярошевский предложил метод категориального анализа истории психологии, когда ключевые понятия современной психологии как бы «опрокидываются» в прошлое и через данную категориально-понятийную систему как через сито «просеивается» все предшествующее психологическое знание. Е.Е. Соколова, анализируя философские тексты, выделяет в них те

сюжеты, которые затем получают активное осмысление и разработку уже в лоне собственно психологической науки (Соколова, 1994). И в первом, и во втором случаях история психологии рассматривается через призму определенной системы ключевых категорий или терминов. При этом, естественно, в качестве исходных берутся понятия современной психологии, и затем ведется поиск их аналогов в предшествующем психологическом знании.

Нам представляется конструктивным использование в качестве единицы анализа динамики психологического знания понятия «проблема», более широкого по объему, чем понятие «категория» и в тоже время менее жесткого и однозначного, т.е. допускающего возможность существования проблематичного знания (по Аббеляно). Тем более, что через призму проблемологического изучения психологической мысли, выраженной в различных формах представленности психологического знания, можно воссоздать процесс формирования *научной* психологической мысли: во-первых, проблемологический анализ позволяет выявить и проследить социокультурную детерминацию развития научного знания через формирование проблемной ситуации (как справедливо отмечается, именно в «процессе постановки проблемы осуществляется социальный заказ науке») (Никифоров, 1988, с. 6); во-вторых, историческое развертывание проблемы отражает внутреннюю логику развития научного познания, объективно существующую потребность науки в самодетерминации: исследование постановки проблемы и путей ее решения позволяет раскрыть взгляды и ориентации, как отдельных ученых, так исследовательских коллективов и научных школ.

Разработка учеными проблемы или совокупности проблем стимулирует создание адекватных методов и развитие категориально-понятийного аппарата науки. Справедливо утверждается, что «развитие проблематики приводит к структурным изменениям в науке: ее дифференциации, появлению новых

областей, усилению стыков и связей со смежными науками. Оно ведет к углублению специализации, “разделению труда”...» (Сахаров, 1977, с. 52).

Являясь формой научного мышления, проблема, с одной стороны, выражает необходимость развития научного знания, с другой стороны, выступает одним из мощных познавательных стимулов познания в целом. Выступая как вектор направленности развития познавательной деятельности и являясь системообразующим фактором формирования системы знания, она обеспечивает возможность реализовать ряд необходимых описаний этой системы: с точки зрения присущих этой системе внешних, свойств; с точки зрения ее внутреннего строения и «вклада ее компонентов в формирование ценностных свойств системы; с точки зрения понимания данной системы как подсистемы более широкой системы» (Садовский, 1977, с. 107). Тем самым обеспечивается важный принцип системного подхода – принцип множественности описаний объекта.

В то же время, опираясь на обоснованные выводы Б.А. Старостина о том, что факторы развития науки могут быть истолкованы одновременно и как ее параметры (Старостин, 1977, с. 114), можно выделить проблему и как исходную единицу анализа при изучении истории развития психологического познания в целом. Следовательно, и реальную историю психологии можно представить через динамику научных проблем⁸. Как отмечает А.П. Огурцов, «ныне складывается новый образ науки, при котором весь корпус научного знания предстает как совокупность различного рода проблем и проблемных ситуаций, а научное творчество – как постановка и решение проблем» (Огурцов, 1980, с. 324).

На наш взгляд, выделение проблемы как исходной единицы анализа отвечает всем требованиям, предъявляемым к конструированию подобных

---

⁸Существует мнение и о невозможности такого допущения. В частности, такой точки зрения придерживались Б.С. Грязнов (Грязнов, 1977) и В.И. Селиверстов (Селиверстов, 197). Данная позиция опирается, с одной стороны, на признание в качестве начального звена исследовательской деятельности не проблемы, а теории, с другой стороны, – на понятие «поризм» (непредвиденный, неожиданный, промежуточный результат). Однако эти взгляды не получили значительного распространения в науковедении и эпистемологии науки.

единиц в методологических, науковедческих и историко-психологических исследованиях, на которые указывает В.В. Умрихин (Умрихин, 1987, с. 28–29).

Именно на понимании проблемы как системообразующего фактора научного познания и построен *проблемологический подход* в историко-психологических исследованиях. Его задачей является раскрытие динамики развития психологического знания через выявление изменений проблематики в разные исторические периоды в зависимости от внешних, личностных и внутренних факторов детерминации науки⁹, а также изучение истории разработки ключевых проблем психологии в их исторической ретроспективе. Можно согласиться с утверждением о том, что проблемологический подход «объединяет в себе “социологический” аспект рассмотрения (проблемы выдвигались борьбой классов, социальной практикой, их решение отражало эту практику) и “гносеологический” (чем обогащен категориальный аппарат, что нового в решении проблем)» (Емельянов, Любутин, 1987, с. 24).

Таким образом, специфика проблемологического подхода в целом состоит в реконструкции определенного объема знаний и выявлении его динамики в процессе постановки и решения проблем. Это предполагает, в свою очередь, изучение психологического знания в контексте различных форм его существования, исследование творчества отдельных мыслителей и ученых, анализ достижений научных школ и направлений, эволюции основных понятий и методов в рамках постановки и решения проблемы. Все это и позволяет в русле «диалектико-материалистически понятого метода “восхождения”... проследить движение от эмпирии к теории, выделить “сквозные” и “преходящие” проблемы, их аспекты» (там же, с. 25). И в этом отношении проблемологический подход открывает возможности для целостного воссоздания динамики психологического знания, от возникновения проблемы

---

⁹Чаще всего проблемологический подход в истории психологии реализуется в виде изучения постановки и путей решения какой-либо одной проблемы. При этом надо понимать, что для исторического развития психологического знания характерен не только переход от одной проблемы к другой, но также и новая постановка уже известных, ранее сформулированных проблем, в связи с новыми, в том числе междисциплинарными, данными, накоплением опыта исследований и социальным заказом общества.

и ее формулировки на языке житейской, религиозной или художественно-образной формы психологических знаний и ее решения на основе субъективных методов, до постановки этой проблемы отдельными учеными или научными школами на строго научном категориально-понятийном языке и ее решения с помощью объективных методов.

В то же время, мы считаем, что рассмотрение истории психологии только как последовательности постановки и решения проблем недостаточно. Это обусловлено, во-первых, выводами по результатам конкретных историко-научных исследований (Грязнов, 1977, с. 114), во-вторых, тем, что при изучении истории науки всегда следует иметь в виду единство когнитивных и коммуникативных компонентов познавательной деятельности. И, соответственно, история научной дисциплины должна включать параметр, отражающий процесс исторической преемственности знаний. В этом качестве, на наш взгляд, выступает традиция¹⁰. Такое дополнение важно и еще по одной причине: если проблема в значительной мере характеризует процесс производства знания (и, соответственно, структуру «передового края» науки), то традиция – процессы передачи и воспроизводства знания, а, значит, дисциплинарную структуру науки (Огурцов, 1980, с. 305). В связи с этим представляется, что история развития отечественной психологической мысли должна быть рассмотрена как единство динамики проблематики и функционирования механизма преемственности в развитии знания¹¹.

Что же понимается в современной науке под термином «проблема»? В.Н. Никифоров, проанализировав около 60 существующих определений термина «проблема», выделил специфические содержательные признаки этого понятия:

---

¹⁰Герхард Харич указывал на возможность изучения истории науки как истории прогрессивных традиций, подчеркивая, что «именно такой подход, не исключающий, а предлагающий другие подходы, заслуживает... большего внимания, чем прежде, так как на этом пути становятся очевидными основные принципы, которые способствовали в прошлом и способствуют в настоящее время углублению человеческих знаний. Одновременно выявляются материальные и идейные движущие силы, которые порождают новые проблемы и ведут к новым решениям...» (Harig, 1963, с. VII–VIII).

¹¹Примерно такой же подход реализован Ларри Лауданом в его концепции развития науки – «умеренный историзм» или концепция «научного прогресса как решения проблем в рамках определенной исследовательской традиции» (Laudan, 1977; 1981).

форма отражения объективно существующей проблемной ситуации; отправной пункт познавательного цикла, исходная форма организации знания; нацеленность на получение нового знания; система высказываний и требований; иерархически упорядоченная совокупность вопросов (Никифоров, 1988, с. 68). Это позволило ему дать следующее определение проблемы: «Проблема есть исходная форма организации знаний, представляющая собой систему высказываний о проблемной ситуации, и совокупность вопросов, решение которых необходимо для ее разрешения, и, возможно, путем получения нового знания» (Никифоров, 1988, с. 68)¹².

Таким образом, одним из оснований исследования психологического содержания, выраженного в различных формах психологического познания, может выступать проблема, позволяющая интегрировать и художественное, и религиозное, и быденное, и научное осмысление психической реальности. Известный зарубежный историк психологии Х. Люк пишет: «При изучении истории проблемы исследователи отступают от хронологической последовательности и действуют в интересах более сильной систематизации отдельных проблем... Понятно, что история проблем психологии не может быть простым хронологическим описанием развития науки. Она ориентирована на фундаментальные вопросы и анализирует их с точки зрения различных эпох... В целом, этот многообещающий вид истории психологии встречается не очень часто» (Люк, 2017, с. 199).

Завершая рассмотрение вопроса о возможностях единого подхода к выяснению психологического содержания в различных формах психологического познания, отметим, что одной из важных тенденций современной исторической науки, фиксируемой многими исследователями, является тенденция формирования «понимающей истории». Как отмечает применительно к состоянию исторической науки И.Л. Тучкова, «можно

---

¹²Таким образом, отличие проблемы от задачи заключается в том, что первая, оперируя неопределенными вопросами, требует для своего решения нового знания. Задача же использует определенные вопросы и ее решение возможно на основе уже существующего знания.

утверждать, что бесконечное и неконтролируемое копание в прошлом, которое вызвано стремлением обнаружить прошлую реальность и научно реконструировать ее, не является больше бесспорной задачей историка. Видимо, сейчас приходит время, когда историки должны больше думать о прошлом, нежели исследовать его. На этом новом этапе осмысление приобретает большее значение, чем реконструкция и поиски генезиса. Отсюда и проистекает основной конфликт в современной историографии, который заключается в противоречии между метафизическим подходом (постмодернизмом или постструктурализмом) и подлинным историзмом»¹³.

Представляется, что подобные познавательные установки должны выступать ориентирами и для историков психологии. Безусловно, это не должно восприниматься как призыв к полному отказу от конкретно-научных разработок в области истории психологии. Тем более что, к сожалению, все еще слишком значительная часть отечественной истории психологии выступает как «белое пятно», является недостаточно изученной. Но, тем не менее, при проведении подобных исследований, профессиональный историк психологии должен стремиться не только воссоздавать историю формирования и развития психологической идеи или содержание творческого наследия того или иного ученого, но и пытаться методологически осмыслить полученный результат в контексте современного состояния психологической науки, развития науки и общества в целом.

Литература

Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. СПб., 1998.

Абульханова К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.

Аллахвердян А.Г. Социальная психология науки: историко-методологический анализ // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. Сборник тезисов Международной конференции. М., 1992. С. 7–9.

---

¹³<http://ea.donntu.edu.ua/bitstream/123456789/1544/19/tuchkova.htm>

- Ананьев Б.Г.* Передовые традиции отечественной психологии // Психология. Движение и деятельность: Ученые записки МГУ. Вып. 90. М., 1945. С. 234–246.
- Ананьев Б.Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947.
- Большакова В.В.* Очерки истории русской психологии (XIX – начало XX вв.). Ч. 2 «Русский волонтаризм: М.И. Владиславлев». Нижний Новгород, 1997.
- Большакова В.В.* Очерки истории русской психологии (XIX – начало XX вв.). Ч. 3 «Русский ассоцианизм: М.М. Троицкий». Нижний Новгород, 1999.
- Брушлинский А.В.* Школа С.Л. Рубинштейна: концепция деятельности и психического как процесса // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988. С. 92–100.
- Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
- Будилова Е.А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
- Грязнов Б.С.* О взаимоотношении проблем и теорий // Природа. 1977. № 4. С. 60–64.
- Гуревич А.Я.* Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей. Человек в истории. М., 1996.
- Гуревич П.С.* Психология. Учебное пособие. М., 1999.
- Емельянов Б.В., Любутин К.Н.* Введение в историю философии. М., 1987.
- Имедадзе И.В.* К истории взаимодействия школ А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988. С. 114–120.
- Казаков В.Г.* О периодизации советской социальной психологии // Всесоюзная конференция «Актуальные проблемы истории психологии» (Тексты докладов). Т. 2. Ереван, 1984. С. 11–17.
- Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М., 2000.
- Карацан В.А., Платонов К.К.* Периодизация истории отечественной авиационной психологии // Карацан В.А., Платонов К.К. История развития отечественной авиационной психологии. Учебное пособие. Монино, 1986.
- Климов Е.А., Носкова О.Г.* История психологии труда в России. Учебное пособие. М., 1992.
- Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.
- Кольцова В.А.* История психологии: Проблемы методологии. М., 2008.
- Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Системный подход в историко-психологическом исследовании // Первые международные научные Ломовские чтения. Тезисы докладов. М., 1991.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. История психологии: теоретические и методологические проблемы исследований // Современная психология. Справочник. М., 1999. С. 578–590.

Кольцова В.А., Медведев А.М., Олейник Ю.Н. Проблемы изучения истории психологии в системе культуры России // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. Сборник тезисов Международной конференции. М., 1992. С. 20–24.

Левченко Е.В. История психологии отношений: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1995.

Логинова Н.А. О преемственной связи психологических школ В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева // История становления и развития экспериментально- психологических исследований в России. М., 1990а. С. 116–126.

Логинова Н.А. Становление комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1990б.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Ломов Б.Ф. История и актуальные проблемы развития экспериментальной психологии в России // История становления и развития экспериментально- психологических исследований в России. М., 1990. С. 7–16.

Люк Х. История психологии: методология и методы // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 194–203.

Марцинковская Т.Д. История детской психологии. М., 1998.

Никифоров В.Е. Проблемная ситуация и проблема: генезис, структура, функции. Рига, 1988.

Носкова О.Г. История психологии труда в России (1917–1957): Учебное пособие. М., 1997.

Огурцов А.П. Дисциплинарное знание и научные коммуникации // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1979. М., 1980. С. 299–322.

Олейник Ю.Н. История становления и развития отечественной психологии индивидуальных различий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.+

Олейник Ю.Н. Проблемологический подход в истории психологии: состояние разработки и перспективы развития // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 4 «Методологические проблемы историко-психологического исследования: Материалы юбилейной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. М., 1984.

Платонов К.К. Общее, особенное и единичное в критериях периодизации истории отечественной психологии // Всесоюзная конференция «Актуальные проблемы истории психологии» (Тексты докладов). Т. 2. Ереван, 1984. С. 3–10.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.

Розин В.М. Путешествие в страну непривычного знания // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV вв. М., 1996. С. 5–18.

Роменец В.А. Психологические идеи восточной патристики на Украине (XIII–XV вв.) // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988. С. 65–71.

Садовский В.Н. Методология науки и системный подход // Системные исследования. Ежегодник. 1977. М., 1977. С. 94–109.

Сахаров В.И. Развитие науки как закономерный процесс. М., 1977.

Селиверстов В.И. К проблеме системности научного знания (критический анализ эволюционистского подхода в современной западной методологии науки) // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1979. М., 1980. С. 326–343.

Соколов М.В. Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII вв. М., 1963.

Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. М., 1994.

Старостин Б.А. Системообразующие факторы в истории науки // Системные исследования. Ежегодник. 1977. М., 1977. С. 112–132.

Теплов Б.М. О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Теплов Б.М. Избранные труды: В 2-х т. Т. 2. М., 1985. С. 191–198.

Ткаченко А.Н. Проблема теории и метода в истории психологии (в связи с учением о детерминации поведения) // Проблемы теории и истории развития психологии. М., 1973. С. 89–110.

Тутунджан О.М. История психологии как научный процесс развития концептуального аппарата // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. Сборник тезисов Международной конференции. М., 1992. С. 38–40.

Тучкова И.Л. Методологические особенности исторических исследований французской школы «Анналов». URL: <http://ea.donntu.edu.ua/bitstream/123456789/1544/19/tuchkova.htm>

Умрихин В.В. Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии. М., 1987.

Умрихин В.В. Научные школы в истории советской психологии: методологические проблемы анализа // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988. С. 80–85.

Юревич А.В. Психология научного объяснения // Научный прогресс: когнитивные и социокультурные аспекты. М., 1993. С. 102–125.

Ярошевский М.Г. О категориальном анализе истории психологического познания // Проблемы теории и истории развития психологии. М., 1973. С. 3–43.

Ярошевский М.Г., Лебедев В.А. Категориальный анализ как историко-психологический метод // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988. С. 14–24.

Harig G. Zur Einfuhrung // Naturwissenschaft, Tradition, Forschrift, NTM, Zeitschrift fur Geschichte der Naturwissenschaften. Berlin, 1963. S. VII–VIII.

Laudan L. Progress and its problems: Towards a theory of science growth. Berkeley, 1977.

Laudan L. Science a. Hypothesis: History essay on science Methodology. Dordrecht, 1981.

HISTORY OF PSYCHOLOGY AS A HISTORY OF SCIENTIFIC PROBLEMS: A PROBLEMLOGICAL APPROACH*

Yu.N. Oleynik*

*Candidate of psychology, senior researcher associate laboratory history of psychology and historical psychology, Institute of psychology of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

Abstract: The article discusses the methodology of historical and psychological research. As a promising vector in the organization and conduct of research in the history of psychology, the problemological approach is considered, which relies on the recognition of the problem as a system-forming factor of scientific knowledge. The possibility of analyzing various forms of psychological knowledge based on it is substantiated. This approach is realized in the problemological method of analyzing the history of psychology, which is focused on identifying the prerequisites for the emergence of the problem, analyzing the process of its comprehension and formulation, and exploring ways and options for its resolution.

Keywords: history of psychology, scientific problem, tradition, methodology, problemological approach, historical psychological research

С.Л. РУБИНШТЕЙН И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

© 2018 г. И.А. Юров*

*Кандидат психологических наук, частнопрактикующий психолог

e-mail: sov36@mail.ru

Сочи, Россия

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что у истоков формирования экзистенциальной психологии стояли не только зарубежные философы и психологи, но и российский ученый, крупный методолог и теоретик отечественной психологии С.Л. Рубинштейн. В подтверждение данного положения проводится сравнение взглядов С.Л. Рубинштейна, М. Хайдеггера, В. Франкла, Р. Мэйя, Ж.-П. Сартра, М. Босса. Показано, что С.Л. Рубинштейн впервые заявил о мире и человеческом бытии; рассмотрел проблемы сущности и существования, свободы и воли, индетерминизма, аутентичности; обосновал принцип детерминизма – «внешнее через внутреннее»; развел понятия «личность» и «субъект».

Ключевые слова: экзистенциальная психология, решимость, сущность, существование, бытие, знание мира, свобода и воля, аутентичность, внешнее и внутреннее, личность, субъект

В 1913 году С.Л. Рубинштейн в Марбургском университете успешно защищает докторскую диссертацию (как ученик идеалистов П. Наторпа и Г. Когена), в которой доказывает неприменимость естественнонаучного метода к гуманитарному знанию (к которому относилась психология) и для раскрытия типа причинности гуманитарного знания выдвигает в качестве ключевой идею субъекта.

Уже в своих ранних работах С.Л. Рубинштейн раскрывает понятия бытия, отношения к миру, свободы и воли, сущности и существования,

подлинности и саморазвития. Так, в рукописи 1917–1918 годов он подвергает сомнению основную идею когеновского идеализма, идущего от Платона и Канта: «познание становится первичным в объективном смысле, и бытие оказывается производной функцией познания» (Рубинштейн, 1994, с. 231).

Если для Когена «бытие покоится не в самом себе, поскольку мысль создает основу бытия» (Рубинштейн, 1994, с. 239), то для Рубинштейна никакой конечный комплекс понятий и определений не может исчерпать бытие: «Оно есть бесконечное Нечто, таящее в себе никаким конечным комплексом определений неисчерпаемую содержательность, которая поэтому полагает бесконечный процесс познания, т.е. бесконечную систему знания» (там же, с. 241). Рубинштейн выступает против фундаментального положения субъективного идеализма о том, что «бытие не существует, а полагается мыслью» (там же, с. 239), что «мысли ничего не может быть дано, мысль сама порождает все свое содержание, содержание бытия» (там же, с. 234). Вместе с тем, он отвергает и материализм, который «совершил уже свое опустошительное шествие», а также другую, «более утонченную форму натурализма – психологизм» (там же, с. 234). Таким образом, Рубинштейн фактически предлагает идею третьего пути, не связанного ни с субъективным идеализмом, ни с материализмом, т.е., фактически, идею психологического экзистенциализма.

Аналогичные мысли ранее высказывал основоположник философии экзистенциализма С. Кьеркегор: «Если мы желаем порядка в жизни... то мы должны заботиться, прежде всего, о том, чтобы сделать из каждого человека отдельного, единственного» (цит. по: Мэй, 2001, с. 3). По Кьеркегору, надо уйти от мира, чтобы обрести себя, и вернуться в мир, чтобы теперь уже сознательно творить его. В конечном итоге, все зависит от реакции личности на свое переживание: будет ли это бегство или движение вперед. А это уже есть акт выбора. Не случайно Кьеркегор ставит знак равенства между «Я» человека

и его волей. Однако воля человека, в свою очередь, имеет отрицательную форму – волюнтаризм. Кьеркегор отвергал материализм и естественнонаучные методы исследования гуманитарного знания (как позднее Рубинштейн). В противовес *немецкому классическому идеализму* и развитию, которое придал ему Гегель, Кьеркегор настаивал на вторичности *рациональности* и первичности чистого существования (*экзистенциальности*), которое после определенного диалектического пути развития личности должно найти свой смысл в вере.

В статье «Принцип творческой самодеятельности» С.Л. Рубинштейн пишет: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» (Рубинштейн, 1922, с. 148). Деятельность всегда – творческая и самостоятельная. Самостоятельность здесь вовсе не противостоит совместности. Напротив, именно в совместной деятельности реализуется ее самостоятельность. Автор исходит из того, что учение есть совместное исследование, проводимое учителем и учеником. Рубинштейн пишет, что «в творчестве создается и сам творец. Есть только один путь – если есть путь – для созидания большой личности: большая работа над большим творением. Личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет...» (там же). Рубинштейн так формулирует свой подход к воспитанию и самовоспитанию людей: «Организацией не символизирующих и уподобляющих, а реальных, творческих деяний определять образ человека – вот путь и такова задача педагогики» (там же).

По мнению А.В. Брушлинского, Рубинштейн, с одной стороны, творчески, критически использует все новое и ценное, что дала немецкая классическая философия, – особенно в лице гегелевского идеализма. С другой стороны, он сразу же и сознательно начинает преодолевать идеалистическую

трактовку деятельности как чистой активности духовного субъекта, безотносительно к материальному субъекту. Рубинштейн, вместе с тем, критически относится также и к философскому материализму (механистическому), характеризует его как пассивизм и подвергает резкой и справедливой критике, в том числе следующие его положения: бытие определяет сознание; изначальная соотносительность природы и человека; слитие в одну науку естествознания и общественных наук и др. (Брушлинский, 1989). Это ли не создание третьего пути – *психологического экзистенциализма*?

В работе «Бытие и сознание» С.Л. Рубинштейн пишет: «Бытие существует и независимо от субъекта, но в качестве объекта оно соотносительно с субъектом. Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектом по мере того, как субъект вступает в связь с вещью, и она выступает в процессе познания и действия как вещь для нас» (Рубинштейн, 1957, с. 57). Он так определяет принцип детерминизма: все внешние причины, влияния и т.д. действуют не прямо и непосредственно, а опосредованно – через внутренние условия того, на кого или на что они воздействуют. Эти положения демонстрируют диалектическое (в гегелевском смысле) взаимодействие детерминизма и индетерминизма. «Чем выше мы поднимаемся – от неорганической природы к органической, от простейших организмов к человеку, – тем более сложной становится внутренняя природа явлений и тем большим становится удельный вес внутренних условий по отношению к внешним» (там же, с. 13).

Поясняя суть своей концепции, Рубинштейн пишет: «Человек как субъект должен быть введен внутрь, в состав сущего, в состав бытия и, соответственно, определен круг философских категорий. Человек выступает при этом как сознательное существо и субъект действия, прежде всего, как реальное, материальное, практическое существо... С появлением новых уровней бытия в новом качестве выступают и все его нижележащие уровни. Иными словами, человеческое бытие – это не частность, допускающая лишь

антропологическое и психологическое исследование, не затрагивающая философский план общих, категориальных черт бытия. Поскольку с появлением человеческого бытия коренным образом преобразуется весь онтологический план, необходимо видоизменение категорий, определений бытия с учетом бытия человека. Значит, стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком как объективном отношении» (Рубинштейн, 1973, с. 259).

Подлинным манифестом гуманизма (по А.В. Брушлинскому) являются статья С.Л. Рубинштейна «Проблема способностей и вопросы психологической теории» и его монография «Человек и мир». Брушлинский отмечает, что при Сталине С.Л. Рубинштейн публиковал только психологические труды и лишь после его смерти начал издавать также и свои философские работы; при этом статьи 1910-х и 1920-х годов он никогда не мог даже упоминать.

В главе «Философское понятие бытия» С.Л. Рубинштейн, проанализировав позиции по этой проблеме Платона, Аристотеля, Авиценны, Суареса, Юма, Канта, Гегеля, отмечает, что «существуют два подхода к понятию бытия. Первый определяет бытие как самое абстрактное, то, что свойственно всему сущему, без раскрытия содержания того, что оно есть, что означает. Это есть имплицитное определение через абстракцию того, что является общим для всего существующего. Второй подход возможен как содержательное раскрытие понятия бытия через соотнесение понятий: быть и являться, быть и казаться, быть (пребывать) и изменяться, становиться, развиваться и исчезать, быть и только мыслиться, представляться» (там же, с. 274–275). Говоря о соотнесении существования и сущности, Рубинштейн пишет: «Неправомерно обособлять друг от друга существование и сущность. Нужно для всего сущего признать авторитет аспекта бытия над аспектом сущности» (там же, с. 275). И далее: «В составе бытия, человек как сущее, осознающее все сущее и изменяющее его, не выносится за пределы бытия, он сам – сущее, включенное в состав сущего» (там же, с. 276). Рубинштейн

разделяет подход экзистенциализма к определению сущности и существованию, который заключается в защите первородного права существования применительно к человеку, откуда следует, что онтологическая характеристика, относящаяся к бытию вообще, распространяется и на жизнь человека.

Одна из важнейших проблем – проблема свободы человека в бытии. Рубинштейн пишет: «Проблема свободы выступает в трех аспектах: а) как самоопределение – роль внутреннего в детерминации поведения на разных уровнях; б) как свобода человека в общественной жизни (свобода личности и общественное принуждение); в) как свобода в Спинозовском смысле (контроль сознания над стихией собственных влечений)... Таким образом, свобода – это не только отрицание данного, как утверждают экзистенциалисты, но и утверждение его. Свобода – это и отрицание, и утверждение данного» (там же, с. 360).

В приведенных высказываниях Рубинштейна, явно прослеживается единая линия в работах 1910-х – начала 1920-х годов и книги «Человек и мир», фактически касающаяся философии и психологии экзистенциализма, т.е. гуманизма (гуманные партнерские отношения в процессе обучения и воспитания), ибо Ж.-П. Сартр говорил, что «экзистенциализм – это и есть гуманизм» (Ницше Ф., Фрейд..., 1990, с. 319). Именно о гуманизме и партнерских уважительных отношениях в жестоких условиях повышенной агрессии и страха после Первой мировой и Гражданской войн говорил С.Л. Рубинштейн в 1922 году, т.е. задолго до Ж.-П. Сартра.

В связи с этим примечательно замечание А.В. Брушлинского о том, что основы гуманизма в корне подрываются, когда социальность сводится только к одной из своих бесконечно многообразных форм – к социальности лишь как принуждению, давлению, прессингу, диктату, с помощью которых общество навязывает (нередко даже насильственно) индивиду определенную систему норм и духовных ценностей. В психологии это проявляется в виде следующего

очень известного принципа: от социального к индивидуальному, который часто трактуется более обобщенно в виде известного методологического принципа – «от (только) внешнего к внутреннему», лежащего в основе прежних и новейших вариантов теории интериоризации как механизма возникновения психического.

Ровесник Рубинштейна М. Хайдеггер в 1913 году защитил выпускную работу во Фрейбургском университете. Однако ему ближе были позиции ученых Марбургского университета (который закончил С.Л. Рубинштейн), и с 1922 году он становится доцентом этого университета. Именно здесь Хайдеггер написал свой труд «Бытие и время» (1927), с которого обычно начинают историю современного экзистенциализма (сама творческая научная атмосфера, созданная и при активном участии Рубинштейна, способствовала появлению этого труда). В своей работе автор, ссылаясь на Платона, С. Кьеркегора, И. Канта, Э. Гуссерля и др., утверждает, что между бытием и сущим есть «онтологическое различие», и своей задачей ставит прояснение «смысла бытия». По его мнению, данные каких бы то ни было конкретных наук ничего не говорят нам о бытии, так как науки имеют дело с сущим, с теми или иными предметными областями, которые описываются в родо-видовых определениях. Но имеется одно сущее, которое может быть исходным пунктом для раскрытия «смысла бытия». Таково бытие человека. Для обозначения человеческой реальности, но не в онтическом (когда речь идет о конкретных сущих), а в онтологическом смысле (когда предметом исследования оказывается бытие), Хайдеггер предлагает нетрадиционное истолкование немецкого термина «Dasein–da-sein» (здесь-бытие), употреблявшегося в смысле «наличное бытие», или «существенное вообще». Существование человека фактично, в онтологии же ставится вопрос о возможных условиях бытия, об априорных структурах, а не о реальности. Хайдеггер первую априорную структуру Dasein определяет как «бытие-в-мире». Это должно означать, что Dasein всегда конкретно, не сводится к чистой мысли или трансцендентной

субъективности. Он уточняет, что его учение не является ни идеализмом, ни реализмом (Heidegger, 1979, p. 202). Как и Рубинштейн, он предлагает *третий путь*. Анализ подлинности и неподлинности существования у Хайдеггера имеет онтологический характер, а потому относится к любому возможному бытию человека – во все времена, независимо от социального устройства. Три модуса «здесь-бытия» – «падение», «заброшенность» и «проект» – являются тремя лицами одного и того же феномена «заботы» (Sorge). Живущий неподлинно бежит от собственной свободы и ответственности, а подлинное существование свободно принимает наследие прошлого как возможность реального. Но разве не об этом говорит Рубинштейн: онтологическая характеристика, относящаяся к бытию вообще, тем самым, распространяется и на жизнь человека; отсюда – ее человеческий смысл и значение для понимания жизни.

Л. Бинсвангер поддерживает позицию М. Хайдеггера в том, что человеческое существование определяется как «забота» в единстве трех модусов, соответствующих трем измерениям времени. Подлинное существование связано, прежде всего, с будущим, с трансцендированием собственных пределов. Если эта открытость будущему исчезает, то человек объясняет все происходящее с ним как причинно обусловленным прошлым, а не его собственными проектами и целями. Если доминирует модус, соответствующий настоящему времени, то человек обезличивается. Разделение телесного и духовного, по мнению Бинсвангера, снимается в онтологии Хайдеггера. Человек свободен потому, что он сталкивается с единственной «необходимостью» – все время выбирать; он обречен быть свободным (Binswanger, 1964, p. 12). Также о свободе говорил и С.Л. Рубинштейн, подчеркивая, что свобода – это и отрицание, и утверждение данного.

В своей работе «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартр ввел понятие «в-себе-бытие», характеристикой которого является тождественность, равенство самому себе. Человеческое же существование определяется как изначальное

отрицание этого «в-себе-бытия», как «для-себя-бытие», которому совершенно не свойственна самождественность и статичность. Для него характерны негативность, отсутствие какой-либо определенности, непрерывный выход за собственные пределы. «Для-себя-бытие» определяется как «нехватка», «недостаточность», неравенство самому себе. В данном смысле оно является «небытием», «ничто», вечно неудовлетворенным желанием, вожделением слиться с бытием, дабы обрести полноту и самодостаточность. Но это вожделение всегда неудовлетворенное, ибо слияние «в-себе-бытия» и «для-себя-бытия» означает смерть «для-себя-бытия», поэтому человек есть «бесполезная страсть». «Человек, – пишет Сартр, – не есть вначале, чтобы затем быть свободным: нет различия между бытием человека и его “свободным бытием”» (Sartre, 1965, p. 61). Человек абсолютно свободен в выборе самого себя, а вместе с тем, и всего мира, поэтому он несет полную ответственность за свой выбор. Очевидно, что такие же положения выдвигаются С.Л. Рубинштейном.

М. Босс считает, что нет никакого смысла говорить о существовании чего бы то ни было, если нет того, кто «высвечивает» это сущее. Без человеческого восприятия нет и предмета. Человек и мир друг без друга не существуют; они конституируют друг друга, будучи единым «бытием-в-мире». В открытости человека бытие получает возможность проявить себя, но сама эта открытость возможна лишь благодаря тому, что бытие открывается человеку. Человек не конституирует сущее, а служит получателем «послания» бытия, да и сам он «послан» в мир, чтобы бытие могло открыть себя. Человеку нужно освободиться от всех предзаданных интерпретаций, «вслушиваться в язык бытия», позволяя, тем самым, «говорить» самому бытию. Необходимо постигнуть «непосредственно данные объекты и феномены человеческого мира» (Boss, 1965, p. 59), т.е. феноменологически описать изначальный уровень соотнесенности человека с миром, отбросив объяснительные конструкции, искажающие непосредственную данность феномена.

Согласно В. Франклу, истина существует независимо от того, познает ли ее кто-нибудь или нет. Он утверждает, что существует идеальное царство истин и ценностей, которые не зависят от субъекта. На них направлено «духовное зрение» человека, которое не детерминируется биологическими, психологическими или социальными закономерностями. По Франклу, человек соотносится с вечными и универсальными ценностями (Frankl, 1966, p. 17). Свобода воли, считает Франкл, принадлежит к непосредственным данным человеческого опыта. Ее можно феноменологически описать, но нельзя свести к объективным причинным связям. Человек обладает свободой воли, так как «он поднимается над плоскостью соматических и психических детерминант своего существования... он свободен занять позицию по отношению к этим условиям; он всегда сохраняет свободу выбрать свою установку в отношении к ним» (Frankl, 1976, p. 15).

Исходя из этого, Франкл выходит в трансцендентное по отношению к миру измерение, которое он называет «ноологическим», или «поэтическим», или духовным. «Воля к смыслу» противопоставляется Франклом «воле к удовольствию» Фрейда и «воле к власти» Адлера. Смыслом жизни, по Франклу, обладают лишь те, кто наделен «базисным доверием к бытию». Биологическая и социальная жизнь человека лишены смысла. Она наполняется смыслом только благодаря приобщению к трансцендентным ценностям.

С.Л. Рубинштейн, поддерживая идею о смысле жизни, в то же время считает, что трансценденция является не единственным фактором развития; по мере взросления в жизни человека все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование, целеполагание, и, соответственно, больший удельный вес принадлежит внутренним условиям как основанию развития, через которые всегда только и действуют все внешние реальные причины, влияния и т.д.

Р. Мэй утверждает, что для того чтобы помочь человеку найти смысловые ориентиры в жизни, необходимо понять его внутренний мир, т.е.

раскрыть его «бытие-в-мире», структуру его осмысленных переживаний, интенций. Он подчеркивает: «Излечение от симптомов, несомненно желательное, не является главной задачей терапии. Самым важным является открытие личностью своего бытия, своего Dasein» (May, 1977, p. 27). Мэй отмечает, что существует множество окружающих миров – столько же, сколько и индивидов: «Мир является структурой смысловых отношений, в котором существует личность, и в образе которого она соучаствует» (May, 1977, p. 59). Как и Бинсвангер, Мэй говорит о трех основных «модусах» мира. В первом – «окружающем мире», среде обитания – человек сталкивается со всем многообразием природных сил и приспосабливается к ним. Во втором – мире «со-бытия» – человек встречается с другими людьми; здесь речь идет не об адаптации, а о существовании, предполагающем взаимное признание в качестве личностей. В третьем – «собственном мире» – происходит самоотнесенность и самосознание; это уникальный мир каждого человека. Мэй в качестве онтологических условий человеческого существования рассматривает следующие структуры «бытия-в-мире»: центрированность, самоутверждение, соучастие, осознание, самосознание, тревога.

Аутентичность связана не только с трансценденцией, но и с социумом и внутренними условиями субъекта (так, например, мечта никогда не реализуется без внешних и внутренних условий, т.е. без адекватной организации среды и самообразования, мотивации, целенаправленности самого субъекта). В данном случае можно говорить, по Рубинштейну, о диалектическом взаимодействии детерминации и индетерминации.

Работы приведенных экзистенциалистов есть ни что иное как, с одной стороны, повторение, а с другой – дальнейшее развитие ранних работ Рубинштейна и позиций, изложенных в них. Именно С.Л. Рубинштейн впервые заявил о мире и человеческом бытии; выдвинул идею о научном направлении не связанном не с идеализмом, не с механистическим материализмом; рассмотрел проблемы сущности и существования, свободы и

воли, индетерминизма, аутентичности; обосновал принцип детерминизма – «внешнее через внутреннее»; развел понятия «личность» и «субъект».

Проведенный анализ позволяет утверждать, что С.Л. Рубинштейн стоял у истоков создания экзистенциальной психологии (Юров, 2015; 2016). И есть серьезные основания считать С.Л. Рубинштейна основоположником экзистенциальной психологии.

Литература

Брушлинский А.В. С.Л. Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологической науке // С.Л. Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989. С. 61–102.

Мэй Р. Происхождение экзистенциальной психологии // Экзистенциальная психология / Под ред. Р. Мэя. М., 2001. С. 2–23.

Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж-П. Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. Яковлев. М., 1990.

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Ученые записки Высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 11. С. 148–154.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 255–385.

Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 230–259.

Юров И.А. С.Л. Рубинштейн: диалектико-материалистическая и гуманистическая психология // Психолог. № 4. 2015. С. 37–84.

Юров И.А. Парадигмы в отечественной психологии // Человек. Искусство. Вселенная. М., 2015. С. 7–11.

Юров И.А. Две парадигмы отечественной психологии // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сб. статей Международной научно-практической конференции. Ч. 1. М., 2016. С. 311–317.

Юров И.А. С.Л. Рубинштейн – основоположник диалектико-материалистической психологии // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 319–330.

Binswanger L. Heideggers analytic of existence and its meaning for psychiatry // Being in the World. 1964. P. 206.

Boss M. Psychoanalysis and Daseinsanalysis. N.Y., 1963. P. 59.

Frankl V. The Doctor and the Soul. N.Y., 1966. P. 17.

Frankl V. Psychotherapy and Existentialism: Selected Papers on Logotherapy // Harmonskorth.1976. P.74.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tubingen, 1979. S. 392.

May R. Existence: A New Dimension in Psychiatry and Psychology. N.Y., 1977. P. 27–59.

Sartre J.-P. Letre et le neant. P., 1965. P. 61.

S.L. RUBINSHTEYN AND EXISTENTIAL PSYCHOLOGY

I.A. Yurov*

*Candidate of psychological Sciences, private practicing psychologist, Sochi, Russia

Abstract. The article substantiates the proposition that the originators of existential psychology stood not only foreign philosophers and psychologists, but also Russian scientist, large domestic psychology theorist and expert with S.I. Rubinstein. In confirmation of this situation compares attitudes S.I. Rubinstein, M. Heidegger, V. Frankl, R. May, Y.-P. Sartre, M. Boss. It is shown, that for the first time, Rubinstein said on SI world and human existence; considered the issue of essence and existence, freedom and will, indeterminizma, authenticity; to substantiate the principle of determinism-outer through internal "; spread the notion of "identity" and "subject".

Keywords: existential psychology, determination, essence, existence, life, peace, freedom and knowledge will, authenticity, outer and inner, personality, actor

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ПРАВСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К СЕБЕ, ИЛИ ПРОБЛЕМА ЛЮБВИ ЧЕЛОВЕКОМ САМОГО СЕБЯ

© 2018 г. А.Н. Бражникова^{14*}

**ОЧУВО Московский инновационный университет, кафедра управления
и гуманитарных дисциплин, Москва;*

e-mail: anb5262@mail.ru

Почтовый адрес: Москва, Малая Ордынка, д. 7, Россия

Аннотация. На основании теоретического анализа высказано предположение о том, что нравственное отношение человека к себе может рассматриваться как проявление любви, заботы и ответственности. Степень выраженности любви к себе представлена самооценкой. Описаны результаты эмпирического исследования, в котором на выборке 598 молодых людей определены различия в структуре самоотношения, уровнях выраженности любви к себе и самооценки.

Ключевые слова: нравственное отношение к себе, человек, любовь, модальности самоотношения, самооценка

ВВЕДЕНИЕ

Проблема отношения человека к себе – одна из самых сложных психологических проблем, которая, несмотря на значительное количество посвященных ей работ (А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, А.М. Кольшко, Л.А. Кирилов, В.Н. Маркин, С.Р. Пантелеев, Н.А. Различенко, В.В. Столин, Е.А.

---

¹⁴Кандидат психологических наук, доцент.

Селезнева, В.В. Семикин, Л. Уэлс и др.), не исчерпала себя, раскрываясь перед исследователями во все новых аспектах. Следует отметить, что современные психологии чаще всего рассматривают отношение к себе (самоотношение) как сложное когнитивно-аффективным образование, которое выступает одновременно и как компонент системы отношений человека, и как компонент самосознания (Столин, 1985, с. 239).

Отмечая сложность и многогранность отношения человека к себе, сочетающего в своей структуре качественно различные компоненты и отражающего фундаментальные аспекты психологической жизни и деятельности человека, становления его личности, в данной статье остановимся на исследовании нравственного отношения к себе или проблеме любви человеком самого себя.

НРАВСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К СЕБЕ

Человек как осознающее мир существо является субъектом сознания и действия. Сознательная регуляция, включающая и осознание окружающего, и действия, направленные на его изменения, – основа объяснения психических явлений и поведения человека. Основная характеристика человека, подчеркивал С.Л. Рубинштейн, – не погоня за счастьем как совокупностью удовольствий и наслаждений, как утверждают гедонизм и утилитаризм. Основная задача человека – учет и реализация всех возможностей, которые создаются жизнью и деятельностью человека для достижения высших уровней человеческого бытия, которое возможно только через нравственность. Нравственное отношение характеризуется тем, как человек проявляется, действует, усовершенствует себя и других людей. Оценка поступков осуществляется с точки зрения того, возвышают или снижают ли они достоинство, ценности, моральный уровень жизни человека и других (Рубинштейн, 2003, с. 234).

В.С. Соловьев в книге «Оправдание добра» указывает на тройственный характер нравственного отношения к себе. «Различая себя от другого, мы это

другое необходимо полагаем или определяем тройко: или как низшее (по существу), или как подобное нам (однородное), или как выше нас. Отношение не будет нравственным, если человек относится к себе подобному как к низшему существу (смотрит на него, как на бездушную вещь), или как к высшему (видит в нем божество или предписание божественной воли). Нравственное отношение имеет место тогда, когда субъект не находит себя ни безусловно господствующим, высшим, ни подчиненным, низшим существом, а искренне считает средним, одним из многих» (Соловьев, 1988, с. 125). Из этого следует, что нравственное отношение к себе характеризуется мерой равных возможностей каждого человека быть самим собой, любить себя, стремиться к добродетели и самосовершенствованию.

В психологической науке выделяют следующие составляющие отношения к себе: самоуважение и самопринятие. Самоуважение – отношение человека к себе как бы со стороны, обусловленное его реальными достоинствами и недостатками; самопринятие – непосредственное эмоциональное отношение субъекта к себе, принятие его себя таким, каков он есть, пусть даже с некоторыми недостатками. Иногда эти термины рассматриваются как синонимы. Так, например, утверждается, что самоуважение – это степень принятия себя человеком и отношения к себе как достойному похвалы (Энджел, Блэкуэлл, Миниард, 1999). В. Врихт, Р. Уайли и др. авторы считают, что самоуважение – это гармоничность реального и идеального «Я» в представлении о себе и высокая оценка собственного достоинства. Самопринятие, в свою очередь, означает степень уважения себя личностью, признающей в то же время и свои недостатки (Битянова, 1998; Врихт, 1982; Маркин, 2003; Пантилеев, 1991). Самоуважение и самопринятие в совокупности взаимосвязей, на наш взгляд, и определяют любовь человека к себе, отличающуюся «внешним», социально-нормативным критерием и «внутренним», интегральным ощущением самооценности.

Длительное время считалось, что любить себя безнравственно. Любовь к самому себе осуждалась как недостойное человека чувство самолюбования, гордыни и эгоцентризма. Кальвин называл любовь к себе чумой, Фрейд – нарциссизмом. Однако всякий человек заключает в себе нечто оригинальное, уникальное, и именно в этой своей уникальности и неповторимости он может и должен быть любим. «Любовь, – подчеркивает Э. Фромм, – неделима между объектами и собственным “Я”» (Фромм, 2006, с. 131). И если у человека нет любви к себе, тогда нет любви и к другому, окружающему миру, выполняемой деятельности; в этом случае он не сможет достичь жизненных целей и чувствовать себя счастливым. Ощущение собственной ценности и позитивного отношения к своему «Я» дает человеку нравственное удовлетворение и поддерживает любовь к себе и другим (там же, с. 125).

Именно любовь является высшей, зрелой формой человеческих отношений. Р.М. Грановская, подчеркивает, что способность любить выступает мерой того, насколько человек продвинулся в своем духовном развитии (Грановская, 2004, с. 12).

Точно и лаконично о любви к себе сказал М. Экхарт: «Любя себя, вы любите и других так же, как себя. Любя другого человека меньше, чем себя, вы не сможете любить и себя по-настоящему, но, одинаково любя всех, в том числе и себя, вы любите их как одно существо, и существо это есть одновременно Бог и человек. Значит, велик и праведен тот, кто, любя себя, равно любит и других» (цит. по: Фаворов, 2003, с. 135).

Таким образом, любовь к себе обеспечивает человеку принятие себя как уникальной индивидуальности, формирование представления о себе как о ценности. Ощущение собственной ценности и позитивного отношения к своему «Я» определяет область значимого в сфере «Я», дает человеку нравственное удовлетворение, задает и поддерживает любовь к себе и другим, ориентиры взаимосвязанных процессов самосовершенствования и самореализации.

Одним из важных условий регулирования меры равных возможностей каждого человека быть самим собой, т.е. поддерживать любовь в себе, является самооценка. Самооценка связана с одной из центральных потребностей человека – в самоутверждении, стремлении найти свое место в жизни, утвердить себя как члена общества в глазах окружающих и в своем собственном мнении. Самооценка является показателем собственной активности по осознанию своих действий и личностных качеств, уровня психического развития личности, ее самоопределения, выступает «зеркалом» личностных свойств и качеств, степени выраженности любви к себе. Нельзя разделить любовь к себе и самооценку: они составляют единый целостный акт и, в какой-то степени, определяют их содержание (Сафин, 1975, с. 146). Лишь адекватная самооценка дает человеку нравственное удовлетворение и поддерживает любовь к себе, уверенность в своей способности на значительные достижения в личностном становлении. Иными словами, адекватная самооценка является итогом постоянного поиска реальной меры – без слишком большой переоценки, но и без излишней критичности – определения своего поведения и деятельности, собственных переживаний. Такая самооценка является наилучшей для нравственного совершенствования личности и поддержания любви к себе.

Но самооценка может быть и неадекватной – чрезмерно завышенной или слишком заниженной. Низкая самооценка предполагает неприятие себя, самоотрицание, негативное отношение к своей личности. На основе неадекватно завышенной самооценки у человека возникает неправильное представление о себе, идеализированный образ своей личности, собственных возможностей и ценности, формируется эгоизм.

Эгоизм и любовь к себе – противоположные явления. Эгоист интересуется только собой, хочет присвоить все себе; ему нравится только брать, а не давать. По сути, эгоист не любит себя и глубоко несчастен; он лишен покоя, несмотря на кажущееся внешнее благополучие. И есть только

один путь обрести душевный покой – распространить любовь к себе на других, переживать их столь же реальными, как и самого себя, полюбить других, как самого себя. Только любовь пробуждает в нас способность к переходу от понимания реальности нас самих, к пониманию реальности других, мира и далее – Бога (Фаворов, 2003, с. 146). Ведь любовь – это не столько взаимоотношение с конкретным человеком, сколько, прежде всего, – отношение, ориентация личности, определяющая связи человека с миром как целым. Поддерживать любовь любовью в современной жизни, пожалуй, – наиболее трудоемкая и труднодостижимая цель. Но только порождая любовь любовью, человек способен ощущать свободу, могущество, независимость и счастье. Настоящая любовь к себе представляет собой выражение созидательности; она предполагает заботу, ответственность, самосовершенствование, способна двигать личностное и профессиональное развитие человека, другими словами, – определяет весь ход его жизни. И здесь уместны слова В. Франкла: «Если я хочу стать тем, чем могу, мне надо делать то, что я должен. Если я хочу стать самим собой, я должен выполнять личные и конкретные задачи и требования. Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир» (Франкл, 1990, с. 120). В нашем контексте – через любовь.

Следует отметить, что нравственное отношение к себе, основанное на любви человека к самому себе, закладывается и формируется в семье, в дальнейшем поддерживается обществом и собственной активностью личности. В свою очередь, эгоизм, отношение к себе, основанное на нелюбви, безответственности, также возникает и развивается в семье, оказывая губительное воздействие на психику человека. И здесь необходимо подумать об изменении качества отношения к себе: посмотреть на себя со стороны, объективно оценить свои достоинства и недостатки, полюбить себя таким, каков ты есть, стремиться исправить в себе то, что вызывает негативные эмоции, как у самого себя, так и у окружающих, другими словами, преодолеть

то, что мешает человеку любить себя и других, стремиться к самосовершенствованию и самореализации.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В отечественной психологии не вызывает сомнения тот факт, что сенситивным периодом в совершенствовании психических функций человека является юношеский возраст, поэтому исследование нравственного отношения к себе этой социальной группы приобретает особую важность. А поскольку большинство молодых людей данного возраста являются студентами профессиональных учебных заведений, в фокусе нашего исследования находятся студенты.

Гипотеза исследования состоит из предположения о том, что, несмотря на заинтересованность в собственном «Я» и безусловное принятие себя даже с некоторыми недостатками, большинство молодых людей редко задумываются о том, любят ли они себя и других. Получение профессионального образования (вуз, колледж, профессиональное училище) способны оказывать влияние на уровень проявления любви человека к самому себе.

Выборку исследования составили 598 юношей и девушек в возрасте 16–18 лет, в том числе: 180 студентов вузов, 206 учащихся колледжей и 212 учащихся профессиональных училищ.

В качестве *психодиагностического инструментария* были использованы:

1) Методика исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантелеева и В.В. Столина (см. Столин, 1985). Авторы методики выделили девять измерений (модальностей), которые наиболее существенно характеризуют самоотношение как чувство в адрес собственного «Я»: открытость; самоуважение и уверенность в себе; саморуководство и последовательность «Я»; ожидаемое отношение других; самопринятие; самооценность; самопривязанность; внутренняя конфликтность; самообвинение. Перечисленные модальности выступают как содержание компонентов самоотношения.

Компоненты самоотношения, выступая элементами единой системы, существуют в многообразии их взаимосвязей. Характер этих взаимосвязей и определяет наиболее полную картину самоотношения. При этом компоненты самоотношения, организованные в иерархическую систему, по мнению С.Р. Пантелеева, являются динамическими и объединяются в следующие факторы.

Первый фактор включает шкалы внутренней честности, самоуважения и уверенности в себе; отраженного самоотношения. Их объединяет то, что названные шкалы выражают оценку собственного «Я» испытуемого по отношению к социально-нормативным критериям моральности, успеха, социального одобрения и т.п. Данный фактор самоотношения формируется на интересубъективном уровне в виде операций сравнения с выработанными в обществе нормами и эталонами, отражает субъект-субъективные отношения превосходства, предпочтения и интерпретируется как самоуважение.

Во *второй фактор* вошли: саморуководство, самооценность, самопринятие и самопривязанность. Эти шкалы обеспечивают субъекту самоотношения обобщенную оценку своего «Я» как условия самореализации за счет сравнения своих достижений с собственными жизненными целями, личностными ценностями, формирование у субъекта самоотношения общей жизненной установки по отношению к самому себе. Они в наибольшей степени отражают любовь к себе. Шкала саморуководство включена в данный фактор исходя из того, что любовь предполагает, прежде всего, активность, действие, а не пассивное состояние (там же). Следовательно, любовь к себе предполагает высокий самоконтроль.

Названные выше факторы связаны между собой осознанием того, что у человека есть достаточно оснований для того, чтобы любить себя. Их действие обеспечивается за счет сравнения реального и идеального «Я», отражения субъектом информации о себе с точки зрения определенной системы ценностей, оценки уровня реализации своего «Я». При этом они отличаются «внешним», социально-нормативным критерием и «внутренним»,

интегральным ощущением самооценности. Следовательно, факторы самоуважения и аутосимпатии могут отражать любовь к себе.

Третий фактор, содержащий шкалы внутренней конфликтности и самообвинения, связан с негативным отношением к себе и получил название самоуничижения.

2) Тест-опросник по выявлению любви к себе (Морозов, 2000, с. 205–206) в модификации автора статьи позволил выявить степень выраженности любви к себе, ощущения собственной ценности и позитивного отношения к своему «Я». Высокие баллы по методике – от 35 до 50 – свидетельствуют о доверии и любви к себе, следовательно, и к другим; средние – от 15 до 30 – характеризуют людей, которые не задумываются, любят ли они себя и других. Низкие баллы – от 0 до 10 – говорят о негативном отношении (нелюбви) к себе.

3) Тест «Самооценка личности» Н.М. Пейсахова отражает уровень самооценки и определяет семь ее уровней: неадекватно низкий, низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий, неадекватно высокий, где к оптимальной относятся самооценки «высокий уровень» и «выше среднего» (человек заслуженно ценит, уважает себя, доволен собой), а также «средний уровень» (человек уважает себя, но знает свои слабые стороны и стремится к самосовершенствованию, саморазвитию). Чрезвычайно завышенную, неадекватно низкую и низкую самооценку автор методики относит к неоптимальной.

Данная методика была нами несколько модифицирована в соответствии с целью и задачами исследования. Результаты исследования подсчитывались с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена и могут быть интерпретированы следующим образом:

$r =$ от -0,2 до 0,3 – низкий уровень самооценки; отношение к себе как к человеку, неспособному реализовать себя; излишняя критичность себя и других;

$r =$ от 0,31 до 0,8 – адекватная самооценка, представляющая правильное соотношение своих возможностей и способностей и поддерживающая любовь к себе;

r свыше 0,8 – неадекватно высокий, идеализированный образ «Я», своих возможностей и своей ценности, склонность к эгоизму гордыни и эгоцентризму.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью вычисления средних значений и дисперсии показателей, а также дисперсионного и корреляционного анализа. Использовалась компьютерная программа «STATISTICA».

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

При сопоставлении средних значений и дисперсии показателей, полученных с помощью методики самоотношения (МИС) С.Р. Пантелеева, В.В. Столина, (таблица 1), установлено, что в обследуемой выборке в целом характерны средние показатели модальностей самоотношения.

Таблица 1

Средние показатели значимости и дисперсия модальностей самоотношения молодых людей в различных учебных заведениях по методике самоотношения С.Р. Пантелеева, В.В. Столина

<i>Учебные заведения</i>	<i>ВУЗЫ</i>		<i>СУЗЫ</i>		<i>ПУ</i>		<i>Вся выборка</i>	
	<i>М</i>	<i>D</i>	<i>М</i>	<i>D</i>	<i>М</i>	<i>D</i>	<i>М</i>	<i>D</i>
1	5,822	2,783	5,877	1,798	5,834	2,574	5,846	2,921
2	5,505	3,480	5,785	4,189	5,367	3,172	5,484	3,389
3	5,261	3,613	5,360	4,359	5,433	3,497	5,247	3,536
4	5,577	1,910	5,492	2,378	5,580	1,827	5,593	1,946
5	5,933	3,090	6,053	3,962	5,816	3,032	5,897	3,066
6	5,7	4,166	5,902	4,657	5,589	3,920	5,635	4,041

7	4,74	2,057	5,029	2,332	4,86	2,194	4,744	1,993
8	5,25	3,127	4,98	3,190	5,141	3,297	5,247	3,137
9	5,10	2,910	4,81	2,230	4,99	3,099	5,117	2,920

Примечания: Шкалы: 1 – внутренняя честность, 2 – самоуверенность, 3 – саморуководство, 4 – отраженное самоотношение, 5 – самооценność, 6 – самопринятие, 7 – самопривязанность, 8 – внутренняя конфликтность 9 – самообвинение. Полу жирным выделены модальности самоотношения, имеющие высокую значимость для испытуемых представленной выборки; курсивом – модальности самоотношения, имеющие наименьшие средние значения для испытуемых.

Данные таблицы 1 показывают, что наиболее высокие показатели по всей выборке испытуемых, имеет шкала *самоценность*, отражающая заинтересованность в собственном «Я», любовь к себе, ощущение ценности собственной личности и одновременно предполагаемую ценность своего «Я» для других. Далее идут шкалы *внутренней честности* и *самопринятия*. Высокие значения шкалы *внутренней честности* свидетельствуют скорее о закрытости и нежелании выдавать значимую информацию о себе испытуемыми представленной выборки. *Самопринятие* – дружеское отношение к себе, согласие с самим собой, одобрение своих планов и желаний, эмоциональное, безусловное принятие себя таким, каков ты есть, пусть даже с некоторыми недостатками.

При этом обращает на себя внимание то, что существуют различия в показателях самоотношения среди учащихся средних специальных учебных заведений, профессиональных училищ и студентов вузов. Так у учащихся средних специальных учебных заведений средние показатели шкалы *самопринятия* превышают средние показатели шкалы *внутренней честности*, а у студентов вузов и профессиональных училищ средние показатели шкалы *внутренней честности* превышают средние показатели шкалы *самопринятия*. Наименьший средний балл у студентов средних специальных учебных заведений имеют шкалы *самообвинения* и *внутренней конфликтности*. В свою очередь, по всей выборке наименьший средний балл получили шкалы *самообвинения* и *самопривязанности*. Это может свидетельствовать о том, что юношеский возраст

является сенситивным для качественного преобразования своего внутреннего мира. Показатели дисперсии свидетельствуют о значительных индивидуальных различиях показателей самооотношения у молодых людей.

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа был проведен анализ связи между модальностями самооотношения и типом профессионального образования (высшие учебные заведения, средние специальные учебные заведения, профессиональные училища) (таблица 2).

Таблица 2

Результаты анализа взаимосвязи фактора типа профессионального образования с показателями модальностей самооотношения (по методике самооотношения С.Р. Пантелеева, В.В. Столина)

Дисперсионный анализ						
<i>Источник вариации</i>	<i>SS</i>	<i>Df</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>P-Значение</i>	<i>F критическое</i>
Строки	4684,711	597	7,847087	3,285653	2E-112	1,103785
Столбцы	657,0907	8	82,13633	34,3913	3,08E-53	1,940344
Погрешность	11406,46	4776	2,388288			

Примечания: SS – сумма квадратов, df – число степеней свободы, MS – средние квадраты F – фактическое значение, P – значение, вероятность ошибки α , F критическое – предельное значение.

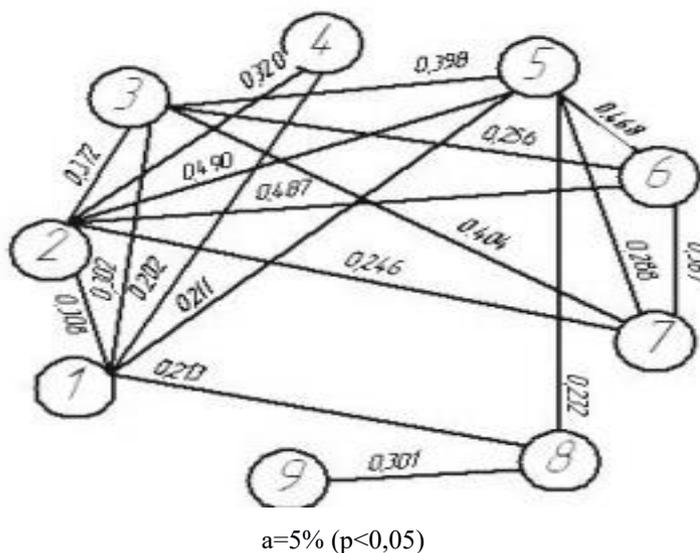
Из таблицы 2 видно, что полученные нами величины, как по отдельности F (3,285), так и вместе F (34,391), превышают F крит. (1.103) и F крит. (1.940). Следовательно, различия в показателях самооотношения среди студентов средних специальных учебных заведений, вузов и учащихся профессиональных училищ носят не случайный характер.

Корреляционный анализ данных методики самооотношения С.Р. Пантелеева, В.В. Столина, позволил выявить тесную взаимосвязь таких шкал,

как внутренняя честность, самоуважение, самооценność, самопринятие, саморуководство, отраженное самоотношение. Следовательно, выделенные авторами методики выше названные модальности самоотношения в факторы самоуважения и аутосимпатии можно интерпретировать как проявление любви человека к себе. Результаты корреляционный анализ данных по всей выборке испытуемых, представлены на рисунке 1.

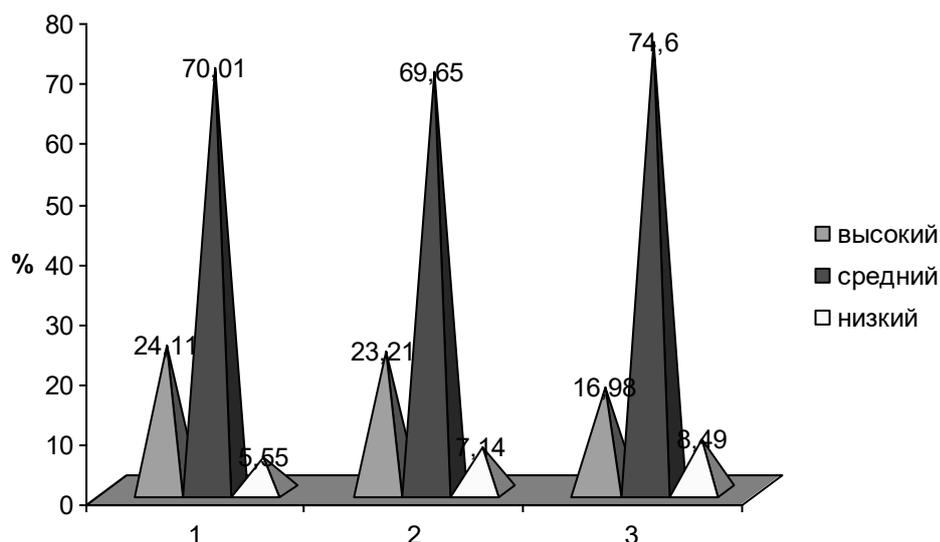
В результате обработки данных тест-опросника по выявлению любви к себе установлено, что подавляющее большинство молодых людей (71% выборки) редко задумываются о своем собственном «Я» и о том, любят ли они себя; 22% любят себя; не любят себя 7% респондентов.

В каждой из обследуемых групп (студенты колледжей, техникумов, профессиональных училищ и высших учебных заведений) также выявлены молодые люди с низким, средним и высоким уровнями проявления любви к себе (рисунок 2).

Рис. 1.

Корреляционные связи показателей модальностей самоотношения
по всей выборке испытуемых

Примечания: 1 – студенты вузов, 2 – студенты сузов, 3 – учащиеся профессиональных училищ.

Рис. 2.

Процентное соотношение уровней выраженности любви к себе у молодых людей в различных учебных заведениях

Таким образом, установлено, что наибольший процент (24,44%) студентов вузов и наименьший процент (16,98%) учащихся профессиональных училищ любят себя и любят других. В свою очередь, наибольший процент (8,49%) учащихся профессиональных учебных заведений и наименьший процент (5,55%) студентов вузов не любят себя, следовательно, не способны любить и других. Наибольший процент (74,4%) учащихся профессиональных училищ и наименьший процент (69,65%) студентов средних специальных учебных заведений показали средний уровень проявления любви к себе, свидетельствующий о том, что они редко задумываются о том, любят ли они себя.

Для нас было важным установить, влияет ли уровень получения профессионального образования (начальное, среднее, высшее) на степень выраженности любви к себе, ощущения собственной ценности, позитивного

отношения к собственному «Я». С помощью однофакторного дисперсионного анализа был проведен анализ связи между общим уровнем эмпатии и типом профессионального образования. В данном случае независимая переменная (фактор А) – уровень получения профессионального образования – имеет три градации: 1 – вузы, 2 – средние специальные учебные заведения, 3 – профессиональные училища. Результаты однофакторного дисперсионного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты анализа взаимосвязи фактора типа профессионального образования и показателя любви к себе (по тесту-опроснику по выявлению любви к себе)

<i>Источник вариации</i>	Дисперсионный анализ					
	<i>SS</i>	<i>Df</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>P-значение</i>	<i>F критическое</i>
Между группами	611,8505	2	305,9252	4,272701	0,014374	3,010866
Внутри групп	42601,98	595	71,59996			
Итого	43213,83	597				

Примечания: SS – сумма квадратов, df – число степеней свободы, MS – средние квадраты, F – фактическое значение, F критическое – предельное значение.

Из таблицы видно, что полученная нами величина $F (4,272)$ превышает $F_{крит.} (3,010)$, следовательно, можно сделать вывод, что полученные нами результаты статистически значимы, значит, степень выраженности любви к себе, ощущения собственной ценности зависят от получения профессионального образования (вуз, колледж, профессиональное училище). Безусловно, уровень получения профессионального образования – лишь один из факторов, влияющих на любовь человека к себе; здесь задействован и ряд других

факторов: семья, взаимоотношения с окружающими, собственная активность, социально-экономические условия и т.д.

Результаты данных по тесту «Самооценка» свидетельствуют о том, что наибольший процент (64,22%) адекватной и наименьший процент (22,57%) завышенной самооценки имеют студенты вузов; наименьший процент (52,97%) адекватной самооценки и наибольший процент (15,67%) заниженной самооценки наблюдается среди учащихся профессиональных училищ; среди студентов колледжей наибольший процент респондентов (34,16%) имеет завышенную самооценку. Следовательно, в зависимости от вида профессионального образования (вуз, колледж, профессиональное училище) снижается уровень адекватности самооценки будущих профессионалов.

Анализ данных самооценки по всей выборке испытуемых, свидетельствует о том, что около половины (48%) молодых людей имеют неадекватную самооценку. Из них низкую самооценку, предполагающую негативное отношение к своей личности, отношение к себе как к субъекту, неспособному реализовать себя, показали 13% выборки; 29% исследуемой выборки идеализируют образ своей личности, свои возможности, собственную ценность, склонны к проявлению эгоизма, гордыни и эгоцентризма, пренебрежительному отношению к другим людям. Чуть более половины (58%) молодых людей имеют адекватную самооценку, т.е. правильно соотносят свои возможности и способности, достаточно критически относятся к себе, стараются ставить перед собой достижимые цели, которые можно осуществить на деле. Подчеркнем, что лишь правильное соотношение своих возможностей и способностей поддерживает любовь к себе и способствует личностному самосовершенствованию и саморазвитию. Поскольку личность постоянно развивается, совершенствуется, меняются ее самооценка и нравственное отношение к себе. Данный процесс происходит постоянно, на протяжении всей жизни человека и не может быть завершенным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В результате теоретического анализа было высказано суждение о том, что нравственное отношение к себе характеризуется, прежде всего, проявлением любви человека к самому себе. Ощущение собственной ценности и позитивного отношения к своему «Я» дает человеку нравственное удовлетворение и поддерживает любовь к себе и другим. Важную роль в поддержании любви к себе играет самооценка, отражающая уверенность человека в своих силах, самоуважение, самопринятие и адекватность происходящему.

2. Проведенное эмпирическое исследование позволило установить, что в сложной динамической системе самоотношения у молодых людей доминируют такие компоненты, как самооценочность, внутренняя честность, самопринятие. Выявлены различия в структуре самоотношения среди студентов колледжей, вузов и учащихся профессиональных училищ. Корреляционная взаимосвязь таких шкал самоотношения, как внутренняя честность, самоуважение, самооценочность, самопринятие, саморуководство, отраженное самоотношение свидетельствует о том, что выделенные автором методики и факторы самоуважения и аутосимпатии, выше названные модальности самоотношения, совокупность взаимосвязей можно интерпретировать как показатели проявления любви человека к себе.

3. Результаты эмпирического исследования также свидетельствуют о том, что, несмотря на заинтересованность в собственном «Я» и безусловное принятие себя даже с некоторыми недостатками, подавляющее большинство молодых людей редко задумываются о том, любят ли они себя и других. В результате однофакторного дисперсионного анализа данных тест-опросника по выявлению любви к себе, было установлено, что уровень проявления любви к себе снижается в зависимости от получения профессионального образования (вуз, колледж, профессиональное училище): при снижении ступени профессионального образования снижается и уровень адекватности самооценки человека.

4. Требуется накопление опыта осознания себя как уникальной индивидуальности, чтобы отношение к себе превратилось в состояние душевного равновесия, спокойствия, уверенности в своих силах, любви к себе.

5. Дальнейшие исследования нравственного отношения к себе позволят разработать пути и способы повышения нравственного самосовершенствования и саморазвития личности по пути любви. Ведь любовь – это указание главного пути для человечества, пути к спасению от гибели, к благополучию и процветанию.

Литература

Битянова Н.Р. Проблема саморазвития личности в психологии: Аналитический обзор. М.: МПСИ-Флинта, 1998.

Бражникова А.Н. Нравственность в системе нравственно-психологических отношений личности. Брянск: «Ладомир», 2012.

Войно-Ясенецкий В.Ф. (Святитель Лука) Наука и религия. Симферополь, 2006.

Врихт Р. фон. Образ «Я» как подструктура личности // Проблемы психологии личности. М., 1982. С. 104–111.

Грановская Р.М. Психология веры. СПб.: «Речь», 2004.

Маркин Н.В. Акмеологические условия продуктивного формирования отношения личности обучаемого к себе (самоотношения) // Акмеология. 2003. № 4. С. 55–58.

Морозов А.В. Деловая психология. Курс лекций. СПб.: Изд-во Союз, 2000.

Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: МГУ, 1991.

Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

Сафин В.Ф. Устойчивость самооценки и механизмы ее сохранения // Вопросы психологии. 1975. № 3. С. 62–73.

Селезнева Е.В. Самоотношение как акмеологический феномен // Мир психологии. 2008. № 4. С. 238–248.

Семикин В.В. Об этических взглядах С.Л. Рубинштейна [Электронный ресурс] //

Человек и мир. 2017. Т. 1. № 2. URL: <http://chelovekimir.ru>

Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.

Столин В.В. Познание себя и отношение к себе в структуре самосознания личности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1985.

Фаворов Н. Что такое христианская нравственность. М., 2003.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Искусство любить. СПб.: Азбука – классика, 2006.

Энджел Д., Блэкуэлл Р., Миниард П. Поведение потребителей. СПб.: Питер Ком, 1999.

Karakas F. Exploring value compasses of leaders in organizations: introducing nine spiritual anchors // Journal of Business Ethics. 2010. V. 93. P. 73–92.

Youssef C.M., Luthans F. Positive organizational behavior in the workplace: the impact of hope, optimism and resilience // Journal of Management. 2007. V. 33 (5). P. 774–800.

MORAL ATTITUDE TO ITSELF OR THE PROBLEMS OF LOVE THE MAN HIMSELF

A.N. Brazhnikova*

*Ph.D., assistant professor of Moscow Innovation University, Department of Management Sciences and Humanities, Moscow, Russia

Annotation. Based on the theoretical analysis suggested that the moral relation of man to himself can be seen as a manifestation of love, care and responsibility. The severity of self-love is represented by self-esteem. The results of an empirical study in which a sample of 598 young people identified differences in the structure of the self, the severity levels of self-love and self-esteem.

Keywords: moral attitude to yourself, man, love, modality of the self, self-esteem

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД¹⁵

© 2018 г. Т.И. Артемьева^{16*}

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва;

Почтовый адрес: Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия

Аннотация. Рассматриваются взгляды известных военачальников, военных психологов, специалистов в области военного дела, стоявших у истоков создания военной психологии как специальной науки. Отмечается, что в их представлении главной фигурой на войне является боец и поэтому основные проблемы при изучении темы «психология войны» сконцентрированы на психологии бойца, его обучении и воспитании, а также на анализе его психических состояний в разных военных ситуациях: до, во время проведения военных действий и после них. Дается анализ психологических взглядов известных практиков и теоретиков военного дела М.И. Драгомирова, Н.Н. Головина, Г.Е. Шумкова.

Ключевые слова: война, психология войны, психология боя, военные действия, психические состояния и свойства солдата в условиях военных сражений, воспитание и обучение бойцов, духовные свойства бойцов, боеготовность, мотивы поведения бойцов, патриотизм, М.И. Драгомиров, Н.Н. Головин, Г.Е. Шумков

ВВЕДЕНИЕ

Современная ситуация в мире характеризуется ростом напряженности в межгосударственных отношениях, увеличением числа локальных конфликтов и войн. На этом фоне обостряются отношения между Россией и Западом, по

---

¹⁵Работа выполнена по государственному заданию, проект № 0159-2018-0009.

¹⁶Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

существо, возвращая мир к «холодной войне» и создавая угрозу ее перехода в более активную фазу.

Сложность взаимоотношений между государствами, острота конфликтов и их непредсказуемость определяют рост интереса к проблемам военной психологии, необходимость осмысления уже имеющегося огромного массива накопленных в этой области знаний и их использования в практической сфере для повышения психологических ресурсов и боеготовности современных воинов.

Как отмечают военные специалисты, войны всегда сопровождали человечество, и этот трагический исторический факт требует глубоких и всесторонних исследований. Анализу проблемы психологии человека в условиях войны посвящено множество исследований, выполненных не только в настоящее время, но и в русской дореволюционной науке специалистами разных направлений: полководцами, крупными военачальниками, врачами, психиатрами, психологами. Как пишет В.Н. Помогайбин, «в период с 1900 по 1917 годы в печати появилось более 100 публикаций по проблемам военно-психологических исследований» (Помогайбин, 2001, с. 186).

Современные отечественные военные психологи в своих исследованиях обращаются к богатому наследию, оставленному нашими предшественниками. Считается, что первой работой, посвященной его изучению, является кандидатская диссертация В.А. Раздуева «Развитие военной психологии в России (середина XIX – начало XX веков)» (1993). Была издана также книга Н.Ф. Феденко и В.А. Раздуева «Русская военная психология (середина XIX – начало XX веков)» (1993). В ней собран и обобщен материал, раскрывающий процесс становления военной психологии как науки в России в XIX – начале XX веков. Авторы отмечают, что к началу XX века русская военная психология сложилась как система научных знаний, включающая определение предмета и задач, описание психологии личности военнослужащего, воинского коллектива, основных видов воинской деятельности. В 2001 году вышла из

печати книга В.Н. Помогайбина «Военно-психологические исследования», в которой большое внимание уделено анализу взглядов военных специалистов, практиков и теоретиков военного дела дореволюционного периода – М.И. Драгомирова, Г.Е. Шумкова, П.И. Измestьева, А.С. Резанова, Н.Н. Головина и др. Как отмечается в книге М.И. Дьяченко, С.Л. Кандыбовича, А.Г. Караяни «История отечественной военной психологии» (2009), к 2009 году по истории военной психологии было защищено 37 докторских диссертаций, не говоря о кандидатских.

Рассматривая историю становления отечественной военной психологии в дореволюционный период, авторы выделяют два этапа:

1) Предыстория научной отечественной военной психологии, представленная психологическими взглядами русских полководцев и флотоводцев (IX – конец XIX веков).

2) Этап зарождения научной военной психологии в России (конец XIX – 30-е годы XX века), связанный с трудами ряда ученых и специалистов-практиков: Г.Е. Шумкова, М.И. Драгомирова, А. Зыкова, Н. Головина, А. Дмитриевского, В. Заглухинского, В. Парчевского, Д.А. Коробчевского, Н.П. Михневича, А.С. Резанова, Н.А. Ухач-Огоровича, К. Дружинина и др. В работе дается анализ взглядов основоположников отечественной военной психологии, выявляются сходство и различие их позиций, достоинства и недостатки предложенных ими идей.

Все исследователи военной психологии подчеркивают, что центральной фигурой военных действий является *боец*, благодаря усилиям и действиям которого достигается победа. Поэтому его психология и поведение в военных условиях представляют первостепенный интерес для исследователей.

Работы выдающихся русских дореволюционных военачальников, специалистов в области военного дела, врачей, психиатров и психологов, без сомнения, входят в «золотой фонд» истории отечественной психологической науки как ее важное практическое и теоретическое достижение.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание психологов к этим работам, проанализировать круг проблем, разрабатываемых в области военной психологии в дореволюционный период, выделить те идеи, выдвинутые русскими учеными и специалистами в области военного дела, которые актуальны и значимы для современной психологической науки и практики.

Военная психология как специальная наука и сфера деятельности призвана изучать поведение людей в экстремальных условиях, когда им могут грозить увечья, ранения и даже потеря жизни. В связи с этим перед исследователями встают проблемы, касающиеся изучения психологического состояния людей, находящихся в боевой обстановке, его протекания и способов управления им, личностных свойств бойцов, психологических методов воздействия на воинов и их подготовки к боевой деятельности и др.

Очевидно, что по своему содержанию тема «психология войны» весьма обширна и многогранна. Не ставя задачу дать полную картину начального этапа в развитии военной психологии в России, рассмотрим ее наиболее яркие, на наш взгляд, страницы.

ВКЛАД М.И. ДРАГОМИРОВА В СОЗДАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Большой вклад в разработку ряда проблем военной психологии внес известный русский полководец Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905), автор многочисленных научных работ по военной истории, тактике, обучению и воспитанию войск, переводчик и педагог, участник Австро-итало-французской 1859 года и Русско-турецкой 1877–1878 годов войн, начальник Академии Генерального штаба (с 1878 года), Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор (с 1898 года). «Большая эрудиция, ясный и гибкий ум, глубокое знание всех сторон военного дела, наконец, блестящий публицистический талант – все это создало Драгомирову широкую известность не только в России, но и за границей», – писал о нем исследователь его

жизненного пути В. Дерман (Дерман, 1946, с. 4). Его считали «лучшим знатоком психологии солдата, бмастером обучения и воспитания войск» (там же, с. 6).

М.И. Драгомиров большое внимание уделял обучению и воспитанию армейского состава. Он писал, что в военном деле на первом месте стоит *человек с его нравственной энергией*. В русской армии он пытался восстановить суворовские принципы и считал необходимым на их основе создать стройную систему воспитания и обучения бойцов. При этом приоритетные позиции им отводились воспитанию. Он ввел понятие «товарищество», считая, что оно характеризует основную силу воинского организма.

Проводя психологический анализ деятельности человека в бою, Драгомиров выделил такие проявления бойцов, как *самосохранение и самоотвержение*. Первое, для него, – это природный инстинкт, второе – особая духовная сила, которая может этот инстинкт подавлять.

Большое значение он придавал практической деятельности, которая, по его мнению, определяет характер отношений между людьми, и в связи с этим рассматривал коллективную воинскую жизнь, анализировал психологические особенности совместных боевых действий людей. Он писал, что храбрость, как качество личности (решительность, неустрашимость), присуща далеко не всем людям, взятым в отдельности, но при совместных действиях немногих людей это качество может проявиться и у тех, «кто заранее не подавал к этому надежды». Тем самым им подчеркивается роль коллективных действий, придающих людям психологическую силу.

Понять психологию солдата и на этой основе разработать рекомендации по его боевой подготовке – это главная задача военной психологии. Анализируя работу Л.Н. Толстого «Война и мир», Драгомиров отмечал, что «мы не знаем ничего, или почти ничего, о тех внутренних процессах и явлениях, которые происходят в душе человека под влиянием опасности» (Драгомиров, 1898, с. 3).

Личность воина рассматривалась им как *целостное явление*. Он считал, что, «имея дело с человеком, нужно брать его целиком, как он есть, а не создавать себе человека гипотетического, т.е. представляющего только одну волю или один ум, или, наконец, одну физику» (Драгомиров, 1956, с. 160). Человек сложен, многогранен и противоречив, и солдат должен быть понят во всех своих ипостасях: «...солдат только тогда хорош, когда он человек в полном значении этого слова. Только человек способен к срастанию с массой, когда ему сознание говорит, что в этом залог успеха; только человек может остервениться до последнего зверства, если обстоятельства его вынуждают к тому; только человек, наконец, может забыть врага и делиться последним куском хлеба с тем, кто за несколько минут перед тем посягал на его собственную жизнь» (Драгомиров, 1956, с. 52).

К числу наиболее важных составляющих психологии человека Драгомиров относил ум и волю. Ум, согласно его мнению, служит инстинкту самосохранения, а воля порождает инстинкт самоутверждения (там же, с. 13). Говоря о моральных силах воинов, он отмечал, что без воли нет и жизни, а наука, которая не воспитывает волю, – это «мертвая наука». Но одной воли недостаточно. В работе «Военные заметки» Драгомиров писал, что самоотвержение и фанатизм – свойства волевые, определяющие стремление действовать, но целей действий и путей их достижения они не дают. Какие в данном случае цели поставить, «какие комбинации измыслить, дабы достижение их получилось легче и обошлось дешевле, – дело ума» (Драгомиров, 1894, с. 7).

Что касается приемов воздействия на человека, то надо «бить по воображению», которое представляет собой «страшную силу и страшную слабость человека, массового в особенности, а под гнетом опасности – тем более» (там же, с. 11). В подтверждение этой мысли он приводит слова Наполеона, считавшего, что воображение управляет миром: без воображения человек был бы животным.

Большую роль в работе с бойцом Драгомиров отводил офицеру, которого он характеризовал не только как носителя военного чина, но и как общественного деятеля в гражданском смысле слова. В офицере-воспитателе он выделял такие качества, как ум, сильное самообладание, доброта, высокая нравственность, умение беседовать с солдатами с целью формирования у них необходимых взглядов.

Большое значение Драгомиров придавал вопросам взаимоотношения солдата и военачальника. По его мнению, они должны быть подобны отношениям отцов и детей. В армии существует правило, согласно которому начальник всегда приветствует часть, но если этого не происходит, то часть «убита». Начальник призван вступать в разговор со своими подчиненными, и это очень важно. Русский солдат любит, чтобы с ним говорили. Ведь в военное время обойтись без слова, воодушевляющего, стимулирующего, поддерживающего, невозможно.

Переосмысливая проблему соотношения массы и руководителя (вождя) применительно к армейским условиям и используя термин Л.Н. Толстого «рой» в смысле коллективной воинской жизни, М.И. Драгомиров приходит к выводу, что в решении этой проблемы недопустимы крайности: «Матка без роя ничего не значит, но и рой без матки то же немного значит» (Драгомиров, 1898, с. 79). Этим выражением подчеркивается значимость обоих факторов – и широкого воинского состава, и возглавляющих его руководителей, военачальников. Также он отмечает, что на войну влияет соотношение двух других важнейших факторов – человека и техники, отдавая в этой диаде приоритет человеку.

Основой действий бойцов, которые необходимо формировать у них в процессе воспитательной работы, выступают, согласно Драгомирову, *самоотвержение и самоотречение*. Самоотвержение рассматривалось им как способность воина не приходить в уныние в самых отчаянных ситуациях, не бояться за свою жизнь, как отсутствие у него чувства опасности. Поэтому главной задачей воспитательной работы является формирование у военного

человека характера и воли. Необходимо заботиться о том, чтобы «получились умовые и волевые навыки», поскольку в военном деле успех «зидается на воле; ум показывает только легчайший путь к успеху».

Делая акцент на воспитании воли и ума, Драгомиров в то же время подчеркивал важность гармоничного развития всех сторон психики бойца: Он подчеркивал, что память без содействия анализирующего ума – «способность пассивная»; что внимание является следствием понимания, так как невозможно быть внимательным к тому, чего не понимаешь.

Воина Драгомиров рассматривал как гражданина, патриота, защитника отечества, как человека, свободного от крепостной зависимости, обладающего волей, разумом, чувствами. Соответственно, задача офицеров состоит в том, чтобы путем всестороннего обучения развить в солдате все хорошие задатки и поставить их на службу родине.

Он писал о том, что к какой бы деятельности человека ни готовили, нужно при этом сообразовываться с его нравственными, умственными и физическими особенностями. Из этого становится очевидным, что Драгомиров в структуре личности воина выделял нравственные, умственные, волевые и физические компоненты.

В его работах обсуждаются также вопросы организации боевой подготовки. По его мнению, боевая подготовка – это сведенное в одно целое обучение по различным предметам, по возможности, близкое к тому, что приходится делать в бою и на войне. Одной из задач боевой подготовки является формирование у бойцов воли и боевых качеств (которые он называл «нравственной упругостью»), включающих четыре свойства: находчивость, решимость, упорство, убеждение, что успех возможен только тогда, кто выручку товарища боец ставит выше личной опасности.

Говоря о воспитании воинского состава, М.И. Драгомиров отмечал, что, поскольку на войне важнейшим элементом является человек и главным его свойством является нравственная энергия, то «общая задача нравственного

воспитания состоит в том, чтобы решить вопрос: как нужно поступать, чтобы эту энергию не только не подорвать, но, напротив, развить и укрепить». Отсюда следует, что основной вопрос в этом деле – **как новобранца обратить в солдата, т.е. специализировать, не ломая в нем человека**» (Драгомиров, 1906, с. 9).

Драгомиров сформулировал ряд положений, которые обеспечивают достижение этой цели:

– Воспитывать и обучать новобранца, а затем и солдата, сообразуясь с общечеловеческими свойствами.

– Сообразовывать методы воспитания и обучения с основным свойством ума человека, т.е. расчленять на составные части всякий предмет, представляющийся цельным. Иначе говоря, сначала выполнить анализ тех или иных свойств, а затем их синтезировать.

– Сообразовываться с другим общим свойством ума человека, в силу которого у него, чтобы ни заставили его делать, невольно является вопрос: Почему? Зачем? Другими словами, необходимо, чтобы требования, предъявляемые к новобранцу, были целесообразными.

– В обращении с бойцом никогда не унижать его, а тем более не драться.

– Требования ставить настойчиво и непрерывно наблюдать за их исполнением.

– Помнить, что солдат человек и потому для него, как и для всякого человека, ни одна обязанность не должна обходиться без соответственного права (там же, с. 9–10).

Драгомиров отмечает, что **нравственная энергия солдата должна быть развита до степени готовности – хоть и самому погибнуть, лишь бы погубить противника** (там же). Для того чтобы достичь такой решимости, необходимы и другие общие составляющие.

Во-первых, – **преданность Государю и Родине до самоотвержения**, что является прямым долгом каждого солдата. Это чувство присуще солдату

изначально, задача состоит только в том, чтобы его укрепить. Далее Драгомиров пишет о том, что средствами, которые способны это сделать, является присяга, объяснение ее значения и смысла; важны и беседы на темы военно-исторического характера, в которых речь идет об историческом прошлом страны, о подвигах российского воинства и др.

Во-вторых, **дисциплина**. Драгомиров уделял большое внимание ее укреплению, ссылаясь на слова маршала Саксонского, с которыми он был согласен: «дисциплина – душа воинского организма».

В-третьих, **вера в нерушимость (святость) приказа**. Солдат должен осознавать, что нет более тяжелого преступления, чем невыполнение приказа начальника.

В-четвертых, **храбрость** (решительность, неустрашимость). Система обучения солдата должна быть направлена на развитие храбрости, чему должен способствовать личный пример начальника.

В-пятых, **решимость безропотно переносить труд, холод, голод и все нужды солдатские**. В этом огромную роль также играет пример начальников.

В-шестых, **чувство взаимной выручки**: «сам погибай, а товарища выручай».

Обобщая все сказанное, Драгомиров пишет, что «в настоящее время необходим солдат, обладающий всеми вышеперечисленными высокими нравственными качествами, в общем смысле – более развитой и в специальном – более подготовленный в тактическом отношении, при неперемennom условии воспитания в духе сознания **необходимости проявления частного почина**» (там же, с. 17). Он отмечает наличие противоречия, которое очевидно в ситуации, когда: с одной стороны, действует правило «не смей рассуждать», а, с другой, – «не смей не рассуждать». Драгомиров пишет: «Примеряется это противоречие так: **не смей рассуждать о существовании приказаний и, напротив, напряги все силы ума, воли и физики, чтобы исполнить его толково, по духу и сердцу начальника (частный почин)**» (там же, с. 18).

В «Заметке о русском солдате» М.И. Драгомиров выделяет основные характеристики русского солдата (Драгомиров, 1909). По его мнению, основание доблести и стойкости, свойственные в высокой степени русскому солдату, составляют умение страдать и умение умирать.

На чем основана эта стойкость? Чтобы объяснить этот феномен, М.И. Драгомиров обращается к анализу природных и географических условий жизни русских людей. Он считает, что стойкость – это результат «расовых особенностей» простого русского человека и суровой обстановки, в которую «мать-природа» его поставила. С малолетства он уже привыкал к страданию, к жизни в тяжелых географических условиях, которые закаляли его, приучали к терпению, выносливости. Способность к выносливости у русского крестьянина, как члена патриархальной семьи, воспитывающей детей в дисциплине, является необыкновенно прочной именно потому, что она непосредственна, т.е. возникает сама собою, органически, из строя жизни семьи.

Но несмотря на трудности жизни, русский солдат не жесток и не груб, а добродушен, обладает чувством юмора, составляющим его отличительную черту. Ему присуще полное отсутствие какой-либо позы, рисовки; жертвуя собой, он не думает о том, что совершает подвиг. Между русских солдат нет героев, а есть только люди, исполняющие свой долг, причем, по словам Драгомирова, делающие это просто, «от сердца», потому что не могут поступать иначе. Но «та сила и велика, которая не сознает своего величия».

Главным мотивом свершения воинских доблестей у русского бойца выступают защита веры и отечества. В подтверждение Драгомиров приводит слова Суворова, обращенные к русским солдатам, готовящимся вступить в сражение с врагом: «Умирай за Богородицу, за пресветлейший Дом – церковь Бога молит». В этом он видит глубинное выражение и основу боевого духа русского солдата (1909, с. 6).

Характеризуя русского солдата, Драгомиров пишет, что, отличаясь стойкостью, выносливостью, высоким предрасположением к повиновению, безграничной преданностью начальнику, русский солдат одновременно мягок, восприимчив, и потому обучение его военному ремеслу осуществлять чрезвычайно легко, если только оно ведется спокойно, терпеливо, без запугиваний.

Русский солдат глубоко религиозен, не чужд суеверия, находится «во власти непостижимых сил». Этим объясняется обычай в частях, особенно на юге, читать общие молитвы: вечернюю, перед обедом и после обеда.

Известна любознательность русских солдат: они любят читать, предпочитая книги «про божественное» и на исторические темы. Но повестей и рассказов не любят, полагая, что там «все придумано». Интерес у них вызывают сказки, поскольку они отвечают их чаяниям и надеждам на победу добра над злом, торжество справедливости.

Русскому солдату не чуждо эстетическое чувство. Как правило, он пытается украсить место, где он живет («свой дом»), например, кровати, наклеивая на перегородках лубочную, модную картинку – все, что попадается красивого. Он музыкален: в военных частях всегда есть хор песенников; песни поются всей ротой. Исполняются разные песни: народные, чисто солдатские и плясовые, которые играют важную роль в походе.

Для формирования у бойцов коллективистических чувств, сплоченности и единства особое значение, по Драгомирову, имеют полковые праздники – именины части. Они начинаются божественной службой, а после нее, как правило, дается обед. Отмечаются не только полковые, но и ротные, эскадронные знаменательные даты.

Таким образом, приведенный материал показывает, что М.И. Драгомиров ставил, анализировал и разрабатывал широкий круг психологических проблем военного дела. Представленные в данной работе положения в основном

касаются вопросов психологии воспитания, обучения, боевой подготовки бойцов, а также психологического портрета русского солдата.

ВКЛАД Г.Е. ШУМКОВА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ

Большой интерес представляют взгляды выдающегося военного врача, психиатра, психолога, психофизиолога, внесшего наиболее заметный вклад в становление и развитие военной психологии в России в начале XX столетия, Герасима Егоровича Шумкова (1873–1933).

Шумков исследовал психические состояния бойцов, находящихся в различных военных ситуациях, в том числе во время сражений.

При обсуждении этой темы среди военных существовали большие разногласия. Они касались и вопроса о том, каково соотношение таких факторов, как человек и управляемая им техника. По этому вопросу, делая акцент на психике бойца, Шумков писал: «Все факторы боя, влияющие на успех его исхода – 1) внешние и материальные (оружие, численность, внешние формы боя), 2) управление боем, 3) воспитание и 4) общие социальные факторы – только тогда имеют силу, когда психика бойцов цела. При подъеме и воодушевлении сила факторов, влияющих на успех, увеличивается, а с упадком психики бойцов она уменьшается, падает и нисходит на нет» (Шумков, 1905, с. 10). Он специально подчеркивал, что «ценность самых наилучших машин в бою всецело зависит не только от их качества, но главным образом от психики бойцов, управляющих ими» (там же). Таким образом, психика бойцов оценивалась им как «первая ценность, главное орудие боя», а машине он отводил второстепенное значение.

Шумков исследовал психические состояния бойцов во время боевых сражений, в то время как многие считали, что решение этой задачи невозможно, представляет собой напрасную потерю времени и сил. Работы Г.Е. Шумкова опровергли такую точку зрения. Он был убежден, что поставленную им проблему можно и нужно исследовать, и что изучение

психологии боя должно быть строго научным. Именно это он и доказывал своими исследованиями. Важным в проблематике «психология войны» представляется его уточнение самого понятия боя. Привлекая мнение других авторитетных ученых – отечественных и зарубежных – он писал о том, что прежнее понятие о бое как о насилии физическом – о физическом истреблении противника, о его захвате в плен – как цели необходимо изменить, и центр тяжести в вопросе о насилии из области физической перенести в область психическую. Он подчеркивал, что военная наука должна думать не об истреблении противника, а, прежде всего, о поражении его психических сил и разрабатывать методы, благодаря которым можно утратить врага, воздействовать на его психику, ослабить, расшатать, уничтожить его психические потенциалы. «Подготовить бойца к войне – не значит научить только искусно убивать противника, но, главным образом, научить владеть собой в боевой обстановке» (там же, с. 11).

Из этого возникают задачи и направленность исследования. Главное внимание, по Шумкову, должно быть сосредоточено на изучении психики бойца, законов ее протекания и проявления в боевой обстановке, на подготовке бойцов к бою. Следует отметить, что подобных психологических исследований работ в военной науке в тот период практически не было. Шумков писал: «Итак, потребность в научных основах психики является, как мы отметили, жгучим вопросом настоящего времени. **От научного познания психики бойца зависит будущий успех на войне.** Научное изучение психики необходимо как основание и как прочный фундамент для наук военных; необходимо для воспитания нашего войска и для создания типа бойца, способного переносить все ужасы настоящих боев» (там же, с. 14).

Утверждение многих военных, считавших, что создание военной психологии как науки – дело простое и вполне возможное, поскольку существует большая психологическая литература, из которой можно получить необходимые сведения и применить их к военному искусству, Шумков

оценивал, как упрощенный взгляд на проблему. Дело в том, что *в условиях войны нужно исследовать бой и бойца*, который в нем участвует, а это совсем иная ситуация чем та, когда человек действует в условиях мирного времени. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что на войне в силу сопряженных с ней трудностей и опасности условий здоровье бойца не всегда находится на необходимом уровне, наоборот, оно может расстраиваться до такого предела, когда уже наблюдается начало болезни. Поэтому «предмет психологии бойца и должна составлять область психических явлений, которая заключена между полным здоровьем бойца и его болезнью; область, которая постоянно меняется под влиянием тех или других моментов боя» (там же, с. 16). Этими вопросами должна заниматься военная медицина. По этому поводу он писал: «...область психических явлений бойца от начала заболевания до серьезной болезни и до полного удаления бойца из сражений и является совершенно неизвестной; ее не касается ни нормальная психология, ни военная медицина. А между тем область эта особенно важна; может быть, своевременная помощь бойцу в самом начале его страданий могла бы сохранить его для армии, как здоровую и крепкую силу – во все время боя» (там же).

Нормальная психология, по Шумкову, не охватывает бойца во всем его целом. Важно получить знания «о психофизиологическом изменении» бойца под влиянием тех или иных вредных моментов боя, и это составляет одну из основных задач военной психологии. Боец должен быть изучен во всех своих проявлениях, а не только в аспекте переживаний, данных в нашем сознании. Для военной психологии важно установить взаимосвязь и взаимозависимость психических переживаний с характеристиками и условиями боя и на этой основе сделать соответствующие практические выводы и рекомендации. Согласно Г.Е. Шумкову, прямая и непосредственная цель военной психологии – это *«цель практическая, состоящая в том, чтобы использовать научные психологические знания в целях успешного ведения войны, в целях победы над противником»* (там же, с. 17).

По его оценке, военная психология станет действительной наукой, необходимой для военного руководства, **«когда она откроет ему секрет в боевой силе и работоспособности бойца во все фазы боевой обстановки, когда она выработает свои научные положения о моментах, понижающих и повышающих работоспособность бойца, укажет совместное действие разных моментов боя на боевую силу; укажет средства борьбы с наступающим понижением силы в своих войсках и наметит моменты, способствующие угнетению и ослаблению силы своего противника»** (там же, с. 18).

В своих работах Шумков пытался ответить на ряд вопросов: что происходит с психикой бойца во время боя, какие мысли его тревожат, по каким причинам люди бывают либо храбрыми, либо трусами. Он писал, что, «изучив воина в душевном его состоянии и проявлении, определив научно, что такое храбрость, указав причины возникновения страха, моменты, способствующие укреплению храбрости и героизма, военная психология, наравне с другими науками, послужит общей цели успешности войны...» (Шумков, 1905, с. 2). Ее практическое применение будет важным и для командиров, так как «войска найдут в своих начальниках знающих руководителей. Военачальник, научно постигший дух и настроение войск, будет руководствоваться в своих поступках не только искусством, но и научными знаниями» (Шумков, 1905, с. 2–3).

Г.Е. Шумков изучал состояние психики бойцов на разных этапах боевых сражений: во время ожидания боя, самого сражения, в период атаки и затишья, наступления и отступления, а также после боя. Его задача заключалась в выявлении всей совокупности психических состояний воина: страха, печали, радости и гнева. Эти чувства описывались на основании данных, которые были получены от офицеров и врачей. Использовались также методы анализа, рассказы участников боев, наблюдения, самонаблюдения, изучение психофизиологические данные (показатели сосудистой системы, а также сведения о состоянии внутренних органов).

Е.А. Будилова пишет: «Шумков искал начало, объединяющее людей в совместной воинской деятельности. В качестве особого самостоятельного чувства, доминирующего над всеми и объединяющего людей, он выделял чувство тревоги. На фоне этого чувства возникают и видоизменяются эмоции страха, печали, радости и гнева. Оно нивелирует индивидуальность каждого из субъектов в толпе и заставляет действовать сообща» (Будилова, 1983, с. 102–103).

Действительно, Шумков уделял этой проблеме большое внимание, обосновывая ее связь с массовой психологией: «Чувством, объединяющим индивидуальности разных настроений и характеров, чувством, стирающим особенности личностей и превращающим человека как бы в один для всех людей шаблон, является, по нашему мнению, *чувство тревоги*» (Шумков, 1914, с. 89). Этому вопросу он посвятил специальную работу «Роль чувства тревоги в психологии масс, как начала, нивелирующего индивидуальности» (1914).

Значительное место в научных исследованиях Г.Е. Шумкова отводится проблеме психологии личности бойца. Для него, это совокупность душевных качеств бойца, свойственных ему чувствований, его способ мышления, характер его поступков. При этом он отмечал, что это не *«простая совокупность душевных свойств, а организованное их сочетание»*; указывал на необходимость гармоничности в сочетании душевных качеств, что, в конечном счете, и обеспечивает «единство» личности. Он отвергал попытки некоторых авторов отказаться от рассмотрения бойца как личности. Наоборот, считал Шумков, необходимо *«безусловное признание личности бойца, как в начальнике, так и в подчиненных нижних чинах, и изменение этой личности от условий боевой обстановки – изменение, подчиняющееся закону причин и следствий, должно быть принято, как незыблемое положение при научном изучении психики бойцов»* (Шумков, 1905, с. 20).

Продуктивной является его идея о том, что личность бойца надо изучать как нечто целостное – не только с точки зрения его душевных качеств, но включая в нее и психофизиологическую составляющую: «...изучение бойца должно быть только психофизиологическое... психика охватывает всего человека – все его духовные функции и телесные выражения» (там же, с. 23). Чрезвычайно современно звучит его утверждение о том, что «нельзя делить неделимое. Человек есть нечто целое, и чтобы познать его, *нужно изучать его всего: психику и физику совместно и одновременно*» (там же, с. 22). Это мнение высказано в противовес взглядам тех военных, которые при изучении психики ограничивались только нравственным, духовным, моральным компонентами, чувствованиями, идейностью, волей и т.п., игнорируя ее психофизиологическую составляющую. Важным в концепции Г.Е. Шумкова является понятие «сила», обозначающее явления, непосредственно связанные с боеспособностью воина.

Ставится вопрос, что такое сила вообще? По мнению Шумкова, на него ни психология, ни философия убедительного ответа не дали. Силу нельзя отождествлять с волей бойца; она имеет самостоятельное значение.

При обсуждении феномена силы Шумков рассматривает ее *проявления*. Согласно его определению, существуют грубая сила – сила момента и сила суточная – более длительная; сила выносливости; скорость или быстрота как проявления силы; сила ловкости или точности. Источником всех этих сил, по Шумкову, «является человек-боец – его психофизическая природа, прирожденная и приобретенная. Психофизическая природа человека постоянно проявляет себя в действиях, т.е. обнаруживает все виды сил совместно или же в различной комбинации. При этом перемены в психофизической природе человека отражаются, как на качестве, так и на количестве проявляемых сил» (там же, с. 25).

Силы человека дифференцировались автором на *внутренние, скрытые* (говоря современным языком, внутренние ресурсы) и обусловленные ими *внешние силы*.

Он обращал внимание на то, что *психология боя* должна исследовать все виды проявлений *внешней* силы – связанные с моментом и длительные, силы выносливости, скорости, ловкости, и все проявления сил *внутренних* – психофизическое здоровье, интеллект, или знания бойца, его настроения, эмоции.

Анализируя психику бойца в военных условиях, Шумков рассматривал также и вопрос о *нравственном факторе*, справедливо отмечая, что военное превосходство основано на *нравственной силе войск*. «Это сила, разлившись в массах, возбуждает, одушевляет их и делает их способными к принесению величайших жертв для победы. *Нравственная сила* заставляет склоняться весы победы на свою сторону» (Шумков, 1905, с. 3).

Обобщая сказанное, он писал о том, что великие полководцы «потому они и *велики*, потому и история сохраняет за ними заслуженную славу, что они умели пользоваться невидимой, но страшной силой – психикой бойцов» (там же). Наполеон считал, что три четверти успеха на войне зависит от психики. По мнению Шумкова, «от научного познания психики бойца зависит будущий успех на войне» (там же, с. 14).

Таким образом, в работах Шумкова представлен глубокий содержательный анализ предмета и задач военной психологии и военной медицины, обоснована необходимость их создания как особых отраслей науки, всесторонне рассмотрена проблема психических состояний бойцов в военных условиях, в том числе, в ситуации непосредственных боевых действий. Его исследования носят практический характер, раскрывают психофизиологическую, психологическую и идеологическую составляющие боеспособности.

Не только отечественные, но и зарубежные ученые признают огромный вклад Г.Е. Шумкова в исследование проблем психологии войны, совершенствование военного искусства в целом, считают, что его идеи и рекомендации были и остаются чрезвычайно важными для теории и практики военного дела, для истории психологической науки в целом, развивая и обогащая ее общепсихологическое содержание.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.Н. ГОЛОВИНА

Одним из важнейших в творческом наследии Николая Николаевича Головина (1845–1925), русского военачальника, генерал-лейтенанта, профессора Николаевской академии Генерального штаба, военного ученого, историка, исследователя военного дела, также как у М.И. Драгомирова и Г.Е. Шумкова, был вопрос о психологии боя, которую он рассматривал как особый предмет исследования.

Н.Н. Головин считал, что психологические знания служат основанием для развития военной науки. Изучение войны и боя должно базироваться на исследовании психологии бойца: «...центр тяжести исследования деятельности человека как бойца переместить в изучение психологии человека как бойца» (Головин, 1907, с. 41).

По мнению Головина, присущая бою *опасность* создает особые условия психической деятельности бойца, а факторы боя видоизменяют протекание психических процессов.

Большое внимание он уделял изучению мотивов бойца, выделяя среди них мотивы социального характера, составляющие основу победного стремления в бою, а факторы боя только видоизменяют эти стремления. Степень влияния факторов боя зависит от ситуации опасности, в которую попадает боец.

Согласно Головину, в формах боя имеется определенная изменчивость и факторы боя эволюционируют. Однако среди них можно выделить фактор, который не подлежит изменению. «Этот неизменный боевой фактор

составляют основы эмоциональной природы человека» (там же, с. 42). Тысячелетия не затронули эмоциональную природу человека. Поясняя эту мысль, Головин отмечал, что чувства человека, его страсти, инстинкты, в том числе инстинкт самосохранения, свойственны человеку любого периода – и прошлого, и настоящего, и, по-видимому, будущего. Такие чувства, как любовь, страх, ненависть, радость, печаль, стыд были всегда и впредь будут сопутствовать человеку в процессе его жизни. Несмотря на то, что в обществе произошел и происходит технический прогресс, самой эмоциональной природы человека он не затрагивает и не меняет ее. Согласно его мнению, «познание мира не изменило природы человека; что чувства страха, ненависти и другие по-прежнему обращают жизнь в драму или комедию; что современный человек даже управлять своими чувствами научился в чрезвычайно ограниченной степени» (там же, с. 43).

Исходя из признания господствующего значения в деятельности человека эмоциональной сферы, Головин делает попытку раскрыть диалектику состояний человека в условиях боя через борьбу мотивов, эмоциональных состояний и чувств. Как он отмечал, в душе человека в определенных ситуациях возникает несколько желаний, подчас противоречивых друг другу. «Столкновение различных желаний и сопровождающих или вызывающих их чувств между собою составляет так называемую борьбу мотивов» (там же, с. 61).

В этом плане важной является его идея о том, что в условиях военных действий бойцы испытывают амбивалентные состояния, которые имеют, как природное, так социальное звучание: с одной стороны, возникает сильное стремление *победить*, с другой – *уклониться от боя* и тем самым сохранить свою жизнь (Головин, 1907, с. 62–64, 78). Положительное стремление бойца победить «вытекает из неизменной основной идеи боя; отрицательное же стремление бойца есть следствие инстинкта самосохранения, вечного свойства

человеческой природы; в силу этого драма боя составляет неизменную, вечную часть боя» (там же, с. 79).

С увеличением опасности в боевой обстановке обостряется конфликт этих мотивов. Формула «победить при меньшем риске» уже не может их примирить. Стремление избежать опасности становится тогда почти равнозначным стремлению уклониться от боя.

Головин описал разные формы уклонения от боя. Например, с этой целью – от 4 до 10 бойцов вызываются сопровождать раненого, или его несут 4 человека, а вокруг хлопочет 20 человек, что не оправдано с точки зрения необходимости в таких человеческих затратах и действиях.

Борьба мотивов сказывается в том, что в бою человек переживает настоящую драму, и влияние отрицательного мотива может привести к двум следствиям: 1) сначала к *отказу от боя отдельных лиц* (поскольку они слабы); 2) затем к отказу от боя всей части.

Эта борьба положительного и отрицательного мотивов изнурительна, и бойцам не хватает сил для самостоятельного разрешения возникшего конфликта; нужен импульс извне. Его дают храбрые люди, которые сохраняют спокойствие, разум и запас энергии. В бою управление осуществляют всегда люди волевые.

Головин писал, что силы человека ограничены; ему присущи многие слабости. Чтобы использовать силы человека, надо знать все его особенности – и положительные и отрицательные.

Он считал, что человек из множества новых впечатлений замечает сознательно лишь ничтожную их часть. «В сознание попадает только то, на что устремлено наше внимание» (там же, с. 79). В бою важно все, что привлекает внимание бойца. Так, если один из положительных мотивов овладевает сознанием бойца с достаточной силой «влияние инстинкта самосохранения может быть временно парализовано» (там же, с. 80). То же, что приковывает внимание к инстинкту самосохранения, порождает стремление уклониться от

боя. Драма боя, так же, как и вся драма волевой жизни человека, *«всецело зависит от едва заметного перевеса внимания, сообщаемого одной из борющихся за преобладание идей»* (там же, с. 81).

Головин анализировал значимость внимания и предложил прием неожиданного воздействия на него какого-то действия, предмета и др. По его мнению, внимание привлекается неожиданным, внезапным. *«Отсюда, очевидно какое огромное значение имеет в бою внезапность»* (там же, с. 83).

Большое значение он придавал волевым характеристикам бойцов, определяя волю как произвольное внимание. Непременным свойством героя является, по Головину, не столько ум, сколько воля. Неожиданность помогает впечатлению овладеть вниманием бойца, а, следовательно, и определяет исход переживаемой бойцом внутренней борьбы.

Н.Н. Головин указывал на огромное значение чувств у бойцов. Предметом его специального исследования выступала эмоция страха, которая, как он считал, оказывает огромное влияние на деятельность человека в бою.

Чувство страха вызывает уменьшение рассудочности: *«Мотивы всякой деятельности человека лежат в области чувств и идей...»*. Причем, надо отметить *«главенствующее значение чувств в деятельности человека вообще. Обстановка же боя (опасность) стремится уменьшить рассудочную способность бойца. Мотивы деятельности в бою с увеличением опасности все более и более переносятся в область чувств и инстинктов»* (там же, с. 89).

Основой победного стремления бойца выступает, по Головину, осознание и принятие им целей («идеи») войны. Патриотизм – фундамент победного стремления бойца. *«Он является результатом огромной созидательной работы до поля сражения»* (там же, с. 90). В связи с этим он пишет о необходимости идейного воспитания воинов: *«Идея войны будет иметь значение, когда после очень медленной выработки она спустилась из подвижных сфер мысли в ту устойчивую и бессознательную область чувств, где вырабатываются главные мотивы наших поступков. Она составляет тогда некоторым образом часть*

характера народа и будет влиять на инстинктивное поведение» (там же). Чтобы идея проникла в сферу чувств, приобрела устойчивый характер, нужна работа многих поколений, целого народа, т.е. *«эта идея должна стать достоянием народного характера»*. Отсюда следует вывод о том, что идея войны – религиозная, политическая, или экономическая – «будет иметь силу только тогда, когда она *национальна*» (там же). Этими положениями Головин подтверждает значение национальных чувств народа. «Чтобы идея войны получила достаточную силу, она должна основываться на национальном чувстве, т.е. на *патриотизме* или составлять непосредственную составную часть его» (там же, с. 91). Идея, ставшая достоянием народного характера, представляет собой непобедимое явление.

Стремление бойца победить находится в мирное время в потенциальном состоянии, однако *«народ всей своей жизнью подготавливает победу в бою»* (там же, с. 92). Стремление бойца победить является «нравственным капиталом», который накапливается во всей предшествующей жизни народа и «вложен в душу каждого бойца». Чрезвычайно актуально звучат слова Головина о том, что «непременный признак сильного народа есть развитое национальное самосознание» (там же, с. 93).

Антитезой страха, согласно Головину, является мужество, на которое опирается победное стремление бойца. Оно также зависит от национальных свойств бойца, обусловлено социальными факторами. Следовательно, и в этом отношении победа предуготовлена народом задолго до битвы. По мнению Н.Н. Головина, «мужество является очень сложным духовным состоянием и в прямом смысле слова не может быть названо чувством. Главную составную часть так называемого мужества образует чувство мощи, которое активно влияет на деятельность человека, повышая его умственную активность. Кроме того, значительно возрастает его энергия, поскольку чувство мощи, или эмоция силы (Бэн), неразрывно связано с энергией, с уверенностью в своей силе, с уверенностью в успехе» (там же, с. 94). Поэтому все, что увеличивает веру в

успех, укрепляет также и чувство мощи; все же, что ослабляет эту уверенность, подрывает чувство мощи. Таким образом, вера войск в свою непобедимость имеет огромное значение.

Воспитание бойца должно быть таким, чтобы чувство мощи составляло неотъемлемую черту народного характера. Например, особенность духовного склада римлянина составляла его вера в свое превосходство.

Чувство мощи в большой степени зависит от факторов боя, от искусства управления сражением, внушающего бойцам уверенность в победе, купирующего страх. Это может происходить в том случае, если управление обращается непосредственно к чувствам бойцов. В этом плане проверенный способ – дать почувствовать бойцу поддержку его соратников, так как солидарность повышает чувство мощи.

Н.Н. Головин ставит вопрос, можно ли уничтожить проявление у бойца инстинкта самосохранения? Справедливо полагая, что инстинктивные состояния невозможно полностью уничтожить, он в тоже время предлагает использовать определенные приемы для их коррекции. Это можно сделать косвенным путем – посредством отвлечения внимания бойцов, переключения на какую-либо другую деятельность, организованную так, чтобы привлечь их к активному участию в сражении (там же, с. 108). Эмоция деятельности в своем развитии вызывает чувство мощи и, следовательно, повышает победное стремление бойца.

Согласно Н.Н. Головину, психологический анализ боя предполагает выделение трех периодов: начального, кризиса и завершения. В каждом из этих периодов у бойца происходят определенные переживания. Так, в начале боя индивидуальность еще не поглощена массой; во втором периоде боец подчиняется законам единства толпы; в третьем – происходит отказ от боя одной из сражающихся сторон.

Высказывается важная мысль о необходимости определения момента, когда возникает «психологическая толпа», поскольку в этих условиях

происходит изменение индивидуальных психических качеств бойца, у него начинают преобладать инстинкты, повышается внушаемость – появляется «массовый боец». Свойства человека уже начинают определяться свойствами толпы и становятся сильнее собственно личных интересов и побуждений. У него проявляются особые психологические характеристики: возникает импульсивность, предполагающая немедленное воплощение состояний в действие; сила чувств и тенденция к крайностям превращает чувство мощи в веру в свое могущество, чувство страха – в панику; появляются податливость внушению вследствие передачи чувств от одного человека к другому; легковерие, предрасположенность к иллюзиям и болезненно развитое воображение. В условиях снижения рассудочности в ходе самого боя управление сражением должно обращаться непосредственно к чувствам, «экономить духовные силы бойцов» и оберегать их от возникновения чувства опасности, включать бойцов в активные боевые действия, повышать их победное стремление, переходить в наступление.

Н.Н. Головин выделил ряд главных составляющих, анализ которых и помогает понять, как ситуацию боя, так и особенности психического состояния бойцов, участвующих в боевых действиях. К ним относятся:

- исследование деятельности и свойств человека, как бойца;
- анализ факторов, обуславливающих деятельность человека в условиях боевых сражений;
- раскрытие законов деятельности человека в бою.

Особое внимание он придавал исследованию духовных качеств бойца, соглашаясь с мнением военных авторитетов о том, что духовная сторона имеет главенствующее значение в военных сражениях. «...духовные свойства бойца имеют для победы в бою значение безусловное, – писал Головин. – Все же прочие факторы имеют значение условное: их значение обуславливаются всецело духовными свойствами бойца» (там же с. 183–184). Поэтому

повышение духовных сил бойцов – первоочередная задача командиров всех уровней.

Представляет интерес проведенное им сравнение бойцов разных эпох – XVIII и XIX столетий. Как он отмечал, история войн говорит о том, что войска в XVIII веке состояли из людей неблагонадежных, завербованных в армию, духовно и идейно незаинтересованных в исходе войны. Другая ситуация наблюдается в XIX веке, когда армия уже начала комплектоваться из солдат, которым свойственны нравственные идеалы и для которых отечество «превыше всего».

Итак, очевиден огромный вклад Н.Н. Головина в разработку военной психологии, в частности, в исследование психологию боя и раскрытие состояний психики бойца в этих условиях. Он особо подчеркнул значимость духовных свойств воина и указал на «стабильность» эмоционального фактора, важность которого велика и его необходимо учитывать, как обязательную составляющую в военном деле; поставил вопрос о связи народного характера с патриотизмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ работ военных специалистов середины XIX – начала XX веков позволил выделить разрабатываемый ими широкий круг проблем военной психологии, центром которой выступали психология бойца, его личностные характеристики – духовные и «боевые» свойства, мотивы и эмоциональные состояния.

Приведенный материал показывает, что военные специалисты ставили и разрабатывали самые животрепещущие и актуальные проблемы армейской жизни, без решения которых не может быть обеспечена нормальная жизнь армии как важнейшего социального института, задачей которого является защита интересов своей страны. Их теоретические положения, выводы и рекомендации не потеряли своего значения и в настоящее время и должны

быть введены в научный обиход и использованы в практике воспитания в широком смысле слова.

Литература

Будилова Е.А. Социально- психологические проблемы в русской науке. М., 1983.

Головин Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907.

Головин Н.Н. Очерки по военной психологии. Берлин, 1927.

Дерман В. О смелости и риске // Военный вестник. 1946. № 7.

Драгомиров М.И. Учебник тактики. СПб., 1881.

Драгомиров М.И. Военные заметки. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1894.

Драгомиров М.И. Очерки. Разбор «Войны и мира». Киев, 1898.

Драгомиров М.И. Учебник тактики. Киев, 1900.

Драгомиров М.И. Подготовка войск в мирное время» (воспитание и образование). Киев, 1906.

Драгомиров М.И. Одиннадцать лет. 1895–1905. Сборник оригинальных и переводных статей за 1895–1905: В 2 кн. Кн. 1. СПб., 1909.

Драгомиров М.И. Подготовка войск в мирное время: воспитание и обучение. Избранные труды. М., 1956.

Помогайбин В.Н. Военно-психологические исследования: методологические основы. М.: Современный гуманитарный университет, 2001.

Феденко Н.Ф., Раздубев В.А. Русская военная психология (середина XIX – начало XX веков.) Учебное пособие. М., 1993.

Шумков Г.Е. Рассказы и наблюдения из настоящей русско-японской войны 1904–1905 годов. Киев. 1905.

Шумков Г.Е. Роль чувства тревоги в психологии масс как начала, нивелирующего индивидуальности // Военный сборник. 1914. № 9.

Шумков Г.Е. Психика бойцов во время сражения. СПб., б\г. Вып. 1.

ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC MILITARY PSYCHOLOGY: PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

T.I. Artemyeva *

*PhD, Senior Researcher, Federal State Budget Institution of Science Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Annotation. The ideas of the famous military leaders, military psychologists, experts in the field of military affairs, who stood at the origins of the military psychology as a special science. It is noted that in their view, a major figure in the war is a fighter, and therefore the main problems in the study of the theme of "the psychology of war," focused on the soldier psychology, its training and education, as well as on the analysis of his mental states in different military situations: before, during hostilities and after them. The analysis of psychological views known practitioners and theorists of military affairs, M.I. Dragomirov, N.N. Golovin, G.E. Shumkov.

Keywords: War, war, psychology, psychology of combat, war, mental states and properties of a soldier in a military battle, education and training fighters, the spiritual qualities of fighters, combat readiness, the motives of the fighters, patriotism, M.I. Dragomirov, N.N. Golovin, G.E. Shumkov

**ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОГО
СТИЛЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Н. ДРУЖИНИНА¹⁷**

Н.Г. Немировская^{18*}

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
психологии Российской академии наук, Москва*

e-mail: talisha.89@mail.ru

Почтовый адрес: Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты психолого-исторической реконструкции особенностей личности и индивидуального стиля научной деятельности В.Н. Дружинина. Делается вывод о возможности использования предложенного подхода в качестве теоретической модели исследования жизни и творчества ученых.

Ключевые слова: реконструкция, личность, индивидуальный стиль, научная деятельность, интервью, ученый, факторы формирования личности и творческой деятельности ученого

ВВЕДЕНИЕ

Одним из эффективных способов психолого-исторической реконструкции особенностей личности ученого, его творческих достижений, индивидуального стиля научной деятельности, а также оценки его вклада в науку являются суждения о нем тех, кто составляет его «оппонентный круг» (Ярошевский, 1983) – с кем он общался, вступал в диалог, чью точку зрения он принимал или отвергал. В этом плане немалую роль играет фиксация соответствующих суждений его коллег и учеников с помощью интервью и

---

¹⁷Работа выполнена по государственному заданию, проект № 0159-2018-0009.

¹⁸Младший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт психологии Российской академии наук.

экспертных оценок. Они особенно важны в плане анализа личности и творчества психолога, поскольку выявляют соотношение его профессионально важных качеств с личностными характеристиками – те и другие в их единстве значимы для реконструкции внутреннего мира исследователя, изучающего внутренние миры других и углубляющего, тем самым, постижение своего «Я».

Итак, *целью данного исследования* являлось воссоздание особенностей личности, жизненного сценария и творческой деятельности Дружинина в проекциях других ученых-психологов для объемного рассмотрения его вклада в науку.

Поставленная цель была реализована посредством сбора и анализа структурированных интервью с их последующим контент-анализом. В нашей работе они применены к исследованию личности психолога и отличаются в содержательном плане принципиальной новизной – например, сравнительно с интервьюированием выдающихся отечественных психологов, проведенным В.И. Артамоновым (Артамонов, 2003) и др. Следует отметить, что метод интервью использовался И.С. Алексеенко (Алексеенко, 2006) при исследовании научного творчества Е.А. Будиловой.

Сбор и качественный анализ материала осуществлялся с помощью формализованных, нестандартизированных интервью. Они проводились по месту работы интервьюируемых, в доверительной обстановке, без участия третьих лиц и записывались на цифровой диктофон. В качестве респондентов выступали *компетентные эксперты* – специалисты в разных областях психологии, которыми занимался Владимир Николаевич, его друзья, коллеги, а также наставники и ученики. Тем самым, по сути, реализовывался метод экспертной оценки личности и творчества Дружинина.

При этом формализованное интервью строилось как беседа по детально разработанной программе, включающей в себя последовательность закрытых и открытых вопросов; подробно обсуждались темы, с которыми респонденты были заранее ознакомлены.

Для обработки материалов интервью был использован метод контент-анализа (англ. contentanalysis; от content – содержание) – формализованный метод изучения текстовой информации. Основанием для нашего контент-анализа, исходя из предложенной нами теоретической модели исследования научного наследия ученого (Н.Г. Немировская, 2017), выступали, в первую очередь, такие концепты, как личностные особенности В.Н. Дружинина; присущий ему стиль научной деятельности; факторы формирования его личности и творческой деятельности.

Были проведены 15 интервью; полученные в ходе интервьюирования материалы сопоставлялись с опубликованными воспоминаниями о Дружинине, вошедшими в научный оборот (см. Психология способностей, 2005). Кроме того, для сопоставительного анализа использовались и другие материалы, в частности, переписка ученого и воспоминания его близких родственников (Антимемуары, 2005; 2011).

Из 15 проинтервьюированных, выступающих в нашем исследовании в качестве компетентных экспертов по рассматриваемым нами вопросам, 10 человек являются докторами психологических наук; половина – сотрудниками Института психологии РАН; практически все занимаются преподавательской деятельностью, имеют профессорские звания. Половина опрошенных уже выступала с письменными воспоминаниями о Дружинине; в нашем анализе выделялись новые штрихи к его образу как человека и ученого.

Излагая материалы интервью, мы стремились не только передать их научное содержание, но и эмоциональную стилистику оценок. В связи с этим приводится ряд цитат из материалов интервью.

ОЦЕНКА НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В.Н. ДРУЖИНИНА И ЕГО ВКЛАДА В РАЗНЫЕ ОТРАСЛИ ПСИХОЛОГИИ

Очень высокую оценку научного наследия Дружинина дали 80% интервьюируемых, говоря, что это «один из выдающихся ученых России, который оставил очень яркий след в своей короткой жизни», что «значение его

трудов, как настоящего классика, с каждым годом будет возрастать и получать все большую известность и признание».

При уточнении того, в каком из разрабатываемых Дружининым направлений им получен наиболее значимый для науки результат, были даны разнообразные ответы, по которым мы выделили две подгруппы интервьюируемых. Первая (35%) в большей мере оценивала вклад Дружинина в психологию в целом, вторая (65%) акцентировала внимание на теории способностей ученого и соответствующем направлении его научно-практической деятельности. Опрошенные первой группы подчеркивали, что Дружинин выходил на человековедческую проблематику – подобно Б.Г. Ананьеву (2005), но он это делал, в отличие от классика отечественной психологии, не в конце, а в середине своего творческого пути.

Все интервьюируемые признавали, что его главные научные достижения находятся в предметных областях экспериментальной психологии, методологии психологии и психологии способностей.

Интервьюируемые первой подгруппы (35% интервьюируемых) подчеркивали, что большое место в его творчестве занимали по-новому трактуемые проблемы методологии психологии. Особо отмечались оригинальные методы в сфере экспериментальной психологии. Это связано с тем, что В.Н. Дружинин обладал глубокими математическими знаниями и умело их применял. При этом он избегал крайностей сциентизма, излишней математизации исследовательских процедур. Намеченные им пути в рамках общепсихологических исследований продолжают развиваться и в ряде оригинальных разработок тех, кто считается его учениками.

Во второй подгруппе (65% интервьюируемых), сосредоточивших внимание на подходе В.Н. Дружинина к исследованию психологии способностей и ее научном и практическом значении, отметили, что он занялся проблемами способностей и одаренности в силу того, что сам обладал многими творческими способностями и высоким уровнем креативности. *Все* (100%)

отметили, что его теоретические и прикладные исследования отличаются научной оригинальностью и практической продуктивностью. Отмечался и такой важный факт, что теоретические трактовки проблемы способностей не были самодовлеющими; В.Н. Дружинин связывал их с образовательной практикой, эксплицируя многие свои идеи в область психометрики и психодиагностики. Фактически через исследование способностей он по-новому поставил проблему измерения в психологии, вычленив роль ситуационных факторов в них.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В.Н. ДРУЖИНИНА И ФАКТОРЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Все интервьюируемые говорили о том, что имели положительный опыт личного общения с В.Н. Дружининым; 75% из них отметили, что он сыграл «большую», «значительную», «очень существенную», «огромную» роль в их жизни. Половина опрошенных указали, что В.Н. Дружинин помог им в социальном плане: принял или перевел на работу к себе в лабораторию; помогал в их научной деятельности; продвигал в должностном плане своих коллег по институту; оказывал помощь всем, кто за ней обращался. Особым образом он относился к «ярославцам». Как вспоминает С.К., он «очень любил приезжать в Ярославль и всегда на конференциях говорил: “Какая нужна помощь, обращайтесь”. Всегда протягивал руку, не ждал, когда придут к нему, будут просить». Каждый год он издавал сборники трудов ярославцев по педагогическому и по профессиональному мышлению под своей редакцией и под грифом Института психологии РАН – всего 4 монографии, 4 сборника.

Примечательна для характеристики *личностных качеств и стиля руководства* Дружинина следующая рассказанная М.Х. ситуация. После переезда в Москву она встретила с В.Н. Дружининым и сказала о своем желании работать в Институте психологии. При этом, как ей было известно, свободных вакансий в Институте в это время не было. В.Н. Дружинин выслушал и сказал: «Подождите», – и вышел из кабинета. Вернувшись через 5

минут, он сказал: «Пишите заявление на ставку в моей лаборатории». Это свидетельствует об оперативности В.Н. Дружинина в принятии управленческих решений и о равнодушии ученого к коллеге.

Как отмечает *В.Ш.*, в истории Института психологии были трудные периоды: после 1991 года финансирование науки и образования оказалось достаточно скудным. В науке оставались только те люди, которые преданы ей, или те, кто не могли найти себя в другой сфере. В.Н. Дружинин в этот период работал заместителем директора Института и многое сделал для его сплочения; это его важная заслуга. Работа существенно повлияла на его становление как управленца и сформировала определенные личностные качества, которые проявлялись потом и в других сферах деятельности. «С этой точки зрения, мне представляется, что его отношения с коллегами по работе были и дружескими, и продуктивными в научном отношении. Вообще, как говорят, народ видит, кто чем занимается. И если люди видят, что руководитель даже и требователен, но сам “пашет” в полную силу, то и отношение к этому руководителю уважительное. Это сплачивало людей, коллектив и т.д. В.Н. Дружинин в определенной мере подавал пример, как можно добиться высоких результатов в сложных условиях существования Института; народ к нему тянулся».

Б.Т. вспоминает: «Можно сказать, я из-за Дружинина не ушла из Института, потому что у меня были как раз такие намерения. ... 1990-е годы: денег не платят, все не стабильно, непонятно, как дальше существовать, и я думала: “Все! Уйду в практику”. Ходила... профессионализацию в терапии получала, а Владимир Николаевич пригласил меня остаться в ГУГНе¹⁹».

30% интервьюируемых особо подчеркнули, что В.Н. Дружинин был для них образцом настоящего ученого и помог состояться в научном плане.

А.К. рассказывает, что в прямом смысле В.Н. Дружинин не сыграл никакой роли в его биографии: «У нас нет совместных работ, за исключением, может быть, параллельных мыслей на предмет дипломной работы. Мы не

---

¹⁹Государственный университет гуманитарных наук, созданный на базе Российской академии наук.

разрабатывали вместе никаких проектов, но косвенная роль огромная – у меня всегда был и остается перед глазами пример истинного ученого, того, каким должен быть настоящий ученый. Креатив в полном смысле слова. Человек не только могущий, но и желающий, стремящийся постоянно. Вот его нет, а свет идет, не только для меня – для многих...»

А.В. считает, что без него он как ученый не состоялся бы: «Как психолог я состоялся, когда учился, а вот как исследователь – это его... исследовательские приемы, подходы к исследованию; это все от него».

Д.У. подчеркивает, что В.Н. Дружинин сыграл более существенную роль в его биографии, чем можно было бы подумать по каким-то формальным вещам. «Именно потому, что его образец вызвал у меня интерес к этой теме. Если бы не он, я бы не занимался интеллектом абсолютно точно, я бы занимался мышлением. Я бы не занимался интеллектом в смысле индивидуальных различий. Более того, я думаю, что в результате то, что сейчас делается в России по интеллекту, это фактически все произошло от него. Даже у тех людей, которые его не знают, непосредственно не связаны [с ним – Н.Н.], они этим занимаются, потому что он был». *Д.У.* отметил, что уже ранние работы В.Н. Дружинина, в частности, его книга «Структура и логика психологического исследования», привлекли широкое внимание. Это касается и книги «Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие», да и практически всех научных трудов В.Н. Дружинина. «В психологии есть шутка, что каждый занимается тем, чего у него нет. А вот Дружинин – это прямая противоположность. Очень высокий интеллект, очень большая скорость мышления, скорость мышления социального в том числе, ну и предметного тоже, необычность идей. Отсутствие подчинения авторитетам... С одной стороны, неуважение даже к авторитетам, с другой стороны, готовность слушать, читать, обращать внимание на что-то, что исходит из абсолютно неавторитетного источника». В.Н. Дружинин писал стихи; многие были неплохие, но сам он себя считал неудавшимся поэтом. У него есть фраза, как

раз к вопросу, что каждый занимается тем, чего у него нет: неудавшийся поэт занимается психологией творчества.

Таким образом, все интервьюируемые говорили о том, что имели положительный опыт личного общения с В.Н. Дружининым; 75% из них отметили, что он сыграл важную роль в их жизни.

*Особенности личности В.Н. Дружинина как человека, ученого,
руководителя*

На вопрос, что привлекало в В.Н. Дружинине как в человеке, С.К. отвечает: «Необычайно восхитительный человек, просто даже в каком-то обыденном, бытовом плане. Занимал такие должности, ведь он был в числе экспертного совета ВАК и во всех этих фондах сидел, и никакого снобизма, “надувания щек”. Я его прекрасно понимал, и даже в душе гордился им за его талант. Но у нас при жизни мало хвалят человека, ему было очень тяжело, но он никогда не жаловался. Сейчас вот куда не придешь, все жалуется, либо друг на друга, либо на Президента. Он никогда ни на кого не жаловался... Открытость, искренность, отзывчивость, доброжелательность необычайные».

Согласно воспоминаниям С.Б., Владимир Николаевич был перфекционистом. Будучи Ленинским стипендиатом, он совмещал учебу с участием в церковном хоре, что не одобрялось существующим режимом. Ему были присущи искренность, идущая рука об руку с непосредственностью, доброжелательность и открытость, в том числе полное отсутствие толерантности по отношению к тому, что он не любил.

А.Г. особо отмечает наличие у В.Н. Дружинина высокой самооценки и интереса к самому себе – позиция в хорошем смысле эгоцентрическая. В целом он хотел найти внутри себя что-то глубокое и важное, чтобы развивать это, поэтому не случаен и выбор им темы психологии способностей. Характерен был присущий ему стиль общения. «Когда вокруг него люди собирались, он им, с одной стороны, помогал, располагал через... открытость, общался неформально хорошо, и, одновременно, не проявлял попустительский стиль,

[не действовал – Н.Н.] “спустя рукава”. Поэтому организованность была четкая».

Б.Т. указывает, что у *В.Н.* присутствовала неудовлетворенность собой: он постоянно себя с кем-то сравнивал, стремился показать, что ничем не хуже. Все же это было не какое-то хвастовство, а презентация себя как человека, который много знает, умеет и передает это другим.

В целом, по мнению *А.К.*, *В.Н. Дружинину* были присущи огромное трудолюбие, упорство, настойчивость, сензитивность на грани с обидчивостью от того, что он чего-то не знает. Это мощнейший стимул для развития, требующий многих затрат – никто не заставлял, а он не мог не изобретать, не творить.

По воспоминаниям *В.С.*, *В.Н. Дружинину* были присущи, «прежде всего, колоссальная работоспособность и трудолюбие, честность и пунктуальность во всех делах, которыми он занимался. Он никогда не кривил душой, и всегда с него в этом плане его ученики брали пример. Он все делал “чистыми руками”».

Б.Т. рассказывает, что *В.Н. Дружинин* «был очень работоспособен, много читал, переводил, следил за научными новинками, никогда не останавливался на достигнутом. У него всегда появлялись новые сферы интересов. Он для себя не закрывал возможные пути. ... Мне кажется... он был человек, внутренне открытый к широкому научному поиску».

По мнению *Д.У.*, *В.Н. Дружинин* – «типичный креатив. Вот как описываются в психологии творчества черты личности креатива: независимый, импульсивный, со своеобразным таким, иногда довольно холодным юмором».

При этом *В.Н. Дружинин* четко чувствовал профессиональные качества других людей и был доверчивым по отношению к их носителям. Он был очень искренним: что думал, то и говорил, но это было и проблемой, потому что у него возникали конфликтные ситуации в Институте; он высказывал и что-то такое, что людей обижало. «Он бы мог подумать и не сказать, а он говорил и всегда был прав, редко ошибался, и поэтому его искренность мне очень

нравилась. И, конечно, его профессионализм, потому что он очень интересно работал в профессии своей».

По воспоминаниям *М.Х.*, научному успеху *В.Н. Дружинина* способствовали его импульсивность и отсутствие страха. «Он ничего не боялся, был очень смелым человеком по жизни, наверное, и в науке, поэтому он уходил в любые области. Это приводило к тому, что он не боялся выдвигать новые идеи, мог сказать, что угодно – сначала говорил, потом думал. Это очень хорошее качество для ученого, потому что тогда нет внутренних тормозов на этапе рождения идей. Эта импульсивность для его научной карьеры была очень полезной». Вместе с тем, *М.Х.* считает, что это и минус, так как «он никогда ничего не дорабатывал. Никогда, к сожалению. Не было у него такого. Он идею выдвигал, иногда писал статью. Самые хорошие статьи у него были написаны вместе с аспирантами... Его собственные работы – это был... поток текста. Если бы он пожил еще, он бы организовал это, систематизировал, наверное, но, к сожалению, не успел».

Д.Б. отмечает, что в его «характере ничего не могло способствовать» успеху, «а просто он был талантлив действительно, умен по-настоящему». Ему были присущи также определенное нетерпение и повышенная эмоциональность – качества поэта, которые должны были мешать карьере. Будь он более педантичен, к нему труднее было бы придирааться. Он мог в коридоре идти и себя или других критиковать в окружении любых людей, которые потом все это разносили. Он мог спокойно говорить среди толпы такие вещи, которые можно сказать только самому себе.

В плане характеристики личностных черт *В.Н. Дружинина* и стиля его управленческой деятельности интересны следующие слова *Д.Б.*: «Он был вспыльчив, когда встречался с несправедливостью... Я считаю, когда был *Брушлинский* и *Володя* его заместителем – это был “золотой век” Института, потому что во главе Института стояли глубоко интеллигентные люди. И каждый сотрудник Института знал, что у него за спиной ничего не может быть.

[Существовал – Н.Н.] климат культуры и доверия. То, что Брушлинскому все-таки пришлось его сместить, – это результат Володиной гражданской позиции, когда он резко выступал в Академии. За это его можно только уважать. Наверное, если бы все было спокойно в Институте, может, как-то это можно было пережить, но на Брушлинского нападение шло с двух сторон».

Были описаны и особенности личности В.Н. Дружинина как лидера, руководителя – это личный пример, обладание высокими научными качествами, умение стимулировать, мотивировать, воодушевлять, много брать на себя, зажигать людей своим интересом, но при этом предоставлять им свободу действий. В лаборатории В.Н. Дружинина все были заняты делом. Он умел увлекать, озадачивать людей, и они уже сами ставили конкретные цели. У них всегда доминировало чувство локтя. Атмосфера была очень хорошей: когда приходили крупные ученые в лабораторию с другими парадигмами, не наблюдалось никакого конфликта интересов. Дружинин обычно не повышал голос, говорил тихо, спокойно, размеренно, даже когда были острокритические выступления. В.Н. Дружинин любил не стимулировать, а мотивировать; он мастерски умел ставить новые задачи, воодушевлять: если к нему приходили с любой идеей, то он помогал обнаруживать какие-то новые грани в ее трактовке. Он все схватывал и быстро развивал интересные идеи, умея это делать без всяких натуг, без какой-то публичности.

Характеризуя отношения В.Н. Дружинина с коллегами и психологический климат в научном коллективе, которым он руководил, *А.В.* отмечает: «Время от времени какие-то странные конфликты случались, я не знаю, на чем они базировались. Он был довольно эмоциональным человеком, и не совсем благоприятные отношения складывались. Я никогда не считал это препятствием; мне казалось, что это даже способствовало эффективности деятельности, поскольку хорошие отношения к застою ведут, а легкий разлад способствует повышению активности. Он предоставлял свободу действий каждому, что меня всегда радовало. У него были оперативные цели, надо было

быстро их достигать, но мне была предоставлена свобода, за что я ему благодарен».

М.Х. подчеркивает, что, «одно из самых важных качеств [Дружинина – Н.Н.] – это умение продуктивно действовать в стрессовой ситуации. Он был руководителем и лидером Института как заместитель директора. Это было самое трудное время – перестройка, когда все разваливалось, расплывалось... И, тем не менее, он сумел продержаться Институт... себя проявил как руководитель Института, обладающий прекрасными лидерскими и организационными качествами. Потом он создал факультет психологии [в ГУГНе – Н.Н.], был его деканом, а это самые первые годы, когда он с нуля... все собирал. Поэтому я считаю, что его качества руководителя были очень высокими. Но! Если бы он решил и открыто заявил, что хочет стать директором Института, я бы лично его отговаривала, потому что, чтобы быть директором Института, нужно быть очень виртуозным дипломатом, а дипломатических способностей у него не было. Может быть, он бы их приобрел с возрастом, потому что он же молодой был, он их просто не успел приобрести; с этой точки зрения, лет в 55 он стал бы, возможно, руководителем более высокого уровня...».

Согласно *В.М.*, *В.Н.* Дружинин находился одновременно в очень разных коллективах, и у него там складывались разные отношения. Но везде проявлялись его положительные качества: коммуникабельность, умение установить контакт.

По мнению *В.Ш.*, *В.Н.* Дружинина «характеризовала научная целеустремленность, умение работать в коллективе и умения создавать коллективы, генерировать идеи, которыми можно увлечь сторонников. Как отдельное качество, определенную импульсивность я бы отметил. Ну и самое главное – это добропорядочность».

Д.У. вспоминает: «Он действительно был лидером и скорее вообще не очень уживчивым с начальством, по крайней мере, не уважавшим начальство. Вот эта особенность у него была».

Согласно *А.К.*, *В.Н.* Дружинину было трудно руководить, потому что он не всегда он был легким в общении и требовал от людей очень много. Но то, что люди видели, как он сам работал, облегчало его взаимодействие с коллегами, т.е. его личный пример.

А.К. отмечает также такую черту творческого стиля *В.Н.* Дружинина, как умение интегрировать усилия исследователей, что обнаружилось еще в самом начале его профессиональной деятельности. Он совместно с интервьюируемым разрабатывал некоторые элементы психологического анализа коррелограммы во время написания своих дипломных работ. Первоначально коррелограммы ПВК были представлены в виде не круговой, а ветвистой формы, но в ходе общего поиска была выбрана круговая форма.

«У Володи удивительным образом гармонировали интеллектуальные и волевые качества» (Кашапов, 2005, с. 420). Как вспоминает *А.В.* Карпов, он всегда обращал внимание на проявления «интеллектуальной одаренности Володи» (Карпов, 2005, с.411). Творчество было потребностью и источником его жизненных сил. По словам *А.В.* Карпова, «креативность Володи не требовала больших психофизиологических затрат, была для него естественным и даже необходимым проявлением его натуры, что уже само по себе говорит о ней как о сущностной черте его личности» (там же, с. 412). *В.Н.* Дружинин творил ежеминутно, стремился каждое мгновение прожить по-новому, отвергая штампы и шаблоны, казалось бы, не опираясь на свой предыдущий опыт: мог на один и тот же вопрос в разное время дать взаимоисключающие ответы, что было результатом непрерывного развития и углубления его мысли, которая не останавливалась на достигнутом, открывая новые аспекты в рассматриваемой проблеме, приводя к новым выводам и решениям.

Однако были выделены и такие качества В.Н. Дружинина, как вспыльчивость, излишняя критичность, ироничность, непредсказуемость, импульсивность, повышенная эмоциональность, ранимость, чувствительность, которые мешали ученому во взаимодействии с коллегами и начальством, очень высокие требования, предъявляемые к себе при одновременно высокой самооценке, высочайший уровень достижений, что характерно для талантливых людей. Общекультурная эрудиция ученого была огромна, он нередко демонстрировал глубокие познания в самых различных науках. Дружинин был блестящим оратором и докладчиком, и некомпетентность и непрофессионализм других возмущали и выводили его из себя. «Он был ранимым человеком, остро реагировал на различные коллизии на работе, в академическом сообществе. В суждениях иногда был категоричен» (Шадриков, 2005, с. 425).

В.Н. Дружинин отличался высокой гражданственностью, умением принимать ответственные решения, способностью ставить и решать сложные социально значимые научные проблемы. Он любил свою семью, был верным другом и человеком, лично сопричастным и переживающим все события, происходящие в нашей стране. По воспоминаниям С.Д. Бирюкова, «его активная жизненная позиция проявлялась не только в научной жизни – в 1991 был на баррикадах у Белого дома, а в 1993 мы с ним встретились в безлюдном Институте психологии, и он в деталях рассказывал о танковых стрельбах в центре Москвы, откуда только что вернулся» (Бирюков, 2005, с. 99).

Владимир Николаевич стремился к сохранению и развитию психологической науки, беспокоился о состоянии интеллектуального потенциала российского общества. В.Д. Шадриков дает следующие его яркие характеристики: «Молодой, яркий, талантливый, глубоко переживающий судьбу своей Родины, болеющий за сохранение и развитие психологической науки, постоянно стремящийся разобраться в различных психологических проблемах» (Шадриков, 2005, с. 422).

Одна из самых ярких черт Владимира Николаевича – это любовь к людям, к родным, к семье, к сотрудникам, аспирантам, знакомым и незнакомым людям. Эта черта, по воспоминаниям Л.И. Ларионовой, «проявлялась в бережном отношении, желании понять и помочь» (Ларионова, 2005, с. 433). Особое «дружининское поле», по воспоминаниям Л.И. Ларионовой, создавали «само общение, атмосфера уважения и доверия с его стороны, личное обаяние, глубокая теоретическая подготовка ученого, талантливость, исключительная доброжелательность. Духовность Владимира Николаевича проявлялась в том, что он давал возможность развиваться чужой индивидуальности в поле своей индивидуальности» (там же, с. 428–429).

Согласно А.Г. Шмелеву, В.Н. Дружинин «был азартным и в какие-то моменты на удивление, до наивности прямолинейным и открытым, несмотря на весь свой гибкий ум, умение вести себя очень адаптивно в социальном плане» (Шмелев, 2011, с. 5).

Как вспоминает С.Д. Бирюков, «неортодоксальный склад ума, склонность к выявлению парадоксов, глубокая аналитичность и широчайшая эрудированность придавали всему облику Владимира Николаевича яркие, неповторимые, уникальные штрихи» (Бирюков, 2005, с. 98).

Таким образом, говоря об особенностях В.Н. Дружинина как человека, ученого, руководителя, интервьюируемых больше всего привлекали такие его личностные качества, как открытость (60%), искренность (40%), доброжелательность (35%), доверчивость, эмоциональность, честность, яркость, незащищенность, отсутствие второго плана, искреннее желание помочь, порядочность, внутренняя красота, энергичность, эрудированность, остроумие, принципиальность, профессионализм, демократизм, надежность, одаренность, стабильность в отношении к людям, легкость в общении. «Он был честен, открыт, прост и прям, благороден и беззащитен перед подлостью» (Дружинина, 2011, с. 11).

Но нельзя не отметить сложность, противоречивость личности В.Н. Дружинина и такие его качества, как амбициозность, вспыльчивость, категоричность, излишняя критичность, своеобразный, иногда довольно холодный юмор, импульсивность, повышенная эмоциональность, ранимость, чувствительность, очень высокие требования, предъявляемые к другим и к себе при одновременно высокой самооценке, независимость.

Кроме того, были отмечены характерологические особенности, способствовавшие научному успеху В.Н. Дружинина: трудолюбие и настойчивость, «колоссальная, необычайная работоспособность», целеустремленность, самоорганизованность, одержимость, энергичность, «активный и высокий темп деятельности», «стремление быть первым», хорошее здоровье, усидчивость, ценность науки («наука была для него на первом месте»), познавательная мотивация, блестящая память, необычайные способности.

Факторы формирования личности и творческой деятельности В.Н. Дружинина

Что касается факторов среды и окружения, влияющих на формирование личности В.Н. Дружинина и его творческих способностей, то, по мнению И.З., он скорее сам формировал среду, чем формировался средой.

А.К. придерживается той же точки зрения: «Никакие факторы не влияли; самородок просто. Я бы сказал так: многие факторы мешали. Если бы, допустим, он развивался в более благоприятной среде, может быть, и результат был бы немножко другой. Трудности были большие. Конечно, были замечательные ученые, которые ему помогали. Это Роговин, Шадриков, наши преподаватели. Но были и обстоятельства [серьезные – Н.Н.]».

В.М. отмечает, что В.Н. Дружинин был сильным человеком: если среда оказывала сопротивление, то для него это выступало стимулирующим фактором. Отвечая на вопрос о факторах среды и окружения, влиявших на формирование личности В.Н. Дружинина и его творческих способностей, *А.В.*

указывает, что он имел высокую, адекватную самооценку, чувствовал свое «превосходство над окружающими в умственном плане и в понимании психологии. Вот это мне до сих пор не понятно, потому что он математику знал... другие науки... Но почему его интересовала психология, и он в ней развивался, я не понимал. Он был лучшим, по его ощущениям, и почувствовал это еще на 3 курсе университета».

В.Ш. считает, что причиной выбора профессии психолога В.Н. Дружининым стало то, что в 1970 году в Ярославле открылся университет и факультет психологии, фактически третий в Центральной России. «Он неплохо развивался, а психология была в целом в обществе на слуху, и в городе было определенное отношение к этой специальности. По всей вероятности, это и повлияло на выбор Владимиром психологического факультета, хотя он бы с удовольствием и успешно учился и на математическом факультете, и на физико-математическом. У него склад ума был... естественно упорядоченный».

Руководителем кандидатской диссертации В.Н. Дружинина был В.И. Ковалев; она связана с проблемами профессионального отбора пограничников. Проводились сложные эксперименты: испытуемые бросались под танк, а исследователи фиксировали, какие психофизиологические системы работают в условиях стресса. Работа была закрытая, публикационной освещенности она не получила, хотя оказалась интересной и практически значимой. По мнению *В.Ш.*, она в определенной мере повлияла и на личностные качества В.Н. Дружинина. Его взяли и в аспирантуру Института психологии, учитывая то, что в ЯрГУ²⁰ факультет психологии больше был связан с практическими проблемами, чем Московский и Ленинградский университеты. «И с этой точки зрения, по всей вероятности, его даже прицельно и брали на проведение хорошей экспериментальной работы, я бы даже сказал не экспериментальной, а эмпирической, прикладной работы».

---

²⁰Ярославский государственный университет.

Было много факторов, препятствующих развитию его карьеры, но способствовало ей то, что он удачно влился в Совет молодых ученых – междисциплинарное сообщество исследователей из разных институтов. В.Н. Дружинин был лично знаком со многими выдающимися учеными Академии наук и университетов.

Что касается трудностей в научной деятельности В.Н. Дружинина и условиях его труда, то главной из них, по мнению *А.В.*, была одна и постоянная – отсутствие средств. Ощущался дефицит разных материальных ресурсов: от банальных денег для жизни, до всего остального – бумага, техника, помещение, испытуемые, которым за все время, пока мы работали, ни разу не могли заплатить. Все делалось на энтузиазме и склонении к научному сотрудничеству.

М.Х. отмечает, что первым фактором, влияющим на формирование личности В.Н. Дружинина-ученого, было обучение на факультете психологии Ярославского университета, потому что там Дружинин был одним из лучших студентов. Там он находился в атмосфере свободного профессионального поиска, его никто не давил, не ограничивал. Обстановка студенчества на него оказала очень положительное влияние. Второй фактор – это, несомненно, влияние В.Д. Шадрикова, общение с ним. Это один из самых квалифицированных современных отечественных психологов. Работает он чрезвычайно творчески всегда, и Дружинин начал с ним общаться очень рано, еще тогда, когда Шадриков работал в Ярославле. И это общение – второй фактор; это очень важно.

Самое главное, что оказало влияние на В.Н. Дружинина, как полагает *В.С.*, – это его учителя, с которыми он общался. «Это всегда бывает, мы становимся на плечи предшественников... Я думаю, что очень серьезное влияние на него оказал Юрий Михайлович Забродин, в лаборатории которого он работал. Помимо этого, он очень сильно уважал Бориса Федоровича Ломова, который был для него не просто авторитетом, а Учителем с большой

буквы. Как от организатора науки он от него очень много впитал – его простоту и доступность... И к Владимиру Николаевичу можно было заходить в любое время не только выдающимся ученым и сотрудникам университета, но и простым студентам, которым он преподавал, аспирантам; у него дверь всегда была открыта для всех».

С.К. в качестве основного фактора формирования личности Дружинина выделяет его родительскую семью: «Мама у него – завуч сельской школы... Это на полпути между Угличем и Ярославлем. А там есть небольшое село или деревня Дунилово рядом. Вот там, в сельской школе его мама была завучем. И он там учился, и в школьные годы всего Гегеля прочитал. Очень увлекался такой философской литературой. Психологию было трудно достать, а эти книги стояли рядом с трудами Ленина. Все прочитал».

Б.Т. считает, что в немалой степени на формирование личности В.Н. Дружинина повлияло то, что он учился в Ярославле, потому что в Ярославле достаточно мощная психологическая школа. Также была отмечена роль В.Д. Шадрикова «в годы обучения, становления В.Н. Дружинина как профессионала. Опять же сам он был человек достаточно честолюбивый, у него было много планов, он их достаточно успешно осуществлял: быстро сделал кандидатскую, докторскую, стал руководителем, заместителем директора института». В.Н. Дружинин с самого начала работы в Институте проявлял активность в разных сферах. «Он был ориентирован на профессиональный рост, на карьерный рост, все у него получалось».

На формирование личности В.Н. Дружинина, с точки зрения *Д.У.*, влияло то, что он сознавал себя провинциалом и в Москве немножко чужим; он поэтому хотел признания; он сознавал свои способности, хотя зачастую был в своем поведении импульсивен. «В каких-то ситуациях он прекрасно понимал социум, но при этом иногда вел себя в нем совершенно не адаптивно. Хотя он хотел добиться успеха и, в общем-то, понимал среду, но действовал так, что он его не добивался. Он достаточно сильно переживал, считая, что в этой среде у

него нет пути, что он не пробьется и т.д. Хотя, в общем-то, в 35... он стал заместителем директора, доктором наук: в 33 или 34 [года – Н.Н.] защитил со второго раза докторскую. Потом стал директором ГУГНа и деканом». Д.У. вспоминает, что спрашивал В.Н. Дружинина, кто был, и был ли у него образец креативного поведения, и ученый назвал Р.С. Немова.

По воспоминаниям А.В. Карпова, если перед В.Н. Дружининым возникала проблема, которую он не мог сразу решить, он воспринимал это как личную обиду на себя за то, что он не знает чего-то, хотя должен знать. Ученый испытывал чувство внутреннего беспокойства и дискомфорта от этого и размышлял до тех пор, пока не находил решение проблемы, ответа на задачу или вопрос. А.В. Карпов предлагает охарактеризовать это качество, как «интеллектуальную гиперсензитивность», «нетерпимость к когнитивной ограниченности», «интолерантность к проблемности». «То, что именно это свойство стало в дальнейшем мощнейшим фактором становления Владимира Николаевича как ученого, не вызывает у меня сомнения» (Карпов, 2005, с. 412).

Таким образом, основным фактором формирования личности Дружинина в детском и юношеском возрасте была родительская семья, особенно мать, которая эмоционально поддерживала сына. После окончания школы Дружинин обратился к психологии в силу совокупности личных («я и психологию-то выбрал, чтобы быть свободным от догм, так как это самая творческая наука» (Дружинин, 2005, с. 37) и социальных факторов (открытие факультета психологии в Ярославле, отношение в обществе к психологии как к новой, интересной науке).

Формирование научного мировоззрения Дружинина было обусловлено влиянием социально-культурных (политическая и социальная ситуация в стране, обучение на факультете психологии Ярославского университета, где была представлена серьезная психологическая школа, существовала атмосфера свободного профессионального поиска); логико-научных (объективная потребность в исследовании проблем способностей) факторов, а также

особенностями жизненного пути (поддержка и влияние замечательных учителей и ученых: М.С. Роговина, В.Д. Шадрикова, Ю.М. Забродина, Я.А. Пономарева, Б.Ф. Ломова), личностных свойств (индивидуальный стиль научной деятельности, личностные и профессиональные характеристики, ориентация на профессиональный и карьерный рост, высокая самооценка, мощная мотивация достижения) и ситуационными факторами (чувствовал себя в Москве немного чужим, провинциалом и стремился добиться признания).

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Н. ДРУЖИНИНА

Владимир Николаевич Дружинин является одним из ярких ученых в психологической науке на рубеже XX–XXI веков, которого характеризует особый стиль научной деятельности.

Проблемой исследования стиля занимались многие ученые в русле разных научных традициях и на различных этапах развития психологии. В монографии В.А. Толочка представлен и систематически изучен феномен «стиля» во всем его многообразии (Толочек, 2013). Исследуются разные аспекты проблемы стиля: когнитивного стиля (М.А. Холодная), стиля руководства (А.Л. Журавлев), стиля жизни (Л.И. Анциферова), индивидуального стиля деятельности (Е.А. Климов) и т.д.

В индивидуальном стиле деятельности реализуются ярко выраженные особенности человека, которые являются профессиональными важными и приводят к максимальным результатам деятельности.

Так, все опрошиваемые отмечали высокие профессиональные качества В.Н. Дружинина, которые в целом характеризуют его как талантливого исследователя, открывающего новые горизонты в разных предметных областях, и творческого человека. Большинство интервьюируемых отразило такие качества В.Н. Дружинина-исследователя, как профессиональное мужество, концентрированность на предмете, умение ставить новые проблемы, энциклопедизм, системность мышления, опора на знания в области других

наук, естественнонаучная направленность взглядов, высочайшая работоспособность и т.д. Он доказывал свои положения, не боясь конфликтов и трудностей, и часто оказывался правым.

На вопрос о стиле научной деятельности В.Н. Дружинина *А.К.* отвечает: «Моцарт. Быстро, сразу, на высоком уровне, симультанно. Без сукцессивных попыток просчета. Некоторые очень долго идут и приходят к тому же результату. А Володя не такой – креатив, спонтанщик. Выготского в психологии Моцартом называли, но Володя еще более Моцарт».

Бывший студент В.Н. Дружинина *П.С.* использует меткое слово для определения стиля его научной деятельности – «творческий кураж».

Д.Б. характеризует стиль научной деятельности В.Н. Дружинина как «поэтический».

Е.Т. отмечает такие характеристики этого стиля, как упорство и нацеленность на перспективу.

И.З. указывает, что В.Н. Дружинин быстрее сам формировал среду, чем формировался ею, добавив, что и та, и другая среды часто были «кислотно-щелочными», т.е. очищающими от всего лишнего в науке. Относительно стиля его научных работ употребляется выражение «креативная лапидарность» и экономность: «он выражался экономно».

В.М. отмечает у В.Н. Дружинина «стремление обязательно найти новый подход к изучению того или иного феномена. Новый подход – это обязательная черта».

М.Х. следующим образом характеризует стиль научной деятельности В.Н. Дружинина: «Очень разносторонние интересы, очень креативный подход, необычные идеи; он все время хватался за эти идеи, сам их рождал. Он был человеком очень жадным до новых идей и чувствительным к новым идеям, он их не прорабатывал, не отработывал. Это стиль научной деятельности – высокая чувствительность к новым идеям, способность порождать новые идеи...».

С.К. подчеркивает, что Дружинин «всегда в системе (системно) работал, не разбрасывался, целенаправленно. Наверное, нет такой темы, по которой он бы большой книги не издал. По творчеству – пожалуйста, по мотивации – пожалуйста, по способностям – пожалуйста. Я восхищаюсь. Володя был очень концентрированным на конкретных направлениях работы. Все в системе и все под высоким знаком качества. Главное еще... у него был прекрасный стиль. Он мог очень сложные темы четко и ясно донести. ... Он мог очень четко, лаконично в одном разделе все по полочкам разложить. Наверное, авторы сами удивлялись, как ему это удавалось. Вот это его стиль».

А.В. «привлекала его открытость новациям: какие-то странные шахматисты, спортсмены, военные, я бы с ними точно дела не имел, а он имел. Он уделял внимание странным мыслям, которые я высказывал и которые почти никто никак не разделял. Вот такая открытость к новому знанию... У него была жесткая сциентистская позиция... То, что он занялся проблемами семьи, чем-то другим, это, скорее, был побочный продукт, т.е. мы обсуждали, но не доходили до последовательного претворения в научную жизнь альтернативных сциентистскому подходу [концепций – Н.Н.], т.е. это была аллюзия на науку, а не наука. А в науке у него был жесткий подход: нетерпимость к спекуляциям в смысле эмпирически необоснованных теорий и заявлений... Ему было не свойственно теоретизирование на пустом месте, т.е. эмпирия была более важной, а теорию можно придумать любую».

По мнению интервьюируемого, когда В.Н. Дружинин первый раз защищал докторскую диссертацию, была лишь лаборатория математической психологии, где понимали, что он писал об обобщенной модели теста... Институтские математики считали, что он внес определенный вклад, а остальные члены Защитного совета не понимали, о чем идет речь. Это некоторое затруднение, которое нужно было преодолеть. По прошествии какого-то времени В.Н. Дружинин по-новому освоил этот материал во всех смыслах, чтобы он представлял ценность не только для математиков; он стал

более аккуратно излагать и популяризировать свои идеи и для психологов. Были подобраны слова, которые стали понятны большинству педагогов и психологов, и оказалось, что В.Н. Дружинин обосновал в психологии способностей прорывное направление. «Оно и сейчас такое: через 20 лет вдруг стали его трудами интересоваться, предлагают написать статью об этом для американского журнала».

С.Б. отмечает широчайший, можно сказать, беспрецедентный диапазон интересов В.Н. Дружинина. Его оригинальные идеи можно обнаружить в таких разнонаправленных текстах, как аннотированные отчеты по хоздоговорам и публикации о психологических особенностях людей, родившихся под разными астрологическими знаками. Основополагающими при этом являются монографии «Психология общих способностей» и «Экспериментальная психология», в которых изложены новые подходы к психологическому сопровождению образовательного процесса. Теория психологического измерения также связана с педагогической практикой ЕГЭ: В.Н. Дружинин был сопредседателем комиссии по тестированию в Министерстве образования, где оттачивались как раз технические и прикладные аспекты ЕГЭ.

Особенность его творческого поиска, по мнению *Д.У.*, – не столько приведение идей в систему, что видно, если взять его тексты: чуть ли не каждая фраза с нового абзаца. Мысль бросается, затем – следующая и т.д., поэтому часто нужно делать дополнительные усилия, чтобы их связать. Таков стиль его мышления был: очень быстрого и не склонного к проработке деталей. Он был генератором идей. Собственно, креативность – это и есть основа его научных достижений, при этом он не слишком входил в теоретическое мышление, построение длинных систем. Он был склонен создавать простые теоретические системы и ухватывать с их помощью какой-то кусок эмпирии. У В.Н. Дружинина, добавляет *Д.У.*, и стиль мышления, с одной стороны, очень точный – он ясно видел структуры, в том числе математические, организации эксперимента. С другой стороны, это стиль изобретательный: он усматривал

связь этой искусственной структуры с какими-то вещами из жизни. При этом он обладал исключительной эрудицией.

В.Н. Дружинин был романтиком в душе и при этом четко рационально мыслящим человеком, прекрасным организатором науки. У него получалось любое дело; он умел принимать взвешенные решения, обдумывать и последовательно реализовывать научные проекты. Любые, даже самые сложные решения он принимал быстро. Делал то, что не по силам другим: издатели говорят, сейчас в психологии нет равного ему человека, способного собрать коллектив авторов в несколько десятков человек, добиться от них готовых рукописей и оформить это в конечный продукт. Как пишет С.Д. Бирюков, несмотря на постоянную занятость, у Владимира Николаевича всегда находилось время для высококвалифицированной консультации и доброжелательной, заинтересованной оценки, а также совместного обсуждения новых мыслей, идей, переживаний, которыми он щедро делился с окружающими» (Бирюков, 2005, с. 99).

В.Н. Дружинин стремился во всем, чем он занимался, достигать совершенства (перфекционизм), быть первым. Все, что он написал, стало значительным вкладом в науку, в то же время ученый никому не навязывал своих взглядов. По воспоминаниям М.А. Холодной, «он был поразительно терпим к альтернативным, по отношению к его собственной, точкам зрения. При этом он не считал нужным скрывать свое отрицательное отношение к научным работам, которые, по его представлению, были выполнены на низком уровне. Иногда его оценки были обидны для того или иного автора, но, как правило, объективны» (Холодная, 2005, с. 438).

Кроме того, поэтическое воображение также является важной характеристикой стиля деятельности В.Н. Дружинина.

Как ярко выраженный генератор идей, он «с удивительной легкостью порождал замыслы, включающие теоретическую модель и способы ее эмпирической проверки» (Ушаков, 2005, с. 44). Особенностью мышления В.Н.

Дружинина, согласно Д.В. Ушакову, было то, что, разработав множество моделей, он не стремился объединить их в единую теорию. «Было впечатление, что он столь же мало ценит порождаемые им модели, сколь легко они ему даются» (там же).

Каждый крупный ученый – яркий, неординарный человек с индивидуальным стилем творчества. А.Л. Журавлев и М.А. Холодная выделили следующие особенности стиля научного творчества Дружинина: постоянное и органичное «взаимодействие науки и поэзии»; единство «интеллекта и аффекта». И научная продукция ученого являлась «проекцией своеобразия его личности» (Журавлев, Холодная, 2015, с. 111).

Научное творчество Дружинина отличает, с одной стороны, глубина, тщательность и выверенность используемых данных, достоверность выводов, научная честность, с другой стороны, отсутствие единой концепции научных взглядов, новые, необычные идеи, но их непроработанность. Такие особенности индивидуального стиля деятельности и творчества являются ярким примером того, как личность Дружинина проявляется в его трудах.

Можно сделать вывод, что индивидуальный стиль научной деятельности В.Н. Дружинина ярко выражен в его стремлении найти новый подход к изучению того или иного феномена, в новизне его идей, познавательной активности, критичности мышления, способности генерировать идеи при отсутствии интенции к их развертыванию и проработке деталей, в необыкновенной широте интересов, глубине теоретических мыслей и искусстве экспериментальных разработок, в сочетании теоретических и экспериментальных исследований с практической ориентацией своих научных разработок. Его стиль характеризуется быстротой, высоким темпом работы и результативностью исследований в каждом направлении психологии, за которое он брался, интенсивностью научной деятельности. Таким образом, выявлено редкое сочетание в нем способностей талантливого ученого-теоретика, искусного исследователя-экспериментатора, блестящего психолога-

практика, яркого преподавателя, выдающегося организатора и популяризатора психологической науки, личности с активной гражданской позицией.

Место ученого в истории психологической науки определяется значимостью, перспективностью и востребованностью его научных идей. С этой точки зрения, Владимира Николаевича Дружинина необходимо отнести к выдающимся российским ученым XX–XXI столетий. Плодотворность творческой деятельности ученого подтверждена временем: его идеи востребованы в современной психологии, получают развитие в работах последователей и учеников. Особое значение его научная и организаторская деятельность имела в нелегкие для советской науки годы перестройки, что проявилось в издании ряда научных работ и организации психологического факультета ГУГН.

Владимир Николаевич на 10–20 лет вперед видел то, что надо делать. Все исследования интеллекта и способностей, которые проводятся сейчас в Институте психологии прямо или косвенно ведут свое начало из творческих идей ученого. Все книги, которые издал В.Н. Дружинин, становятся классикой. Каждая книга, изданная В.Н. Дружининым, представляет собой прекрасно проработанную литературу по данному направлению и свой собственный взгляд, подкрепляемый эмпирическими данными и теоретическим осмыслением рассматриваемых проблем. В настоящее время идеи В.Н. Дружинина в экспериментально-диагностическом, теоретическом, и прикладном аспектах продолжают развиваться, что позволяет проводить исследования интеллекта и креативности с учетом их сложной природы.

Таким образом, индивидуальный стиль научной деятельности В.Н. Дружинина ярко выражен в его стремлении найти новый подход к изучению того или иного феномена, в новизне его идей, познавательной активности, критичности мышления, способности генерировать идеи, в необыкновенной широте интересов и научной эрудиции, глубине теоретических мыслей и искусстве экспериментальных разработок, в сочетании теоретических и

экспериментальных исследований с практической ориентацией научных разработок. Его стиль характеризуется быстротой, высоким темпом работы и результативностью исследований в каждом направлении психологии, за которое он брался, интенсивностью научной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема реконструкции жизненного пути и творческой деятельности ученых является актуальной и перспективной темой исследования для общей психологии, истории психологии. Разработанная модель реконструкции особенностей личности и индивидуального стиля деятельности ученого (на примере личности Дружинина и его научного творчества) может использоваться как теоретическая модель для дальнейшей реконструкции жизни и творчества ученых.

Литература

Алексеев И.С. Роль психологического наследия Е.А. Будиловой в развитии отечественной истории психологии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания: Избранные психологические труды / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005.

Артамонов В.И. Психология от первого лица. 14 бесед с российскими учеными. М.: Академия. 2003.

Бирюков С.Д. В самом расцвете сил... (к 50-летию со дня рождения В.Н. Дружинина) // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 98–100.

Дружинин В.Н. Антимемуары. М.: Изд-во СГУ, 2005.

Дружинин В.Н. Антимемуары: сборник статей, интервью, стихов. Ярославль: Изд-во «Потребительское Общество “Еще не поздно!”», 2011.

Журавлев А.Л., Холодная М.А. Стиль научного творчества В.Н. Дружинина (К 60-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 109–113.

Карпов А.В. Владимир Николаевич Дружинин: штрихи к портрету // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 410–417.

Кашипов М.М. О Володе Дружинине // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 417–422.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Ларионова Л.И. Спасибо за встречу! // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 417–421.

Немировская Н.Г. Реконструкция жизненного пути и творческой деятельности В.Н. Дружинина: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2017.

Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Ушаков Д.В. Вступительное слово // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 43–44.

Холодная М.А. Другая жизнь // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 436–440.

Шадриков В.Д. Между прошлым и будущим // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 19–20 сентября 2005 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 422–425.

Шмелев А.Г. Памяти ученого // Дружинин В.Н. Антимемуары: сборник статей, интервью, стихов. Т. 1. Ярославль: Изд-во «Потребительское Общество “Еще не поздно!”», 2011. С. 3–6.

Ярошевский М.Г. Оппонентный круг и научное открытие // Вопросы философии. 1983. № 10. С. 49–61.

THE RECONSTRUCTION OF PERSONALITY CHARACTERISTICS AND INDIVIDUAL STYLE OF THE SCIENTIFIC ACTIVITY OF V. N. DRUZHININ

N.G. Nemirovskaya*

**Junior Researcher FGBUN Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Annotation. The article presents the results of psycho-historical reconstruction of the personality traits and individual style of scientific activity V.N. Druzhinin. The conclusion about the possibility of using the proposed approach as a theoretical model studies the life and work of scientists.

Keywords: reconstruction, personality, personal style, scientific activities, interviews, scientist, factors of personality and creativity of the scientist

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2018 г. А.Г. Данилова^{21*}

*ВИНИТИ РАН, Москва;

e-mail: a_g_danilova@mail.ru

Почтовый адрес: Москва, 125190, ул. Усиевича, д. 20, Россия

Аннотация. Рассмотрены наиболее широко используемые методы изучения психических феноменов культур прошлого, разработанные в рамках исторической психологии, общей и социальной психологии, а также истории и культурной антропологии. Методологическая мысль может двигаться в направлении описания культурно специфичных или общих для разных культур феноменов сознания, а также выделения культурно специфичных или общих для разных культур критериев оценки ментальности, образной структуры, ценностных ориентаций или характеристик личностной репрезентации. Рассмотрены некоторые методологические проблемы и результаты контроля смещений.

Ключевые слова: историческая психология, методология, герменевтика, психосемантика

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «историческая психология» ввел французский психолог И. Мейерсон в 1948 году для обозначения специальной научной дисциплины, изучающей психику человека в конкретно-исторических условиях, изменение психического склада личности в процессе социального развития.

---

²¹Старший научный сотрудник.

Современные отечественные авторы определяют ее как область знания, направленную на изучение «психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в специальном культурном макровремени, именуемом историей» (Шкуратов, 1997, с. 15); как науку, выявляющую «зависимости между историческими и психологическими феноменами и описывающую закономерности формирования личности как объекта и субъекта исторического процесса» (Боброва, 1997, с. 5); как «интегральную отрасль гуманитарного знания, которая изучает эволюцию умонастроений и поведения людей, нравов, обычаев и традиций людей... в историческом времени и пространстве» (Историческая психология..., 2004, с. 69); как «комплексную научную дисциплину, формирующуюся на стыке психологии с историей и взаимодействующую с целым рядом областей знания: культурологией. В.А. Кольцова подчеркивает, что в сферу рассмотрения исторической психологии должны входить проблемы историогенеза, становления человеческой психики и сознания, составляющие весьма важный аспект исследования.

Междисциплинарный статус исторической психологии как науки на стыке истории и психологии заставляет прогнозировать формирование двойного статуса этой науки – как отрасли психологии и самостоятельной дисциплины в рамках истории. В пределах психологического знания историческая психология также междисциплинарна. Будучи во многом связанной с историей психологии и психологии личности, она классифицируется по ГРНТИ как дисциплина, относящаяся к общей психологии. Поскольку исторический контекст предполагает особенности убеждений, установок, поведения в обществе, она функционирует в поле социальной психологии. Изучая поведение человека в зависимости от особенностей культуры в исторических обществах, принадлежащих к различным этносам и нациям, она работает в поле этнической психологии. Наконец, изучая динамику психических изменений в масштабах,

больших человеческой жизни, она становится областью генетической психологии, как ее и позиционировал И. Мейерсон (см. Историческая психология..., 2004, с. 25). Однако она изучает особый класс детерминант — исторические детерминанты формирования и изменения психики индивидуального и коллективного субъекта (там же).

В словарях историческая психология определяется как дисциплина, изучающая «психологические особенности становления познания, мировосприятия, строя личности, усвоения обычаев и ритуалов в разные эпохи и др.» (Психология. Словарь, 1990, с. 377); как отрасль психологии, изучающая «возникновение и развитие психики человечества в ходе исторического процесса, культурно-историческую обусловленность психической деятельности» (Еникеев, 2009, с. 148); как дисциплина, изучающая «общественную историю с психологической точки зрения и разрабатывающая проблему психологического (в том числе личностного) фактора в истории», дифференцируя ее от культурно-исторической психологии М. Коула – раздела культурной психологии, представляющей собой «междисциплинарный подход, объединяющий психологов, антропологов, социологов и др. представителей социальных наук, к проблемам влияния культуры на когнитивные способности, личностные черты, а также их развитие. В отличие от кросс-культурной психологии, преимущественно нацеленной на этик-черты, культурная психология демонстрирует ярко выраженную направленность на эмик-черты²²» (Большой психологический словарь, 2009, с. 305).

И словарные определения, сформулированные «извне», и определения, данные «изнутри» исторической психологии, включают термины, принадлежащие к области общей психологии («психика», «сознание», «познание», «деятельность», «картина мира», «образ»), социальной психологии («общество»,

---

²²«Эмики и этики (англ. *emic* и *etic*) – две группы элементов (черт) этнической культуры: к первой группе (син. эмика, эмик-черты) относятся культурно-специфические аспекты, ко второй (син. этика, этик-черты) – универсальные аспекты, общие или весьма сходные во всех культурах» (Большой психологический..., 2009 с. 759).

«социализация», «социальные группы»), психологии личности («формирование личности», «закономерности формирования», «мировосприятие», «строй личности»), этнической психологии («культура», «обычай и ритуалы», «эмик-» и «этик-черты»). Можно ожидать, что данные, полученные в рамках этих областей психологии, разработанные в них методы и методики могут быть полезны для ведения исследований в пределах исторической психологии, будучи адаптированы для анализа феноменов и явлений, составляющих предмет исторической психологии.

Объектом исторической психологии является «человек исторический», деятельный и рефлексирующий (А.А. Королев); «множество людей (отдельные личности, социальные группы) как объекты и субъекты исторического процесса (Е.Ю. Боброва). При этом основной единицей анализа являются продукты деятельности человека, представленные в памятниках культуры, содержащих «объективированное выражение субъективных характеристик их творцов — их знаний, представлений, установок, ценностей» (В.А. Кольцова).

Предмет изучения в исторической психологии определяется следующим образом:

- психологические характеристики человека в зависимости от характеристик исторической эпохи: психологические особенности человека как субъекта познания и деятельности в зависимости от исторических условий, историческое своеобразие личности в данную историческую эпоху (Боброва, 1997);
- закономерности социогенеза — «происхождения, развития высших психических функций, личности, межличностных отношений, обусловленные особенностями социализации в разных культурах и общественно-экономических формациях» (Психология. Словарь, 1990, с. 377);

- «исторические детерминанты развития психики субъекта (как индивидуального, так и коллективного); человек или группа рассматриваются здесь как носители исторических норм и ценностей» (Историческая психология..., 2004, с. 24).

Заявленное предметное поле охватывает несколько уровней анализа: личностные характеристики субъекта исследуемой эпохи; особенности деятельностной сферы и межличностных отношений; особенности социализации, определяющие специфику деятельностной сферы и межличностных отношений; факторы, определяющие направление социализации и динамику его изменений. Такая многослойность предмета исследования требует построения исследования, допускающего выход на несколько последовательных уровней обобщения.

Определяя спектр задач исторической психологии, исследователи называют:

1) Исследование закономерностей развития психики в историческую эпоху: историогенез и историческая обусловленность психики (И. Мейерсон; И.Г. Белявский; В.А. Кольцова).

2) Структурно-функциональное изучение психики на разных этапах развития человеческой цивилизации и истории: реконструкция психологических особенностей человека и социально-психологических характеристик общества, принадлежащего к конкретной культуре (В.А. Шкуратов). Среди исследований, выполненных в рамках этого подхода – анализ психологии средневекового человека (А.Я. Гуревич); исследование структуры и функциональных особенностей психики представителей древнегреческой архаической культуры по материалам гомеровского эпоса (А.Д. Барская); психологическая характеристика русского крестьянства периода Средневековья (А.Н. Артемова); исследования И.Р. Федорковой, Е.В. Харитоновой, Т. Хоанг.

3) Исследование психологических факторов исторического процесса на

разных этапах его развития. В качестве примеров таких работ называют психоаналитическое исследование предпосылок формирования фашистской идеологии В. Райха; к этому же направлению относят труды Н.И. Кареева, К.Д. Кавелина, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, В.М. Бехтерева и др.

Столь широкий спектр задач предполагает исключительное разнообразие методологического инструментария.

Классифицируя исследования человека на стыке истории и психологии, проводимые в рамках исторической психологии, можно выделить несколько направлений:

- интерпретационистское – герменевтически-феноменологическое, продолжающее линию понимающей психологии XIX века;
- историческая реконструкция, ориентированная в основном на «новую историю» (школы «Исторического синтеза», «Анналов»), использующая методы воссоздания картин коллективной жизни отдельных эпох;
- близкие к генетизму: психологическое (французская школа И. Мейерсона – Х.-П. Вернана; «критическая психология» в ФРГ), разрабатывающее на историческом материале генезис психических процессов и структур;
- психоаналитическое – применение неопрейдизма к изучению личности и массовых движений в истории (психоистория).

Также близкие по содержанию, хотя формально не причисляемые к историко-психологическим, исследования ведутся в парадигмах структурализма и постмодернизма.

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Несмотря на такое многообразие практикуемых приемов исследования, *проблема метода является одной из наиболее острых проблем исторической психологии на настоящий момент.*

Рассмотрим наиболее распространенные, а также новые методы, применяемые в исторической психологии и других науках для исследования психологических особенностей людей прошлого.

Школа сравнительно-исторической психологии Мейерсона исследовала мировоззрение человека путем анализа культурной продукции (мораль, право, религия, формы научного и мифологического мышления, философия, технологии и т.д.). В ФРГ историческая психология, испытывая сильное влияние традиционной философской школы, связанной, прежде всего, с Гегелем, продолжает традицию «истории духа». В США в основном развиваются историко-психологические исследования в русле неопрейдизма, получившие название «психоистории» и сосредоточенные вокруг междисциплинарного журнала «History Childhood Quarterly». Также популярна теория психологического развития личности Э. Эриксона, опирающаяся не только на клинические данные, но и на изучение исторических биографий (работы о молодом Лютере и о Ганди). В СССР в рамках культурно-исторической школы рассматривались возможности синтеза с культурно-историческими науками с целью включения в объективный метод структурно-семиотического анализа продуктов цивилизации (В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили). Объединение гуманитарной интерпретации и культурно-исторической теории осуществляется в работах А.Г. Асмолова и В.П. Зинченко. Историк А.Я. Гуревич, психолог Л.И. Анцыферова анализировали эволюцию и современное состояние теорий исторического развития психического склада человека, обсуждая концепции исторической психологии, возникшие на базе школы «Анналов» (Ж.-П. Вернана, Р. Мандру). В 1980-е – 1990-е годы ряд исследователей (И.Г. Белявский, В.А. Шкуратов, Е.Ю. Боброва), предложив обобщение накопленного в исторической психологии материала, уделили пристальное внимание методологическим проблемам. Лабораторией истории психологии и исторической психологии

Института психологии РАН предложен метод психолого-исторической реконструкции, операционализирующий процедуру исследования исторического культурного продукта; в рамках метода проведена серия историко-психологических исследований (В.А. Кольцова, Л.В. Спицина, А.Д. Барская и др.). Для исключения влияния на результаты исследования культурных стереотипов исследователя А.И. Серавиным предложено объединение блока методов исторической рефлексии и блока аналитических методов. Существует опыт исследования письменных источников в парадигме совмещения исторической, социологической и источниковедческой перспективы. Так, концепция взаимной социальной и этнической адаптации использована Д.С. Коньковым для объяснения логики изменения методов и приоритетов вестготов во взаимодействии с римскими институтами.

Параллельно исторической психологии вопросы культурно специфичного влияния на формирование личности рассматриваются в этнической психологии. Многие исследователи конца XIX – начала XX веков числятся основоположниками и этнической, и исторической психологии (В. Вундт, М. Лацарус и Г. Штейнталь, Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс). Этнопсихологами разработан сравнительно-культурный подход к исследованию восприятия и мышления, наработаны методики исследования культурно специфичных личностных характеристик, ценностных систем и особенностей общения, собраны обширные базы данных.

В последнее время в рамках клинической, генетической, организационной, кросс-культурной психологии практикуется метод накопления и анализа больших массивов данных. В рамках кросс-культурной психологии таковы исследования ценностных ориентаций – Г. Хофстеде (1967–1973), Всемирное исследование ценностей WVS (World Values Survey, 1997), GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness, 1994-1997) – и личностных черт –

исследования Ш. Шварца, П. Коста, Р. МакКрэ и А. Террачиано. Ценность мультинациональных проектов заключается в получении универсальных межкультурных размерностей, позволяющих проводить сравнение между собой представителей разных обществ, что может задать систему дополнительных ориентиров для историко-психологического исследования.

В современной исторической психологии выделяются историческое и психологическое направления, ориентированные на преимущественное использование методов исторической либо психологической науки.

МЕТОДЫ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Французская историческая школа «Анналов», названная так по журналу, издававшемуся с 1929 года, опирается на идею изучения жизни общества во всех ее формах и проявлениях, обращаясь к массовым явлениям. Принципиальным новшеством, введенным в историческую науку школой «Анналов», было использование для анализа не только исторических документов, но всех культурных артефактов изучаемой эпохи. Л. Февр писал: «История использует тексты – не спорю. Но – все тексты. А не только архивные документы, получившие... особую привилегию на поставку оторванным от действительности историкам всего их позитивного материала: имен, мест, дат, мест, дат, имен... А и стихи, картины, пьесы: все это тоже источники, свидетельства живой человеческой истории, пронизанные мыслью и призывом к действию» (Февр, 1991, с. 20). Внимание к внутренней жизни людей и закономерностям психических и социальных процессов людей разных эпох позволяет рассматривать школу «Анналов» как предшественницу исторической психологии.

Для определения предмета исследования было переосмыслено введенное этнологами понятие «mentalite» («склад ума», «коллективные представления», «видение мира»), в контексте изучения архаических культур используемое для акцента иррациональности, пралогичности суждений. Трактовка школы

«Анналов» сделала термин «ментальность» применимым к сознанию людей любых обществ. М. Блок и Л. Февр поставили задачу выявления мыслительных процедур, способов мировосприятия, привычек сознания, присущих людям исследуемой эпохи и не рефлекслируемых ими. Этот подход открывает доступ к более глубоким пластам сознания, тесно связанным с социальным поведением, – по словам А.Я. Гуревича, к «коллективному неосознанному» (Гуревич, 1993, с. 48). Подчеркивается, что ментальность не тождественна идеологии, не отрефлексирована и нерациональна; по-видимому, каузальная атрибуция текстов этого уровня будет содержать ссылки на мотивировки, но не на мотивы. Ментальность отражает уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций и латентных привычек. Матрицу же ментальности, по Февру, составляют культура, традиция, язык, образ жизни и религиозность. В качестве объекта исследования рассматриваются представления о жизни и смерти, отношение к браку, проблемы возраста, смены поколений, а также коллективные психозы, слухи и другие проявления бессознательного (Гуревич, 1989; 1993).

В русле этого подхода выполнены труды Ж. Ле Гоффа (исследование цивилизации средневекового Запада), Ж. Дюби (изучение элиты средневекового общества), Э. Ле Руа Ладюри (исследования представлений и верований крестьян), а также работы советских исследователей А.Я. Гуревича и М.М. Бахтина (исследования народной культуры), Б.А. Романова («Люди и нравы Древней Руси»), Б.Ф. Поршнева (психика первобытного человека); близки к нему труды семиотиков Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского (культура XIX века).

Для исследования ментальностей было предложено использовать метод анализа лексики и терминологии сохранившихся письменных источников, а также комплексное изучение ритуала, символов, верований, фольклора.

Представители «новой исторической науки» критиковали метод «вживания» В. Дильтея, интуитивное постижение истории. Тем не менее, М. Блок

предложил метод диалога для изучения ментальностей: соответствующий проблеме целенаправленный поиск следов мысли и деятельности человека прошлого, формирующий «контакт» с его психикой, умственным кругозором, интересами и страстями путем использования «регрессивного» или «ретроспективного» метода, – метода восхождения от известного к неизвестному, т.е. от более изученного к менее изученному.

Ученые «новой исторической науки» широко использовали компаративный метод, при помощи которого выявляются некоторые закономерности, присущие обществам на сходных этапах развития, что позволяет обнаружить наиболее типичное, повторяющееся и закономерное. При этом Блок считает необходимым сопоставлять не изолированные факты или отдельные институты, ибо такое сопоставление может привести к ложным выводам, а целостные системы, социальные комплексы, в которые включены эти институты.

Одним из методов, предложенных школой «Анналов», является «устная история» – опросы людей, сбор воспоминаний современников исторических событий, что дает возможность сопоставить гипотезы историка с мироощущением людей прошлого. Такой материал часто выявляет несоответствие современных представлений о том, как думали люди прошлого, их реальной оценке событий (Зубкова, Куприянов, 1995).

Опираясь на теоретические построения структурной антропологии, историки «новой школы» используют понятие структуры как всеобъемлющей системы отношений в обществе, охватывающей все уровни социальной действительности. Основным (но не единственным) подходом к изучению ментальностей является синхрония. Другими методами являются анализ хронологических таблиц в рамках понятия «монолитное время событийной истории» и концепция «спектра социальных времен», включающего, как «время большой протяженности» (*la longue durabilité* – «экологическое время», время

стабильных социально-экономических структур), так и время быстрых изменений, вплоть до краткого, «нервного» времени событий. Изучение динамики ментальностей возможно при анализе периодов медленных, подспудных изменений, что, в свою очередь, требует рассмотрения больших отрезков истории (Гуревич, 1989).

Новая отрасль исторической науки — «интеллектуальная история» — исходно заявила как проблемное поле исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, ее условий, форм и результатов, уделяя особое внимание феномену исторической памяти и анализу исторических концепций и представлений о прошлом. Методология изучения социальной памяти в контексте культуры ориентирована на объединение микро- и макроподходов, что дает возможность взаимопроникновения индивидуального и социально-исторического опыта. Основоположник подхода Х. Уайт отмечает как специфику объекта исторического познания его масштабность, социокультурную ценность, запечатленность в общественной памяти и массовом сознании – события, которые можно называть «травмами». Предложен подход синтеза социокультурной и интеллектуальной истории, т.е. анализ явлений интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества, что позволяет охватить и теоретические воззрения, и идеологию, и обыденное сознание. Современная интеллектуальная история реализует подход к прошлому как к истории его понимания, рассматривая как предмет онтологию текста, а в качестве основного метода используя метакритику, предполагающую изучение соотношения авторского намерения и текста – исторического нарратива, исследование самого акта интеллектуального творения, а также роли читателя в процессе историописания и форм его участия в этом процессе и культурного контекста создания исторических и философских произведений. В технологическом плане новая

интеллектуальная история использует анализ характеристик текста, речевых конструкций и текстуальных стратегий.

Метод историко-психологической реконструкции, разрабатываемый в рамках «исторической» исторической психологии, имеет целью выделение исторически специфического общего из массива разрозненных конкретных свидетельств: «Целью... историко-психологической реконструкции является складывание из мозаики фактического материала, разрозненных психологических признаков, социологических норм, профессиональных установок картины коллективной психологии изучаемой эпохи» (Шалак, 2009, с. 110). Процесс анализа при этом включает дифференциацию общего и особенного в материале конкретного случая и рефлексию культурных позиций исследователя и исследуемого: «Важно при этом определиться с тем, что можно извлечь из понятия индивидуального, и как воспринимать, слушать человека прошлого не с установок человека XXI века, а так, как его слушали и воспринимали применительно к исследуемому периоду» (там же).

С целью комплексного анализа психологических особенностей носителей культур прошлого А.И. Серавиным предложен метод психологической реконструкции, объединяющий методы исторической рефлексии и аналитические методы, что предполагает включение в исследование материалов различного профиля: изучения культурного наследия и культурных ценностей выбранной эпохи; применение методов «исторической реконструкции» и «физиологической реконструкции» (анализ болезней, преобладающих продуктов питания и т.д.); анализ стереотипов и установок современной культуры относительно исследуемого периода; изучение методом включенного наблюдения исторически ориентированных субкультур — «ролевиков», «поединщиков». Совмещение различных парадигм позволяет охватить практически всю информацию, относящуюся к исследуемой эпохе, но ставит новую

методологическую задачу корректного сопоставления данных, полученных в русле разных методов. Обращение к исторически ориентированным субкультурам практически снимает проблему исторической психологии, заключающуюся в отсутствии непосредственного контакта с испытуемым. Серавин приводит богатый материал данных наблюдения, самонаблюдения и самоанализа. Все же реконструкция материальной стороны быта и социальных практик дает ограниченное представление об условиях социализации личности, и результаты подобных исследований следует, по-видимому, использовать с осторожностью. Парадоксально, но метод вживания обещает более объективные результаты при применении его не в психолого-аналитическом, а в историко-практическом контексте: исследователь может получить уникальные знания о длительности фехтовального поединка, длине фарсаха и т.д. (Гумилев, 1996; Серавин, 2000; URL).

В рамках исторической школы исторической психологии В.А. Луковым предложен метод тезауруса «как субъектно организованного гуманитарного знания, т.е. таким образом организованного, что оно соответствует месту и роли субъекта в окружающем мире и позволяет ему этот мир постигать, ориентироваться в нем и менять его, а заодно развивать и собственные потенциалы» (Тезаурусный анализ мировой культуры..., 2012, с. 5). Тезаурусная трактовка деятельности человека сближается с рядом современных философских, социологических, культурологических, антропологических теорий, но отличается от них организацией информации не от общего к частному, а от «своего» к «чужому». Научное знание структурирует информацию в динамическую систему связанных между собой различными предположениями (гипотезами) понятий (знаков) со сформулированными значениями, представляющую собой постоянно тестируемую объясняющую, ориентирующую и прогностическую модель действительности. Тезаурус отражает структуры сознания, наделяющие смыслом

повседневные действия индивидов и групп. Луков описывает его как «полный систематизированный состав информации (знаний) и установок» (см. Историческая психология..., 2004, с. 97). Процесс освоения культурного новшества отражается во включении связанных с ним понятий в тезаурус.

Тезаурусный подход допускает обращение к понятию концептов, предложенному семиотиком Ю.С. Степановым. Концепт определяется как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее... В отличие от понятий в собственном смысле термина... концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» (Степанов, 1997, с. 40). Степанов вводит понятие культурной константы – устойчиво существующего концепта, который может характеризовать формы социальных связей, ролевых статусов, идеологии и т.п. Константа рассматривается как простой и насыщенный смыслами эталон для оценки и реконструкции культурной картины мира. Источником констант выступают классические формы культуры, а также вечные образы, т.е. переходящие из произведения в произведение художественные образы – инвариантный арсенал художественного дискурса – включенные, однако, не только в пространство искусства, но (в свернутом виде, как знак, символ, мифологема) и в различные социальные практики. Выделены свойства вечных образов, обычно встречающиеся вместе:

- содержательная емкость, неисчерпаемость смыслов;
- высокая художественная, духовная ценность;
- способность преодолевать границы эпох и национальных культур, общепонятность, непреходящая актуальность;

– поливалентность – повышенная способность соединяться с другими системами образов, участвовать в различных сюжетах, вписываться в изменяющуюся обстановку, не теряя свою идентичность;

– переводимость на языки других искусств, а также языки философии, науки и т.д.;

– широкая распространенность.

Концептный подход, направленный на фиксацию культурных образцов, поддерживающих социальные устои, вносит новый аспект в понимание ценностей как разделяемых в обществе (сообществе) убеждений относительно социально желательных целей и способов их достижения (терминальные и инструментальные ценности, по М. Рокичу (Rokeach, 1973)). Ценности выступают ориентиром в социальной и культурной среде; базируясь на противопоставлении «добра» и «зла», «своего» и «чужого»; они образуют основу социокультурных предписаний и запретов (социокультурных кодов) и приобретают императивное значение, регулируя обширные зоны человеческой жизнедеятельности.

МЕТОДЫ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Основным методом исследования текстов в гуманитарных науках выступает герменевтика; согласно В. Дильтею, понимание, т.е. интуитивное постижение духовной целостности личности и культуры, является специфическим методом наук о духе, в отличие от объяснения в естественных науках. «Идеалом... должно быть понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности. При этом возможно воздействие сколь угодно большого объема общих знаний; цель же состоит не в их фиксации и расширении для более глубокого понимания общих законов развития людей, народов и государств, но, напротив, в понимании того, каковы этот человек, этот народ, это государство, каково было становление, другими словами, – как смогло получиться, что они стали такими» (Гадамер, 1988, с. 46). Таким образом, с точки зрения культурантрополога, Гадамер стоит на

позициях эмик-подхода. Герменевтический метод часто практикуется для изучения творчества и искусства, т.е. психологического анализа уникальных продуктов творческой деятельности, уникальной психической индивидуальности творца и его жизненного пути. Сложность изучаемых объектов требует ведения анализа параллельно на нескольких уровнях. Культуролог и семиотик Р. Барт выделил в анализе художественного произведения пять кодов: культурный, герменевтический, символический, семический, и проайретический (нарративный) (Барт, 1989, с. 40). Под кодами понимаются ассоциативные поля, формирующие структуру значений как определенные типы уже виденного. Согласно Барту, повествование состоит в переплетении различных кодов, организующих нюансировку смысла.

Как замечает В.А. Кольцова, эти «методы относятся скорее к искусству, целиком зависящему от интуиции автора, а не к науке, нацеленной на получение точных объективных результатов» (Кольцова, 2001, с. 383). Тем не менее, они достаточно успешно применяются в различных сферах практической психологии. В рамках герменевтической модели понимания текста могут быть использованы нарративный анализ, дискурс-анализ, интен-анализ, сентимент-анализ.

В силу высокой значимости этнокультурного фактора в политической и социальной практике, в рамках исторической психологии ведутся активные разработки в парадигме исследования ментальности (менталитета) (Историогенез и современное состояние российского менталитета, 2015; и др.).

МЕТОД ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

С целью операционализации исследовательской процедуры психолого-исторической реконструкции, а также установления необходимых связей между общетеоретическими положениями, касающимися воссоздания прошлого, и эмпирическими разработками, в лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН был разработан метод психолого-

исторической реконструкции. В отличие от интерпретативно-культурологического подхода, метод направлен на глубокий, системный анализ психики, а не на истолкование определенных фактов истории и литературных данных. Метод опирается на методологию гуманитарного знания и качественного анализа («обоснованной теории» А. Страуса, Дж. Корбина), но не исключает применения методов количественного анализа. Общая схема процедуры психолого-исторической реконструкции, предложенная В.А. Кольцовой и Л.В. Спицыной, включает основные этапы восстановления психологических реалий конкретной эпохи: формулировка психологической проблемы на основе актуальных вопросов текущей практики; подбор и обоснование наиболее операционализируемой теоретической модели; выделение и обоснование круга источников в соответствии с поставленной проблемой и заданной теоретической моделью; анализ и реконструкция отобранных источников. При этом метод не относится к числу формализованных моделей; авторы отказались от использования строго фиксированной процедуры психолого-исторической реконструкции в силу различия поставленных исследователями задач: процедура модифицируется в зависимости от характера научной проблемы и специфики изучаемого периода. Ключевой процедурой является интерпретация исторических текстов, что требует учета наработанных технологий интерпретации текстов: герменевтики (М. Хайдеггер, Г.Г. Гадамер), данных психологии интерпретации и понимания текстов (В.В. Знаков, Т.Н. Ушакова, Т.М. Дридзе). Как особенность процесса реконструкции отмечается его комплексный характер. Основой реконструкции выступает принцип взаимодействия настоящего и прошлого, современного исследователя и создателя исторического текста (Историческая психология..., 2004; Кольцова, 2001; 2008; Спицына, 1994).

А.Д. Барская, объясняя метод психолого-исторической реконструкции, подчеркивает, что задачей исторической психологии является воссоздание

особенностей отдельных черт психического склада или психики в целом людей прошлого: «Главное отличие метода психолого-исторической реконструкции состоит в понимании психики людей прошлого как целостного структурно организованного единства, подчиняющегося общепсихологическим закономерностям, и использование для исследовательских целей психологических моделей. Например, мы исследуем не то, что говорят герои, но то, как они это говорят и устанавливаем, что мыслительный процесс подчиняется основным, присущим современности, законам» (Барская, URL). Критикуя подход Барской, А.И. Серавин отмечает: «Воссоздать психику в целом людей прошлого невозможно, потому что мы с трудом определяем психику людей современности... Необходимо исследовать и то, что говорят герои, и то, как они говорят, и то, какие мы сами имеем установки, мешающие понять смысл сказанного героями прошлого» (Серавин, URL). В свою очередь, возражая Серавину, хочется подчеркнуть, что задача Барской сводилась к доказательству правомерности экстраполяции современных представлений о функционировании психики и мышления на продукцию сознания, возможно, близкого к мифологическому²³ (подобно Г. Шлиману, археологические находки которого доказали достоверность информации, содержащейся в эпосах), именно корректируя наши установки в отношении данных, получаемых на материале исторического источника.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психосемантика как метод выделения ключевых категорий сознания может быть исключительно полезна для исследования бессознательных установок, психологических ориентаций и паттернов поведения носителей ментальности,

---

²³«Основная гипотеза исследования: восстановление психики гомеровского человека дает нам основания считать, что на заре европейской цивилизации (в самый удаленный период древнегреческой истории) мы имеем дело с принципиально сходным современному типу человеческого мировосприятия и мышления» (Барская, 1998, с. 25).

свойственной той или иной исторической эпохе. «Развитие компьютерной техники с ее возможностями хранения информации может привести к созданию мощных баз данных, построенных на основе исторических документов – формализованной и упорядоченной “исторической памяти”, представленной в форме семантических пространств, семантических сетей или иных форм репрезентации. В таком случае откроется перспектива *исторической психосемантики* – психосемантического анализа в исторической антропологии» (Петренко, 2011, с. 155–156). Основной проблемой при применении психосемантического подхода в историческом контексте является необходимость непосредственного (не в режиме рефлексии) обращения к сознанию респондентов – носителей современной ментальности. Таким образом, полученные данные характеризуют не собственно исторические события или персонажей, а их образы, существующие в современной культуре.

Тем не менее, современные исследователи практикуют использование методов психосемантики с привлечением испытуемых – наших современников в исследованиях образов исторических событий. Методологически эти исследования близки к политико-психологическим исследованиям восприятия образов и предпочтений.

В.Ф. Петренко и О.В. Митина провели лонгитюдное психосемантическое исследование динамики политического сознания россиян (1991, 1993 и 1995 годы) и образа политической и экономической реформ в сознании россиян. Сопоставление факторных пространств различных лет исследования позволило проследить изменение содержательного наполнения конструктов политического сознания. Авторы показали, что формализация в общественных науках является эвристическим средством, расширяющим операционально-аналитические ресурсы исследования (Петренко, Митина, 1997). Предметом анализа являлись представления россиян об уровне жизни в различные периоды послеоктябрьской

отечественной истории. Была обнаружена тенденция снижения разброса мнений по мере приближения оцениваемого исторического периода к текущему моменту, и выявлено сходство представлений респондентов определенных возрастных когорт. Построено семантическое пространство, включающее размерности: «политические свободы», «материальное благосостояние» и «осмысленность бытия». Исследователи не сопоставляли полученную факторную структуру с какими-либо теоретическими структурами универсальных культурных размерностей. Вместе с тем, наполнение фактора «политические свободы» включает составляющие категорий властной дистанции и индивидуализма, по Г. Хофстеде, а фактор «материальное благосостояние» соответствует по смыслу категории избегания неопределенности.

Большое, продолжающееся кросс-культурное исследование восприятия исторических фигур и событий проводится в настоящее время в рамках нарративной психологии Дж. Лью (J.-H. Liu), Д. Паез (D. Paez) и др. В этом исследовании исторические социальные представления рассматриваются как нарративы, в которых последовательность событий обеспечивает структуру, а система образов героев/злодеев формирует ингрупповую историю, отражая символический смысл событий, организующий связи прошлого и настоящего. Различные конфигурации представлений событий всемирной истории и исторических личностей в разных странах создают различные потенциалы нарративной инференции (т.е. способности к формированию выводов на основании групповых нарративов). Социально-исторические представления выступают как опорные точки внутрикультурного диалога, обеспечивающие межличностное согласие. Задачей исследования было выявление универсальных эмпирических блоков, обеспечивающих совокупные процессы интерпретации события, и операционализация социальных представлений как межличностного и межгруппового символического интерфейса (Liu, 2013).

Исследователи опрашивали студентов университетов разных стран, ибо эта социальная группа в наибольшей степени отражает институциональные тенденции, а не личный опыт относительно наиболее значимых исторических событий и личностей (Liu, Goldstein-Hawes, Hilton et al., 2005). Респонденты должны были назвать наиболее значимые исторические фигуры и самые важные исторические события за последние 1000 лет и оценить степень их влияния (позитивного или негативного) на ход всемирной истории. Опросник включал также социально-демографические характеристики испытуемых. Для каждой национальной выборки определяли список из 10 самых важных событий и 10 наиболее значимых личностей. По результатам опроса 6023 студентов из 30 стран выделена универсальная факторная структура кросс-культурного восприятия исторических событий. Полученные факторы определены как «исторические бедствия» (природные и социальные катастрофы), «исторический прогресс», «историческое сопротивление притеснению». Анализ образов исторических фигур по данным 14 стран (преимущественно западной культуры) позволил выделить два фактора: «оценка»; «гегемония Запада /сопротивление гегемонии Запада» (Liu, Sibley, 2013; Liu, Paez, Hanke, Rosa et al., 2012).

Исследователи зафиксировали европоцентричное, силовое и ориентированное на современность смещения в восприятии истории; отмечен социо-центрический уклон (склонность оценивать национальные события как мировые), более сильный в крупных странах, и эффект позитивистского смещения, предсказанный Ш. Тейлор для долгосрочной коллективной памяти. Результаты показали значительную кросс-культурную согласованность данных с сильной тенденцией к глобализованности и преобладанием исторических и культурных событий европейской истории. Чаще других как наиболее важные упоминались события, связанные с войной. С политикой и войной связаны около 70% перечисленных событий и около 60% названных исторических лиц.

Большинство перечисленных событий относятся к XIX и XX векам; испытуемые считают, что «они живут во время самого важного и инновационного периода всемирной истории» (Pennebaker, Paez, Deschamps, 2006; Taylor, 1001).

Оценка события респондентами связана с возрастным контекстом (большая важность для лиц старшего возраста холодной войны, пришедшейся на время их личностного формирования) и социальным статусом (большая часть выборки принадлежит к состоятельным городским семьям). Авторы заключают, что исторические социальные представления связаны скорее с декларируемыми конструктами и психологическими тенденциями, обусловленными национализмом, чем с более глубоко усвоенными культурными ценностями (Hilton, Liu, 2000; Hofstede, 2001).

А. Ненчини исследовал временную устойчивость социально-исторических представлений, выявленных по методике Лью – Паеза, сравнивая три теоретических интерпретации относительно специфического содержания. В течение 3 лет итальянцев трех поколений опрашивали относительно социальных представлений об итальянской истории. Полученные списки 5 наиболее важных событий и значимых лиц в итальянской истории отразили преобладание «начальных» моментов, что интерпретируется как этногенетически структурированное представление национальной истории. Межпоколенное сравнение респондентов показало, что ядро представления (высокоранговые высокочастотные упоминания) стабильно во времени, но метаконтрастная область представления (низкочастотные элементы на первых позициях) состоит из поколенчески значимых событий и лиц, популярных во время становления взрослости респондента. Среди современных событий/персонажей очень немногие входят в метаконтрастную область, что могло бы обеспечить их дальнейшее включение в ядро представления (Nencini, 2011).

Исключительно интересным опытом изучения образов исторических событий путем оценки современных им исторических артефактов является исследование Е.Ю. Артемьевой. Артемьева (1999), выделив три уровня субъективного образа мира (модальный – сенсорно-перцептивное отражение; семантический – следы взаимодействия с объектами в виде субъективных, в том числе, оценочных отношений; амодальный – абстрактное мышление), предположила возможность «конструктивного восстановления» объектов одной системы знаний через другую на основании семантического единства объектов материальной культуры. Гипотеза гласила о том, что памятники культуры, будучи результатами человеческого труда, аккумулируют в себе семантические свойства переживания периода их создания автором и современниками, и эти свойства могут быть выявлены в семантическом эксперименте. Были сопоставлены семантические оценки мемориальных архитектурных сооружений и соответствующих мемориальному замыслу событий. Испытуемые, хорошо знакомые с историей Заонежья XVII–XIX веков и архитектурными ансамблями Кижей и Кондопоги, оценивали по семантическому дифференциалу исторические события: победу над шведами в Северной войне 1712 года; события XVII–XIX веков в Заонежье; подавление Кижского восстания (1769–1771 годы); восстание государственных крестьян, приписанных к Олонецким горным заводам; фотографические изображения Преображенской церкви в Кижях (1714 год: по преданию, план для нее собственноручно начертил Петр I), ансамбля Кижей в целом (XVII–XIX века) и Успенского собора в Кондопоге (1774 год, построен в память жертв подавления Кижского восстания). Для контроля интерференции исторические и архитектурные стимулы оценивали в разные дни. Результаты соответствовали общепринятой событийной атрибуции рассмотренных памятников (Артемьева, 1999; Брюсова, 1972). В этом же исследовании было показано, что семантический код оценки орудий труда (фотографии древних

зубил Среднего периода острова Пасхи и современных стамесок) связаны с субъективной оценкой респондентами темпа жизни в соответствующие периоды.

Артемьева утверждает, что «семантическое единство мира не только может быть прямо подтверждено экспериментом, но и допускает прямое использование следствий из факта своего существования для прикладных целей – событийной атрибуции памятников, решения ряда задач истории труда и материальной культуры» (Артемьева, 1999, с. 120).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Историко-психологические исследования авторских текстов сталкиваются с необходимостью учета конфаундеров нескольких уровней. Прежде всего, это авторская точка зрения, которая в случае исторической необъективности может быть следствием специфического личностного опыта, выражением массовых или специфичных для большой или узкой социальной группы стереотипов, этических и эстетических норм, результатом добросовестного изложения точки зрения другого человека, искаженной под влиянием тех или иных социокультурных факторов, ошибок перевода и интерпретации, а также следствием лагун и повреждений исходного текста, которые, в свою очередь, могут быть следствием целенаправленного воздействия, и, следовательно, носить тенденциозный характер. Авторский текст находится под влиянием этических и стилистических нормативов своего времени, и одной из характерных черт исторического текста является редкость ссылок на психическое. «Не следует думать, – пишет Д.С. Лихачев, – что древнерусский автор XI–XIII вв. потому только не изображал в летописи психологию людей, их внутреннюю жизнь, что он не знал этой психологии, не видел этой внутренней жизни или “не умел” их изобразить» (цит. по: Кривцун, 1998, с. 345). Аналогичный эффект отмечает Л.М. Баткин на материале мемуаров итальянского Возрождения (XIV–XV века): «Индивидуализм семейного хрониста лишен внутреннего мира... Индивид... целиком овнешнен»

(Баткин, 1989, с. 93). Таким образом, анализ возможен на поведенческом и каузальном уровнях.

Дополнительные проблемы возникают при попытках историко-психологического исследования произведений художественного творчества, несмотря на обширность материалов, которыми располагает история искусства, и заманчивость включения их в анализ.

Одной из проблем историко-психологического исследования материалов истории искусства является возможность оценки ментальности общества на основании «шедевров, классических творений, ставших вехами в духовной истории человечества» (Кривцун, 1998, с. 343–344). О.А. Кривцун указывает, что для анализа базовых ментальных установок представителей среднего и низшего классов, не знакомых с художественными шедеврами эпохи, необходимо исследование специфичных для них форм повседневной художественной самореализации. При этом знания общих факторов потенциального взаимовлияния психологии и искусства недостаточно: «Как правило, прямого перетекания художественных характеристик в психологические и наоборот в истории культуры почти не присутствует» (там же, с. 344). Человеческий характер выступает в произведениях искусства двояко: внешне, в авторской трактовке, и латентно, что допускает возможность реконструкции по косвенным деталям, композиции произведения и т.д. Кривцун предлагает метод художественно-стилистического анализа, направленный на выявление по образу прообраза, по детали – целого, по авторской интонации – подстрочных смыслов и имплицитных мотивов. Другим приемом является воссоздание психологического облика читателя/зрителя, на которого было рассчитано данное произведение. Так же, как и «новые историки», Кривцун отмечает целесообразность исследования психологических явлений на протяжении большой исторической длительности и предлагает в качестве единицы анализа понятие художественного стиля как знака

особого эмоционально-образного строя и целостных социально-психологических состояний.

Применение реконструктивных методов (как методов материальной реконструкции, так и герменевтического анализа текста) не снимают проблемы разрывности социокультурного контекста между человеком прошлого и современным интерпретатором. На основании материальных реконструкций мы не можем судить о мотивах и мотивациях людей, затевающих дуэль (равно как об их ожиданиях относительно установок противника и исходе поединка), в частности, поскольку институт дуэли (поединка один на один), как любой социальный институт, имеющий долгую традицию, на этапах формирования, расцвета и деградации существовал в различных социальных условиях и, соответственно, имел различные функции, задачи, предписания, ограничения, цену.

Равно при герменевтическом подходе утрата контекста затрудняет интерпретацию текстов, независимо от позиции, которую принимает исследователь. Стратегия избегания интерпретаций, выбранная ради научной добросовестности, в свою очередь, порождает интерпретации, примеры чему находятся даже в издании «Застольных бесед» Плутарха серии «Литературные памятники» (Плутарх, 1990). Так, спартанец, убедившись, что не удастся поставить прямо убитого, говорит: «Для этого надо, чтобы что-нибудь было у него внутри!» (там же, с. 327). Комментарий гласит: «Смысл изречения не понятен. По-видимому, Плутарх высмеивает бессмысленность попытки спартанца и недостаток его сообразительности» (Боровский и др., 1990, с. 553). Но если предположить, что спартанец имеет в виду душу, наделенную волей, то смысл фрагмента резко меняется. Спартанец, видя, как готовят баню для Алкивиада, говорит, что на него одного идет слишком много воды, как на какого-нибудь грязнулю (там же, с. 328). Примечание к тексту гласит: «Спартанцы мылись редко

и мало» (Боровский и др., 1990, с. 553). Но и Сципион Младший, избранный консулом в войне с нумантийцами, застав в римском лагере беспорядки и распущенность, среди мер по укреплению дисциплины запрещает омовения (см. Плутарх, 1990, с. 377). Если знать, что в античном мире существовало две традиции гигиенических процедур – с помощью скребка и масла – аттическая и с помощью горячей воды, заимствованная из Персии и связываемая с представлениями об изнеженности и роскоши, то оба фрагмента получают смысл критики иностранного влияния и призыва к «возврату к корням», нормам бытовой простоты и демократии. (Проясняется и смысл объединения омовений с литературой и музыкой в римских термах.)

Лишь косвенно затрагивая историка, для которого данный фрагмент не является носителем исторически значимого содержания в классическом понимании, и чье дело здесь корректный перевод, эта проблема всем «весом» ложится на исторического психолога-герменевта. Самым неприятным является то, что разрыв контекста не может надежно маркироваться даже чувством непонимания, поскольку наши ожидания относительно исследуемой эпохи подсказывают правдоподобную трактовку, достоверность которой остается вне внимания. Смещение результатов в силу фактора личности исследователя считается слабым местом дискурс-анализа как метода (Кожемякин, 2015).

Многообещающей для исследования культурной картины мира является эмоциональная нагруженность и модальная универсальность архетипов по К.-Г. Юнгу (Юнг, 1996). Представленность архетипа, как в вербальных, так и в визуальных культурных продуктах позволяет расширить источниковую и методическую базу исследования с применением, как интерпретативных, так и проективных методов анализа и сличением результатов. Амбивалентным, с точки зрения организации исследования, качеством является внекультурность и общепонятность архетипов, которая, с одной стороны, делает близкими и

интересными для современного зрителя произведения искусства прошлых веков или отдаленных культур, с другой, – вносит риск ошибочных интерпретаций и атрибуции образам изначально не вкладывавшегося в них смысла (статуи Изида с младенцем Гором, часто принимавшиеся в ранние средние века за изображения девы Марии, являясь выражением вечного образа Матери, все же не относятся к христианской культурной традиции). Следует также учитывать фактор близости культурного кода и художественного языка творца и реципиента; так, изображение Сиуакоатль (Тонацин), богини-матери индейцев Центральной Америки, в виде молодой женщины с ребенком на руках и черепом вместо головы (Мифологический словарь, 1992, с. 503) вряд ли продолжило бы ряд материнских образов с точки зрения современного европейца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрены наиболее широко используемые методы изучения психических феноменов культур прошлого, разработанные в рамках исторической психологии, общей и социальной психологии, а также истории и культурной антропологии. Методологическая мысль может двигаться в направлении описания культурно специфичных или общих для разных культур феноменов сознания, а также выделения культурно специфичных или общих для разных культур критериев оценки ментальности, образной структуры, ценностных ориентаций или характеристик личностной репрезентации. Рассмотрены некоторые методологические проблемы и результаты контроля смещений.

На основании анализа сделаны следующие выводы, имеющие практическую ценность для организации научного исследования:

1) При применении любого метода или методики в формате историко-психологического исследования присутствуют элементы герменевтики – вживание и интерпретация. Исследователь либо реализует их сам, либо

делегирует группе испытуемых, работающей в режиме «псевдоочевидцев» (mock witness).

2) Групповая организация работы нивелирует смещение индивидуального уровня, но фиксирует смещение культурного уровня, отражая, как реальные объективные различия между культурами исследователя и исследуемого, так и стереотипные представления, возможно ложные, существующие в культуре исследователя относительно культуры исследуемого.

3) С этой точки зрения, большую достоверность результатов может обеспечить не интерпретация смыслов историко-культурного текста как такового, а воссоздание психологического облика читателя/зрителя, на которого было рассчитано данное произведение, по О.А. Кривцунову.

4) Более надежным с точки зрения контроля смещений представляется этик-подход, т.е. сравнительно-культурный подход.

5) Целесообразным представляется анализ больших временных отрезков, согласно методологии «новой истории».

6) По-видимому, перспективным является применение методов кросс-культурной психологии, ориентированных на оценку ценностных ориентаций, поведенческих проявлений и личностных характеристик социально репрезентативного уровня.

7) Интересным приемом может быть параллельный анализ вербальных и визуальных культурных продуктов.

Литература

Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М.: Наука; Смысл, 1999.

Барская А.Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

Барская А.Д. Возможности метода психолого-исторической реконструкции при воссоздании психики человека времен античности. URL:

<http://psychology.ru/lomonosov/tesises/ei.htm> (Дата обращения: 10.02.2018).

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989.

Белявский И.Г. Историческая психология. Одесса: Одесский государственный ун-т, 1991.

Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Большой психологический словарь / 4-е изд.; сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: ФСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009.

Борисенкова А. Герменевтические проекты в социологии (на примере работ Ю. Хабермаса и П. Рикера) // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 39–49.

Боровский Я.М. и др. Примечания // Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990.

Брюсова В.Г. По Олонецкой земле. М.: Искусство, 1972.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии / Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи. М.: ДИ-ДИК, 1996.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.

Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75–89.

Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. М.: ТК Велби, Проспект, 2009.

Забаяев И.В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 32. С. 124–142.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.

Зубкова Е.Ю., Куприянов А.Ю. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 155.

Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитоновна М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Историческая психология: предмет, структура и методы: Учеб. пособие / Под. ред. А.А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004.

Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ как междисциплинарный проект: между методом и идеологией // Научные ведомости. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. № 6 (203). Вып. 25. С. 5–12.

Кольцова В.А. Историческая психология // Психология: Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб., 2001. С. 507–524.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кон И. История в системе общественных наук // Философия и методология истории. Сборник статей / Ред. И.С. Кон; пер. с англ., нем., фр. Ю.А. Асеева. М.: «Прогресс», 1977.

Коньков Д.С. Дихотомия дружбы и вражды в римско-вестготских отношениях как стратегия этносоциальной адаптации: Торисмунд и Теодорих II // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 102–106.

Королев А.А. Историческая психология как интегральная отрасль обществознания. Некоторые вопросы методологии (взгляд историка) // Историческая психология: предмет, структура и методы: Учебное пособие / Под. ред. А.А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. С. 65–88.

Кривцун О.А. Эстетика. Учебник. М.: Аспект Пресс, 1998.

Луков В.А., Луков В.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008.

Митина О., Петренко В. Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 103–115.

Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992.

Нишанов В.К. Феномен понимания: когнитивный анализ. Фрунзе: Илим, 1990.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантическая реконструкция представлений о прошлом // Историческая психология и социология истории. 2011. № 2. С. 151–178.

Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990.

Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского / 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990.

Репина Л.П. Социальная память и историческая культура: от античности к новому

времени // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 6–7.

Русакова О.Ф. Методологические стратегии в современных исторических исследованиях: школа «Анналов» и «новая интеллектуальная история» // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2001. № 2. с. 17–48.

Серавин А.И. Метод «палеopsихологической реконструкции». Психология XXI века: Тезисы Международной межвузовской научно-практической студенческой конференции «Психология XXI века» / Под ред. А.А. Крылова. СПб.: Изд-во СПб у-та, 2000. С. 55–56.

Серавин А.И. Занимательная историческая психология средневековья. URL: <http://olmer.ru/rpg/stat/seravin/3.shtml> (Дата обращения: 06.02.2018).

Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / Науч. ред. и сост. И.П. Ильин, Е.А. Цурганова. М.: Интрада, 1999.

Спицына Л.В. Историко-психологическая реконструкция становления норм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период, 10–20-е годы XX столетия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.

Степанов Ю.С. Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40–76.

Тезаурусный анализ мировой культуры: Сборник научных трудов. Вып. 23 / Под общ. ред. В.А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.

Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.

Шалак В.А. Историческая психология как метод очеловечивания истории // Психология в экономике и управлении. 2009. № 2. С. 107–110.

Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.

Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996.

Hilton D.J., Liu J.H. History as the narrative of a people: From function to structure and content // *Memory Studies* Vol. 10. № 3. P. 297–309.

Hofstede G. Culture's recent consequences: using dimension scores in theory and research // *International Journal of Cross-Cultural Management*. 2001. Vol. 1 № 1. P. 11–17.

Liu J.H. Narratives and Social Memory from the Perspective of Social Representations of History // *Narratives and Social Memory: Theoretical and Methodological Approaches* / Eds. R. Cabecinhas, & L. Abadia. Lisbon, Portugal: Instituto da cooperação portuguesa, 2013. P. 11–24.

Liu J.H., Goldstein-Hawes R.H., Hilton D. et al. Social representations of events and people in world history across 12 cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2005. Vol. 36. № 2. P. 171–191.

Liu J.H., Paez D., Slawuta P. et al. Representing World History in the 21st Century: The Impact of 9/11, the Iraq War, and the Nation-State on Dynamics of Collective Remembering // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. Vol. 40. № 4. P. 667–692.

Liu J.H., Paez D., Hanke K., Rosa A., Hilton D.J., Sibley C.G., Cabecinhas R., Zaromb F., Garber I.E., Chan-hoong Leong, Moloney G., Valchev V. Cross-cultural dimensions of meaning in the evaluation of events in world history? Perceptions of historical calamities and progress in cross-cultural data from 30 societies // *Journal of Cross-cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. № 2. P. 251–272.

Liu J.H., Sibley C.G. From Ordinal Representations to Representational Profiles: A Primer for Describing and Modelling Social Representations of History // *Papers on Social Representations*. 2013. Vol. 22. № 5. P. 1–5.

Nencini A. Social representations of national history: Stability and changeability between different generations of Italians over a period of three years // *Societal and Political Psychology International Review*. 2011. № 2(1). P. 111–126.

Pennebaker J.W., Paez D., Deschamps J.C. The social psychology of history: Defining the most important events of the last 10, 100, and 1000 years // *Psicologia Politica*. 2006. № 32. P. 15–32.

Rokeach M. The nature of human values. N.Y.: Free Press, 1973.

Taylor S. Asymmetrical effects of Positive and Negative Events: the Mobilization-minimization hypothesis // *Psychological Bulletin*. 1991. № 110. P. 67–85.

METHODS OF HISTORICAL-PSYCHOLOGICAL RESEARCH

A. Danilova*

*Senior Researcher VINITI, Moscow, Russia

Annotation. The most widely used methods of studying the psychic phenomena of the cultures of past, developed within the framework of historical psychology, general and social psychology, as well as history and cultural anthropology, are considered. Methodological thought can move in the direction of describing culturally specific or cultural phenomena common to different cultures, as well as demarcating culturally specific or common criteria for different cultures to assess mentality,

figurative structure, value orientations, or characteristics of personal representation. Some methodological problems and results of displacement control are considered.

Keywords: historical psychology, methodology, hermeneutics, psychosemantics

ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

© 2018 г. Е.Ю. Проненко^{24*}

*Московский гуманитарный университет, Москва;

e-mail: pronenko@mail.ru

Почтовый адрес: Москва, ул. Юности, д.5, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты психолого-исторической реконструкции жизненной позиции поэтов Серебряного века. Анализ 593 произведения 60 поэтов и обработка полученных результатов позволили выделить доминирующие в их работах образы, отражающие характер их умонастроений и степень активности.

Ключевые слова: жизненная позиция, психолого-историческая реконструкция, характер умонастроений, степень активности, личность

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальных задач современной психологии является исследование особенностей психологии личности в условиях социально-экономических и политики-идеологических преобразований общества. К числу референтных личностных образований, отражающих восприятие человеком окружающего мира, его отношение к обществу, происходящим в нем инновационным процессам, относятся ценностные ориентации, смыслы жизни, жизненные позиции, социальные установки.

В жизненной позиции личности в концентрированном виде представлено ее отношение к миру, к себе, к характеру ее взаимодействия с социумом.

---

²⁴Аспирантка Московского гуманитарного университета.

В науке существуют различные трактовки жизненной позиции. Она определяется как проявление равнодушия и активности личности (Д. Жюлиа, 2000; В.И. Зорин, 2002), как направленность ее жизнедеятельности, система поведения человека, определяемая совестью, убеждениями, идейностью (И.С. Кон, 1981).

В работах В.Н. Маркина жизненная позиция рассматривается как духовное образование, совокупность убеждений и взглядов – социально значимых и профессиональных. Им дается классификация жизненных позиций по степени их активности (Маркин, 1989).

В исследованиях П.С. Гуревича жизненная позиция понимается как свобода. Отмечается, что человек, ущемив свободу другого, рискует оказаться в зоне нехватки собственной свободы (Гуревич, 2009).

С точки зрения А.А. Хвостова и В.С. Мухиной, жизненную позицию необходимо рассматривать во взаимосвязи с понятиями «смыслжизненные ориентации», «смысл жизни», «образ жизни». Авторы предлагают ввести смыслообразующий термин «пора» для определения жизненной позиции личности. «Пора» – призыв к признанию, самосознание человека, точное самоопределение человека (Хвостов, Мухина, 2011).

А.В. Брушлинским разработана структура критериальных свойств субъекта, включающая его жизненную позицию. Субъект, по мнению автора, выступает носителем активности, обладает способностью к творчеству и саморегуляции, способен познавать и преобразовывать мир (Брушлинский, 2002).

Жизненную позицию можно рассматривать, как в широком, так и в узком смысле. В.А. Ядов полагает, что современные люди имеют жизненную позицию в узком смысле этого слова, т.е. они готовы заниматься только своей и жизнью семьи и не выходят за пределы этого круга. В широком же смысле, жизненная позиция понимается как осмысление общества и всего мира в целом (Ядов, 2000).

К.А. Абульханова-Славская, посвятив много работ изучению жизненного пути человека, определяет жизненную позицию как сформированность образа «Я» и готовность личности к самореализации (Абульханова-Славская, 1991).

При формировании ценностного сознания личности, отмечает Б.Ф. Ломов, необходимо учитывать такие характеристики, как образ жизни, социальный статус и жизненный опыт. При изменении статуса личности, по мнению автора, происходит смена направленности личности, ее жизненных целей и мотивации (Ломов, 1966).

Стремление к совершенству, как одну из высших потребностей личности, в процессах самореализации, согласно И.Б. Дермановой и Л.А. Коростылевой, должно быть направлено на повышение качества деятельности, а не только на постоянный рост возможностей и реализацию человеком своих способностей и сил (Коростылева, 2000; Дерманова, 1999).

Об активности жизненной позиции, как способности актуализации внутренних возможностей и потенциалов человека, переосмысления его личного жизненного и социального опыта, пишет Н.Е. Водопьянова (Водопьянова, 1998).

Проведенный анализ позволяет определить жизненную позицию как обусловленное внешними обстоятельствами и внутренними факторами (установками, ценностями, нравственными нормами и т.д.) отношение человека к себе, к окружающему миру, к событиям своей жизни, проявляющееся в поступках, мыслях, действиях.

Нами была разработана трехкомпонентная модель жизненной позиции, включающая: характер мироощущения (оптимистический – пессимистический, позитивный – негативный); степень активности (активная, готовность к действию, принятие ответственности на себя – пассивная); ценностные ориентации.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью проведенного нами эмпирического исследования являлось изучение жизненной позиции поэтов Серебряного века как рупоров эпохи.

Очевидно, что поэты обладают даром глубинного видения действительности, способностью чувствовать ее противоречия и «болевы́е точки» и отражать их в образной форме в своих произведениях, поэтому выявление их жизненных позиций позволяет полнее и точнее понять умонастроение того исторического времени, с которым связаны их жизнь и творчество²⁵.

В качестве **объекта исследования** выступили поэты Серебряного века (конец XIX – начало XX веков) в количестве 60 человек – 30 мужчин и 30 женщин.

Основным **методическим приемом**, используемым в данном исследовании, выступала процедура психолого-исторической реконструкции (Кольцова, 2004; 2008), которая, в свою очередь, включала поиск и систематизацию источников, анализ продуктов деятельности, их рассмотрение и интерпретацию в культурно-историческом контексте.

Источниковую базу составили 593 произведения поэтов.

Для получения эмпирических материалов использовался метод контент-анализа, а для его обработки – методы математической статистики: корреляционный анализ Спирмена, U-критерий Манна-Уитни, кластерный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По нашему мнению, жизненная позиция поэтов опосредовано отражается через образы, используемые поэтами для выражения своих взглядов по принципу механизма проекции, а также и через выбор тематики произведений.

---

²⁵Подтверждением этого является тот факт, что, например, умонастроения людей и психологическая атмосфера советского общества 1960-х годов наиболее глубоко и точно отражена в стихах «поэтов-шестидесятников» периода «оттепели» Р. Рождественского, Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Акуджавы и др.

Для понимания жизненной позиции поэтов, мы кластеризовали полученные нами образы в ходе анализа продуктов деятельности и контент-анализа.

В результате кластерного анализа поэты были разделены на три кластера.

Первый кластер с условным названием «Рефлексирующие пессимисты» преимущественно содержит следующие образы: «вода», «туман», «мир», «земля», «время года», «дорога», «Бог», «пора действовать», «сердце», «жизнь», «любовь», «огонь», «печаль». Данный кластер можно назвать мужским, поскольку в нем преобладают поэты-мужчины. От других кластеров его отличает наличие следующих образов «земля», «туман», «печаль», «пора действовать».

Таким образом, с одной стороны, поэты не видят просвета (сплошная печаль и туман), с другой стороны, они стремятся к действию.

Второй кластер с условным названием «Рефлексирующие романтики» включают следующие образы: «цветы», «солнце», «небо», «вода», «время года», «Бог», «огонь», «жизнь», «ветер», «дождь». Во втором кластере представлено незначительное преобладание женщин-поэтесс. От других кластеров его отличает наличие следующих образов: «цветы», «солнце», «дождь», «ветер».

Это, с одной стороны, говорит о стремлении к переменам, попытке избавиться, очиститься от невзгод, поверить в жизнь, с другой стороны, – о потребности в тепле, романтике, любви.

Третий кластер с условным названием «Пессимисты-созерцатели» содержит следующие образы: «страна», «глаза-очи», «мир», «небо», «дорога», «время года», «сердце», «Бог», «любовь», «жизнь». В третьем кластере незначительно преобладают женщины-поэтессы. От других кластеров его отличает наличие следующих образов: «страна», «глаза-очи».

Это говорит о том, что поэты задумываются о стране, однако их мысли носят пессимистический, упаднический характер: они преимущественно стремятся покинуть Россию, подальше скрыться от невзгод и трудностей. Вместе

с тем, образ «глаза-очи» отражает их стремление найти вовне спокойное место для своей будущей жизни.

Таким образом, в целом образы, представленные во всех трех кластерах, свидетельствуют об относительно пессимистическом жизненном настрое поэтов Серебряного века. Яркое выраженное стремление к переменам сочетается у них с пассивной жизненной позицией, состоящей в отсутствии понимания того, как достичь этих перемен и предпочтении не разрешать жизненные проблемы, а спрятаться, убежать от них. Все они, не надеясь на возможность изменить свою жизнь собственными силами, уповают на Бога. Романтический настрой их души отражается в обращении к образам природы, выделении любви.

С помощью корреляционного анализа Спирмена и U-критерия Манна-Уитни проведено исследование и сравнение жизненных позиций мужчин-поэтов и женщин-поэтесс.

У женщин-поэтесс выявлена корреляция образов «мать» и «улыбка», у мужчин-поэтов установлена корреляционная связь образов «туман», «мир», «небо», «деревня», «земля», «дедушка».

Это позволяет сделать вывод о том, что жизненная позиция женщин-поэтесс выражается в потребности в защите, заботе, стремлении к проявлению материнской любви («мать») и установлению доброжелательных отношений посредством внешнего проявления своих позитивных чувств («улыбка»).

Жизненная позиция поэтов-мужчин выражается в стремлении к жизни, вечности («небо»); отсутствии уверенности в благополучной жизни, неизвестности своего будущего («земля», «туман», «мир»); желании спрятаться, укрыться («деревня»), но, одновременно, потребности проявить мужское начало, мужественность, традиционную для нашей ментальности («дедушка»).

Таким образом, в жизненной позиции женщин-поэтесс проявляется потребность в поддержке, согревающей улыбке, женственности, защите и заботе.

В жизненной позиции мужчин-поэтов наблюдается противоречивость: с одной стороны, попытка мужчин спрятаться, укрыться, тревожность, неопределенность своего существования (отсутствие света, туман), с другой стороны, стремление к проявлению мужественности, сохранению жизни, вечности.

Соотнося выделенные показатели с ценностями в методике Рокича, можно сделать вывод, что для поэтов Серебряного века характерны следующие ценностные ориентации: пассивная жизненная позиция; любовь; счастье других; красота природы; непримиримость к жизненным невгодам; терпимость; сложность в отстаивании своих взглядов и мнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можем сказать, что жизненная позиция поэтов Серебряного века, выявленная с помощью процедуры психолого-исторической реконструкции, характеризуется пассивным характером, пессимистическим мироощущением, наличием таких ценностных ориентаций, как смирение, терпимость, трудность в отстаивании своих убеждений, романтическими устремлениями и осознанием невозможности их реализации, противоречивостью стремлений и установок.

Выявленные черты жизненной позиции поэтов Серебряного века обусловлены, на наш взгляд, не только особенностями возникших в начале XX века новых литературных течений (символизм, акмеизм, футуризм и др.), но и самим историческим временем, – сложным и противоречивым, наполненным социальными потрясениями, революциями и войнами. Происходило крушение старых жизненных устоев и ценностей. На смену привычному и традиционному обществу приходило новое, пока еще не заявившее о своих позитивных возможностях и перспективах, но уже обнаружившее разрушительную силу в борьбе со старым общественным строем. В этих условиях творческой личности приходилось нередко выбирать между жизнью и свободной выражения своей

мысли. Именно этим обусловлены метания и противоречия русской интеллигенции, ее тревоги, пессимистические мироощущения.

Литература

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. С. 126–149.

Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М.: ПЕРСЭ, 2002.

Водопьянова Н.Е. Активная жизненная позиция личности и профессиональная адаптация в условиях социально-экономического кризиса // Психологические проблемы самореализации личности. СПб: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 144–153.

Гуревич П.С. Психология личности: учебное пособие для студентов вузов. М.: Юнити-Дана, 2009.

Дидье Ж. Философский словарь. М.: Международные отношения, 2000.

Знаков В.В., Залевский Г.В. Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кольцова В.А. О целостном подходе в историко-психологическом исследовании // Принцип системности в психологических исследованиях. М.: ИП РАН, 1990. С. 131–137.

Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. История психологии: теоретические и методологические проблемы // Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В.Н. Дружинин. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 578–590.

Маркин В.Н. Жизненная позиция личности. Идеологический и социально-психологический аспекты. М.: Мысль, 1989.

Мухина В.С., Хвостов А.А. Отчуждение от себя о саморазрушающих страстях человеческих. Монография. М.: Изд-во «Прометей», 2011.

Символы и знаки: [Электронный ресурс]. М., 2000–2015. URL: <http://allsymbols.ru>. (Дата обращения: 15.01.2015).

Словарь Ефремовой: толковый словарь русского языка онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/efr.html>

Философская энциклопедия: [Электронный ресурс]. М., 2000–2015. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy. (Дата обращения: 12.02.2015).

Шкуратов В.А. Историческая психология. Учебное пособие. М.: Смысл, 1997.

Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия? ... Власть, общество, личность. М.: Аспект-пресс, 2000. С. 383–391.

LIFE POSITION SILVER AGE POET

E. Pronenko*

*Graduate student of the Moscow Humanitarian University,

Moscow, Russia

Annotation. The article presents the results of psycho-historical reconstruction of the vital position of the poets of the Silver Age. Analysis of 593 works of 60 poets and processing of the obtained results allowed to identify dominant in their work in a manner reflecting the nature of their worldview, values and the degree of social activity.

Keywords: Beliefs, psychological and historical reconstruction, the nature of attitude, the degree of social activity, personality